

ЦЕНТР ПОДДЕРЖКИ АРМЕНИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Москва

АРМЯНСКИЙ гуманитарный вестник

2/3-I

2009

Главный редактор: Арег Баяндур

Редколлегия:

- Левон Абрамян / Ереван
- Виана Арутюнова-Фиданян / Москва
- Саркис Арутюнян / Ереван
- Владимир Плунгян / Москва
- Алла Тер-Саркисянц / Москва
- Манеа Эрна Ширинян / Ереван
- Карен Юзбашян / Санкт-Петербург

Ереван
"Зангак-97"
2009

УДК 001:030
ББК 72я2
А 839

А 839 Армянский гуманитарный вестник.—
Ер.: "Зангак-97", 2009.— 168 стр.

Հայագիտական ուսումնասիրություններ
ՊԱՐԲԵՐԱԳԻՐ

BULLETIN
of Armenian Studies
(periodical journal)

ISBN 978–99941–1–646–1

© Армянский гуманитарный вестник. Москва-Ереван-Степанакерт. 2009 г.

Все права защищены. При перепечатке материалов или цитировании ссылка обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

<u>ЯЗЫК</u>		
А. Маилян, Ж. Манукян, Н. Меликян, С. Мхитарян, Е. Фельдман	7	Армянско-русский словарь глагольных управлений (АРСГУ)
<u>ЭТНОГРАФИЯ И ФОЛЬКЛОР</u>		
Лилия Аванесян	38	Ковер из подземного царства (По мотивам армянской сказки "Девушка-лягушка")
Саргис Арутюнян	42	Предание о ритуальном поясе
<u>ИСТОРИЯ</u>		
Мкртич Зардарян	50	Коммуникационная ось «Юг-Север» в системе внешних связей Армянского нагорья (I тыс. до н. э.)
Армен Петросян	66	О происхождении армянского народа: проблема идентификации протоармян (критический обзор)
Нвард Тирацян	103	Хетто-цупанийские переселенцы и их боги на севере Урарту
Армине Зограбян	108	Распространение товаро-денег на территории Армянского нагорья в III-II тыс. до н.э.
<u>ЛИТЕРАТУРА</u>		
Арцруни Саакян	117	От мифологии ландшафта к историографии страны (по тексту об обращении Грузии)
Ваге Бояджян	124	Об одном упоминании о белуджах у армянского хроника 18 века
<u>ИСКУССТВО</u>		
Заруи Акопян	130	Армяно-византийские связи в области искусства с раннего средневековья до конца XI века
Сейрануш Манукян	146	Рубрикация как отражение литургии в декоративной системе армянских рукописных евангелий

Вардан Ферешетян 156 PERSONALIA
Николай Адонц (1871-1942)

Акад. Гр. Капанцян 162 НАСЛЕДИЕ
О двух социально-политических
терминах древнего Ближнего Востока

166 НАШИ АВТОРЫ

Гарник Асатрян OBITUARY
Карен Юзбашян (2-3 стр. обложки)

Гуманитарный проект
Аспрам Нждеян, Ашота Балаяна, Арега Баяндур
Москва-Ереван-Степанакерт

В работе над номером принимали участие
Вардан Айрапетян
Гаяне Ахвердян
Вардан Ферешетян
Георгий Кубатьян

Оформление обложки
Мкртыч Матевосян

Иллюстрации к статье А. Зограбян
Армен Геворкян

Дизайн-макет
Григорий Арутюнян

С редакцией можно связаться по электронной почте:
aregbayandur@mail.ru

С электронной версией журнала можно ознакомиться на сайте:
www.eapc.net, "Восточноармянский национальный корпус"

А.Маилян, Ж.Манукян, Н.Меликян,
С.Мхитарян, Е.Фельдман

АРМЯНСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ ГЛАГОЛЬНЫХ УПРАВЛЕНИЙ (АРСГУ)

Глагол является необходимым условием всякой речи,
и там, где его не существует, по крайней мере, скрытым образом,
нельзя говорить о наличии языка...

М.Фуко. Слова и вещи.

Частое использование номинализаций позволяет
избегать в дискурсе прямого изображения реальности,
для которого нужны глаголы.

К. Ажеж. Человек говорящий.

A. Mailyan, Zh. Manoukyan, N. Melikyan, S. Mkhitaryan, E. Feldman
ARMENIAN–RUSSIAN DICTIONARY OF VERBAL GOVERNMENT

*The main task of the publication is introducing the model of an unpublished Armenian–Russian dictionary of verbal government to linguistically oriented public. Three lexicographic entries introducing the verbal government of the following Armenian verbs *սնցնել, ասել, բաժանել* and their Russian equivalents are given. These entries are provided with comment. There is a detailed preface giving the compiling principals of the dictionary based on the verb centric theory of the sentence. The verb, being the apex of the sentence, generates the tree, bifurcation of which takes place on the basis of the verb valency. The verb valency potential is represented in the dictionary in the form of patterns of the verbal government. The publication of the project is to be continued and the conclusions about similarities and distinctions in verbal government schemes (in compared languages) will be drawn after the work is completed.*

Словарь глагольных управлений (далее – СГУ) в общепринятом понимании содержит как можно более полный перечень глаголов конкретного языка, при этом каждый глагол представлен в соответствующих синтаксических конструкциях, порожденных им и реализующих его комбинаторный потенциал в лексике и грамматике.

Работа по созданию АРСГУ (предполагаемый объем – около 10 тысяч глаголов армянского языка) велась в группе сопоставительно-типологических исследований Института языка АН Армении в течение пяти лет (1990 - 1995). Словарь мыслился как справочник, в котором представлены типы управления армянского глагола и показана существующая (в большинстве случаев) связь между типом управления и соответствующим значением многозначного армянского глагола¹.

¹ В силу ряда обстоятельств дальнейшая работа над словарем была приостановлена. В дальнейшем авторы решили подготовить и издать макет Словаря.

За 2002-2003 гг. коллектив лишился двух сотрудников. Безвременно ушли из жизни А. Маилян и С. Мхитарян (единственный арменист группы).

Ныне читателям предлагаются для ознакомления три словарных статьи из макета словаря, который состоит из 79 глаголов (по заданному правилу: одна буква (X) представлена полным набором глаголов, а каждая из остальных – одним или несколькими глаголами). Остальные словарные статьи макета будут представлены в следующих номерах данного издания.

Несколько слов по существу выполненной работы.

1. Авторы словаря исходят из принципиальных положений и понятий теории семантического синтаксиса. В частности, они разделяют ту существующую в литературе точку зрения (Л.Теньер, вербоцентрическая теория предложения), согласно которой глагол-предикат является вершиной, порождающей дерево предложения, ср.:

Рис.1

Примеры показывают, что:

- а) развитие дерева предложения из глагола-предиката происходит на основании валентностных свойств² глагола;
- б) глагол задает ситуацию и – реализуя свои валентности – ее участников (актанты и сирконстанты); ср.: «Глагольный узел (глагол с зависимыми элементами – Н.М.) ... выражает маленькую драму... Имеется действие, а чаще всего также действующие лица и обстоятельства. ... Если перейти от плана драматической реальности к плану структурного синтаксиса, то действие, актеры и обстоятельства становятся соответственно глаголом, актантами и сирконстантами» (Теньер, 1988: 117).

2. Начиная с 60-х годов прошлого столетия, теория валентности, интенсивно развиваясь, все более семантизируется.

2.1. Разграничиваются актанты синтаксические (т.е. члены предложения) и семантические – носители семантических ролей (Fillmore 1968; Fillmore 1977)³.

2.2. Понятие семантической валентности и семантической роли неразрывно связаны и эксплицируются⁴ Ю.Д.Апресяном через толкование лексического

² Понятие валентности, как и сам термин, ввел в западноевропейскую лингвистику Л.Теньер (Теньер 1988: 250). Валентность (от лат. valentia - сила) – способность слова вступать в синтаксические связи с другими элементами (ЛЭС 1990: 79). Валентность активная (потребность в зависимом), валентность пассивная (потребность в главном) – (Жолковский, Мельчук 1967: 193).

³ В русском переводе (Филлмор-1 1981), (Филлмор-2 1981), см. список литературы.

значения, ср.: “Семантические валентности вытекают непосредственно из лексического значения слова (в данном случае задающего ситуацию глагола – Н.М.), характеризуют его как конкретную, отличную от других лексическую единицу. Приписываемые им содержания, или “роли”, суть части этого лексического значения” (Апресян 1974: 120). Далее следует анализ ситуации аренды – для пояснения понятия семантической валентности. С этой же целью авторы АРСГУ в качестве иллюстративного материала предлагают анализ ситуаций с глаголами *ծեծել* – *бить*, *սիրել* – *любить*, *գրել* – *писать* (см. рис.1). Для реализации ситуации, задаваемой глаголом *ծեծել* – *бить*, необходимы три семантических актанта – в скобках помечены их семантические роли: тот, кто бьет (Агенс), тот, кого бьют (Пациенс), то, чем бьют (Инструмент)⁵; в ситуации *սիրել* – *любить* участвуют два семантических актанта: тот, кто любит (Агенс, он же Заинтересованное лицо), и тот, кого любят (Пациенс). Что касается глагола *գրել* – *писать*, то в рассматриваемом случае представлена лишь одна из ситуаций, задаваемых этим глаголом, а именно: письменно, адресуясь к определенному лицу, составлять Текст-сообщение (писать₂). Участники ситуации: тот, кто пишет (Агенс), тот, кому пишут (Адресат), то, что пишут (РЕЧЕВОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ = Текст-сообщение), то, как пишут, выводят буквы (Манера), то, чем пишут (Инструмент), то, на чем пишут (Фоновый объект); ср.: *Ոսկեծալք գրիչով* (Инструмент) *դրոշմագիրը թղթի վրա* (Фоновый объект) *նա* (Агенс) *գեղագիր ձեռագրով* (Манера) *շնորհակալական նամակ* (Текст-сообщение) *էր գրում իր հրատարակչին* (Адресат). То же в русском варианте: Золотым пером (Инструмент) на тисненой бумаге (Фоновый объект) он (Агенс) каллиграфическим почерком (Манера) писал благодарственное письмо (Текст-сообщение) своему издателю (Адресат)⁶.

Релевантными для ситуации *писать*₂ по сравнению с *писать*₁ являются семантические роли Адресат и Текст-сообщение. Ср. с *писать*₁, актантная структура: Агенс – Средство – Текст – Место (в армянском и русском языках): *Աշակերտները* (Агенс) *կարդում և թարգմանում էին օրինակները*, *ապա գույնզգույն կավիճներով* (Средство) *գրատախտակի վրա* (Место) *գրում թարգմանությունները* (Текст⁷) – Ученики (Агенс) читали и переводили примеры из учебника, а затем цветными мелками (Средство) писали на доске (Место) перевод (Текст).

Семантические роли, дифференцируя семантические валентности, одновременно представляют их обобщенно – как типы зависимости от глагола (и это тем вернее, чем больше множество исследованных глаголов!).

⁴ Экспликация (лат. explication – разъяснение, развертывание) – в математической логике способ развертывания какого-либо исходного понятия, которое еще не является вполне точным, в научно доказанное понятие (Кондаков 1971: 602).

⁵ «...Некой вещи в данной ситуации придают функцию инструмента» (Апресян 1974: 63).

⁶ Пример Ю.Д.Апресяна – с иной лексикой: «писать другу письмо готическими буквами на дорогой бумаге гусиным пером» (Апресян 1974: 123). Там же – анализ примера См. также: К.И.Казенин 1991: 121 – 124.

⁷ Имеется инкорпорированный участник

2.3. Структура семантических актантов сопоставляется со структурой актантов синтаксических. Банальный случай их несоответствия в русском языке – пассивная конструкция с творительным Агенса (Ob ag) и синтаксическим Субъектом-Пациентом: Рабочие строят дом – Дом строится рабочими.

В армянском языке ситуация с пассивом сложнее: «пассивная конструкция с Ob ag встречается очень редко – примерно в 5 случаях на каждые 100 предложений с пассивом» (Козинцева 1974: 79)⁸, как нам кажется, по следующим двум причинам:

1. Понижение коммуникативного ранга⁹ Агенса в пассиве, его перемещение из Центра в позицию Периферия или За кадром – как универсальное для многих языков явление;

2. Специфика оформления Агенса в пассивной конструкции в армянском языке, ослабляющая его связь с глаголом, вследствие чего имеет место уход Ob ag в позицию За кадром – как явление высокочастотное и типическое.

Ср.: а). Բանվորները (Агенси, Sb) տուն (Пациент, Ob) են կառուցում: – Рабочие строят дом. Տունը (Пациент, Sb) կառուցվում է բանվորների կողմից (Ob ag: Род + послелог կողմից): – Дом строится рабочих со стороны.

б). Մայրը (Агенси, Sb) գուլիշ (Пациент, Ob) է գործում: – Мать вяжет носки (носок). Գուլիշն (Пациент, Sb) գործվում է մոր ձեռքերով (Ob ag: Посессор¹⁰ Род + Часть тела Тв) – Носки (носок) вяжутся матери руками.

В обоих примерах Агенси, входя в состав послеложной (а) и именной (б) групп, не связан с глаголом непосредственно и – ввиду условного характера связи – затушевывается (Падучева 2004: 95-97), как бы лишается волевого импульса.

Способы оформления Ob ag в пассиве в армянском языке, их синтаксис и семантика должны стать предметом скрупулезного исследования – с привлечением сведений из исторической грамматики армянского языка и, возможно, такого параметра, как «Ментальность нации». В исследование должны также войти: уточненное определение пассива (Агенси всегда ЛИЦО), затем анализ (полученных на больших выборках) данных:

а) об употребительности пассива в различных стилях и подъязыках армянского языка;

б) об употребительности Ob Ag (распределение в указанных текстах по признаку «принципиальная невыразимость/обязательность-факультативность». Следует указать предпочтение при выборе конструкции в связном тексте: «актив или пассив», «неопределенно-личная конструкция или пассив». Только такое

⁸ Работа выполнена на материале художественной литературы, публицистики и научных текстов (лингвистика, историко-филологические исследования).

⁹ «Коммуникативный ранг – место участника в иерархии степеней тематичности... Ранг – это прагматическая характеристика, она определяет участника через его отношение к фокусу внимания говорящего. Субъект и объект – это участники, входящие в центр зоны внимания, остальные участники относятся к периферии этой зоны; кроме того, участник ситуации может быть синтаксически невыразим, т.е. находиться за пределами периферии – за кадром» (Падучева 2004: 58-59).

¹⁰ Конструкция *Посессор + опорное имя* выражает отношение принадлежности, притяжательности (посессивности).

исследование даст четкое представление о функциях и месте пассива в системе современного армянского языка (ср.: Королев 1969).

3. Переходя к управлению (нашей основной теме), подчеркнем, что различаются «управление семантическое (наличие семантических валентностей) и управление синтаксическое – возможности их реализации в тексте» (Апресян 1974:155). С вышеприведенным утверждением хорошо согласуется традиция понимания управления, как любой подчинительной связи, принятая в теории и практике АП в ВЦ АН Армении; ср.: «Под управлением... понимается синтаксическое подчинение слов друг другу, при котором подчиняющее слово оказывает влияние на форму подчиненного слова» (Белецкий, Григорян, Заславский 1963: 72, сноска 1). И далее: «Условимся считать, что сказуемое есть то слово, с которого начинается вся система синтаксических отношений подчинения». Таким образом, синтаксическое глагольное управление включает в себя управление и примыкание – как виды подчинительной связи, установленные традиционной грамматикой. Предметом нашего описания являются синтаксические валентности, т.е. морфологические и морфо-синтаксические способы выражения семантической зависимости от задающего ситуацию глагола в реальном тексте.

3.1. Семантика (анализ ситуации по семантическим актантам, толкование лексического значения глагола) остается за кулисами. За кулисами остается и разработанная И.А.Мельчуком и А.К.Жолковским система ЛФ (лексических функций), которую мы не рискнули применить явным образом к материалу АРСГУ. Высоко оценивая вклад в лингвистику московской семантической школы (в первую очередь, таких ее представителей, как А.К. Жолковский, И.А.Мельчук, Ю.Д.Апресян)¹¹ и испытывая в течение многих лет воздействие ее идей (ср.: Фельдман 1981, 1982, 1987), мы в данном случае разделяем мнение Ю.Д.Апресяна: «Лексикография – дело традиционное, и новые методы обработки и представления материала имеют шанс прижиться в ней, если вводятся постепенно и небольшими порциями» (Апресян 1991: 8).

4. Необходимо, тем не менее, перечислить некоторые из основных принципов, с помощью которых разрешается заданная словарем многозначность глагола.

4.1. Это сопоставление моделей управления (МУ) многозначного глагола, при котором выявляется фактор (актант) со смыслоразличительной ролью (Падучева 2004: 73). Пример: анализ глагола *գործել*, оппозиция на уровне глагольных подклассов: переходный – непереходный, ср.: *գնվաճ գործել* (перех) – вязать чулок, но *օրենքը չի գործվում* (неперех) – закон не действует.

4.2. Это выбор соответствующего значения многозначного глагола (в, казалось бы, одной и той же МУ) с помощью таксономического класса (Т-класса) участника

¹¹ См.: Жолковский, Мельчук 1967), (Жолковский, Мельчук 1969), (Мельчук 1974), (Апресян 1974), (Апресян 1991).

ситуации при прочих равных условиях. На самом деле это разграничение МУ на МУ1, МУ2, МУ...n – в соответствии с Т-классом участника ситуации, или проверка МУ на идентичность самой себе с помощью Т-класса участника ситуации. Не случайно Е.В.Падучева вводит в словарную статью проекта «Лексикограф» информацию о таксономии глагола, его тематическом классе, а также Т-класс участника ситуации (Падучева 2004: 35-36), отмечая: «Значение глагольной лексемы существенно зависит от таксономического класса участника» (Падучева 2004: 80, 588, 589).

Не производя подобных классификаций, мы уловили вышеуказанную зависимость в практике работы: язык перевода (выступая в качестве метаязыка) выявляет эквиваленты (имплицитно представленных) значений армянского многозначного глагола, дифференцируя их именно с опорой на Т-класс участника ситуации; см. анализ следующих примеров.

а) Пример с глаголом *գրավել*¹ – захватить, *գրավել*³ – пленить (по словарю ժՀԲԲ); *գրավել*¹ *սմրոցը* (Пациенс, Т-класс: ПРЕДМЕТ) *խորամանկությամբ* – захватить крепость хитростью; *գրավել*³ *շահին* (Пациенс, Т-класс: ЛИЦО) *գեղեցկությամբ* – пленить шаха красотой.

Отметим некоторые интересные особенности примеров с *գրավել* и изложим (конспективно) свои соображения по этому поводу.

• *Явление расщепленной валентности (Апресян 1974: 153-155, 259-260) в примерах: Նրա գեղեցկությունը գրավեց շահին: – Նա գրավեց շահին իր գեղեցկությամբ: Ее красота пленила шаха. – Она пленила шаха своей красотой.*

*Соотношение двух языков по числу примеров и типам структур с расщепленной валентностью в каждом из них. По предварительным наблюдениям некоторые типы структур с расщепленной валентностью отсутствуют в армянском языке. Тройкам типа: целовать ребенку лоб, целовать ребенка в лоб, целовать лоб ребенка (Апресян 1974: 259,260) – в армянском языке соответствует лишь одна генитивная конструкция *համբուրել էր խնայի ճակատը*, эквивалент исходной структуры в русском. Это явление (очень осторожно!) можно связать с разными способами концептуализации действительности при описании одной и той же ситуации в сопоставляемых языках (Падучева 2004: 155, 156, 529, 530) и со спецификой надежных форм армянского языка.*

• *Семантическая деривация. Участник Признак – как диагностический – в ситуации, описанной в примерах: Ее (Агенса - Посессора) красота (Признак) пленила шаха (Пациенса) – Она (Агенса) пленила шаха (Пациенса) своей красотой (Признак). Указанная функция участника Признак отделяет вышеописанную ситуацию от ситуации «пленить» (взять в плен); следы указанного значения хранит словарная статья (МАС, СОЖ); пометы книжн., устар., высок.; примеры: Дивизия... пленила*

одного из самых наших блестящих генералов... – Братеску (М. Алексеев Солдаты. МАС). Пленить вражескую армию (ЛИЦО - КОЛЛЕКТИВ) (СОж).

Оппозиция: пленить реально (взять в плен генерала, армию) / пленить переносно (взять в плен сердце шаха), на что и указывает участник Признак. Сдвиг в семантике глагола «пленить» при переносном употреблении: обладание – каузированное психическое состояние.

• Анализ примера «գրավել ամրոցը խորամանկությամբ». Ситуация «перехитрить» (участники: нападающий, Агенс; защитник крепости, Контрагент), представленная в ситуации «захватить крепость» как Признак + Способ (?!): хитрость (Свойство-Признак) каузирует последовательность Приемов (Способов) захвата.

Запрет на преобразование: «Նաիր շահը (Агенс) գրավեց Թաթուրի (Контрагент-Посессор) ամրոցը (Пациент) խորամանկությամբ (Признак + Способ):» “Նաիր շահի (Агенс-Посессор) խորամանկությունը (Признак + Способ) գրավեց ամրոցը (Пациент)”: Обоснование: агентивный «գրավել» – как глагол конкретного действия – требует в позиции Sb участника Агенс (Лицо). Допустимо: “Նաիր շահի խորամանկությունը օգնեց նրան գրավել ամրոցը:” (по сюжету поэмы Ов. Туманяна “Взятие крепости Тмук”).

б). Пример с глаголом нерасчлененной семантики¹², когда в пределах одной и той же МУ – в зависимости от Т-класса актанта (тело твердое/ жидкое/ сыпучее) осуществляется выбор нужного эквивалента для глагола. Ср.: թափել:

1. ջուր – лить (вы-)налить воду;
2. թեի պտղունց – (на-)сыпать щепотку чая
3. քուրբեր – сбрасывать, бросать бомбы

Иллюстративный материал.

Ինչպես կարելի է կեղտոտ ջուրը ծաղիկների ածուի վրա թափել (ըստ Մ.):
– Как можно выливать грязную воду на грядку с цветами.

Կեչուի վրաից սկյուռը չոր կեղևաթեփ է թափում (Մ.Խանդ.): – Белка сыплет с березы сухую шелуху.

Չառապանը հանում է թեյը և մի քանի պտղունց թափում թեյամանը (Մ.):
– Извозчик (ямщик) достает чай и насыпает несколько щепоток в чайник.

Մեզ խումբ-խումբ տանում էին գետի ոլորակները, կոտորում ու ջուրը թափում (Զ.Դարյան): – Нас группами отводили к излучине реки, истребляли и сбрасывали в воду (свидетельство уцелевшего очевидца).

¹² Термин подсказан Н.Л.Абрамян.

с). Другой глагол с нерасчлененной семантикой *թաթախել* – об(макнуть,) об(валять). Таксономическая характеристика актанта Пациент: жидкий/ сыпучий. Этот глагол (вопреки прогнозу: обмакнуть – жидкое, обвалять – сыпучее) имеет распределение: обмакнуть – жидкое/ сыпучее, обвалять – сыпучее – в ситуации, когда участником (Средство) оказывается «соль», т.е. когда «вторгается» аксиома действительности: «обваливать солоно будет».

Иллюстративный материал.

Հերտիկներով կտրտած դրուր թաթախել ձվի մեջ... (Տնարարություն):

– Тыкву, нарезанную небольшими пластинами, обмакнуть в яйцо.

Подготовленное филе обмакнуть в яйцо... («Рыбные блюда»).

Ուսուցիչը շոյեց աշակերտի ձեռքը, նրա ցուցամատը թաթախեց արյան մեջ և վերջին ճիգով աշակերտի ձեռքով գրեց վերջին տառը: –Учитель погладил руку ученика, обмакнул его указательный палец в кровь и из последних сил рукой ученика написал последнюю букву.

Նա մի կտոր հաց թաթախեց աղի մեջ և կերավ (Դ): – Он (об)макнул кусок хлеба в соль и съел.

Каждый макает в соль очищенный картофель (Л.Т.).

Стабесов принялся лупить яйцо, держа его в горстке, обмакнул в соль и медленно съел (А.Н.Т.).

Ձուկը թաթախել ալյուրի մեջ եւ տապակել (Երեկոյան Երևան):

– Рыбу обвалять в муке и жарить.

Нужно пескаррей обвалять в сухарях и жарить досуха (Чехов).

5. Содержание п.1 дает возможность утверждать, что СГУ практически представляет собой соответствующий перечню глаголов список деревьев зависимости (ДЗ)¹³ предложений любого языка (в данном случае армянского) – с той оговоркой, что внутренние связи в ИГ, в группах с П или Н в качестве вершины, отражены на уровне отношений зависимости между частями речи как классами слов.

5.1. Тогда перевод есть преобразование дерева предложения одного языка (здесь – армянского) в дерево предложения другого языка (русского) – по заданным правилам и с учетом АЧ.

5.2. По первоначальному замыслу примеры в каждой части должны были даваться в виде деревьев. Это позволило бы наглядно представить типологическое различие в порядке слов в армянском и русском языках.

¹³ Дерево зависимостей – это конечное множество узлов, попарно соединенных ветвями; ветви направленные, причем один выделенный узел – вершина; в вершину не входит ни одной ветви, в любой узел, отличный от вершины, входит одна – единственная ветвь, ветви не образуют контуров (Кулагина 1971: 163).

Деревья зависимостей предложений армянского языка и их преобразования в русском языке могут быть даны в приложении к Словарю (с обобщением их по типу).

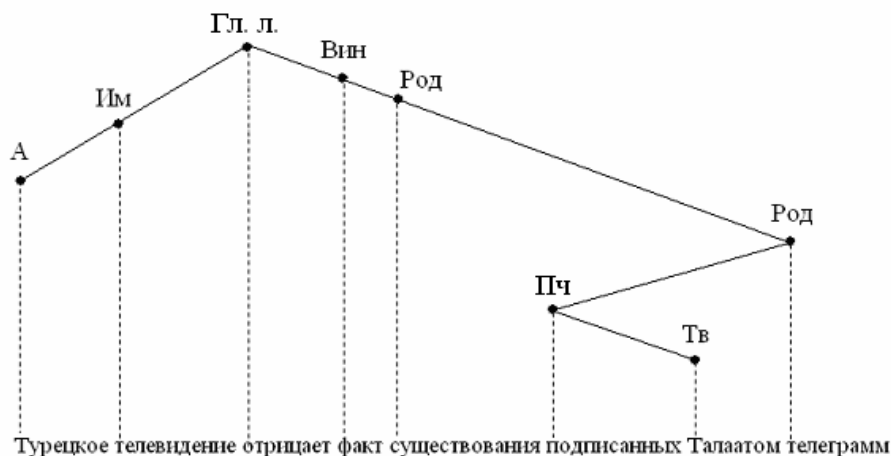
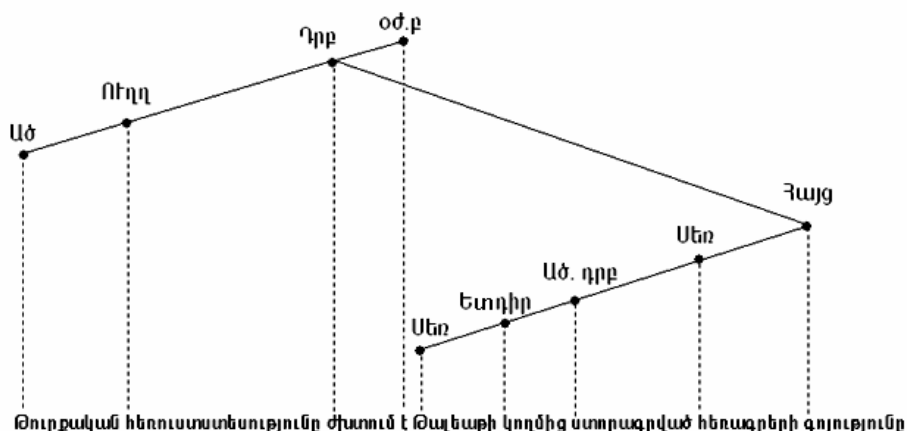

Рис.2.

Фигуры, образуемые ветвлением дерева зависимостей предложения и его поддеревьев, дифференцированы Е.В. Падучевой (Падучева 1966: 40).

Правое поддерево дерева армянского предложения ветвлением от вершины образует фигуры – **правый угол** и **левые дорожки**. Соответствующее поддерево дерева русского предложения образует при ветвлении фигуры – **правая дорожка**, **правый угол**, **левый угол**. Для русского языка характерным и более распространенным является вариант с ветвлением правого дерева только вправо

(фигуры – правые дорожки), ср.: факт существования телеграмм, подписанных Талаатом. Впрочем, выбор того или иного варианта существенно зависит от контекста.

Структура словарной статьи

Словарная статья (Сс) задает в левой своей части армянский глагол (в алфавитной последовательности) и его МУ с примерами. Глагол снабжен пометой իր. или չր. (переходный или непереходный).

В правой половине располагаются русские эквиваленты заданного армянского глагола (также с пометой об их переходности или непереходности) и их МУ с примерами.

Армянская часть словаря представляет собой самостоятельный раздел, на который ориентирован СГУ в русской части¹⁴.

МУ имеет вид таблицы, поделенной на столбцы – по числу синтаксических валентностей. Первая строка таблицы отведена под нумерацию столбцов. Третью строку занимают синтаксические валентности (соответствующие падежные формы имен и морфосинтаксические конструкции: имена с предлогами, инфинитивные конструкции, придаточные дополнительные и КВ).

Во второй строке представлены вопросительные местоимения и местоименные наречия. Мы поместили их в таблицу с целью идентифицировать не только с помощью нумерации, но и содержательно (по функции) соответствующие столбцы таблиц в армянской и русской части словаря, прежде чем переходить к символическим обозначениям синтаксических валентностей. Как совпадение, так и различие синтаксических управлений (далее СУ) при таком сопоставлении, как нам кажется, представлены более четко.

Внутри же каждой таблицы местоимения и местоименные наречия, будучи заместителями классов и подклассов слов, предсказывают их появление в третьей строке в виде символических обозначений. Более того, многие местоимения и местоименные наречия суть одновременно и обобщенное представление семантических актантов (особенно в армянском языке) и морфо-синтаксические способы выражения их зависимости от глагола, ср.: արտելից – ուր (откуда - куда) – Исходная и Конечная точки; արտել (где) – Место; երբ (когда) – Время; в армянском языке Аблатив (բացառական) с его вопросами – падеж Контрагента (ովից), Причины (ինչից), Источника и Исходной точки (ինչից, արտելից). Ср.: Նրանից գումար եմ պարտք վերցրել: Взял у него в долг (деньги). Նրանից գիրք եմ գնել: Купил у него книгу. Ինչից սկսվեց վեճը: С чего начался спор. Ինչից առաջացավ հրդեհը: Отчего начался пожар. Որտեղից էլ հավարել ես: И откуда

¹⁴ Армянскую часть словаря редактировал Ованес Закарян.

ты только набрала это? (Преподаватель вокала с удивлением – о концертной программе аспирантки).

Наконец, Ուլ в армянском языке – как обобщенное представление актанта Агенс (Т-класс ЛИЦО), в отличие от Кто в русском языке, представляющего Т-класс ЖИВОЕ СУЩЕСТВО (Существо одушевленное).

Чтобы добиться в этом случае однозначности и точности описания в армянском и русском языках, следует в русском языке из множества КТО вычленить подмножество Кто1 (ЛИЦО), а в армянском языке во множестве Դնչ (Т-класс ПРЕДМЕТ + ЖИВОЕ СУЩЕСТВО, не-ЛИЦО) вычленить подмножество Դնչ1 – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО, не-ЛИЦО. Таким образом, Кто – это Ուլ + Դնչ1, а Кто1 – это Ուլ (актант Агенс, Т-класс ЛИЦО).

Заметим, что сильноопределенные С из множества Դնչ1 обнаруживают тенденцию склоняться так же, как сильноопределенные С из множества Ուլ, для которых устанавливаются два дифференциальных признака склонения: 1. Дат-Вин как падеж прямого объекта; 2. Неомонимичный Им. Эта тенденция, начиная с XVIII в., проявляет себя по сей день, что и служит доказательством необходимости вычленения подмножества Դնչ1. Ср. Примеры:

...Ճուխկը (ճուղղ) բլբուլին (Դնչ1) սրպանեց (սպանեց) ... (Ս-Ն): – Ветка твоя убила соловья... Նա շատ է սիրում իր շնիկին (Դնչ1) և լավ խնամում է նրան: – Он(а) очень любит свою собачку и хорошо смотрит за ней. ... Անգղը ճանկել-վեր է բարձրացրել նապաստակին (Դնչ1): – Гриф закогтил и поднял вверх зайца.

С другой стороны, категория личности, расширяясь в своем применении в армянском языке, вызывает такое явление, как персонификация, (включение сильноопределенного С, Т-класс ПРЕДМЕТ, в Ուլ); ср.: Հոիպիկը նշանել էր իր մի աղջիկ տիկնիկին (ПРЕДМЕТ—ЛИЦО, символическое обозначение С անձ), պետք է գուգեր հարսնացվին (հարսնացուին) (Ղ.Ա):

Что касается состава МУ, то принят принцип: каждая МУ (для соответствующего значения глагола в словарной статье) задает всю совокупность совместимых синтаксических валентностей. В примерах, иллюстрирующих МУ, та или иная синтаксическая валентность может оказаться нереализованной: информация об участнике либо заранее подсказана более широким контекстом, либо вычитывается из контекста интересующего нас примера, либо же оказывается несущественной, а поэтому – неопределенной и в примере не представленной (Падучева 2004: 60-62); ср. по мере издания словарных статей: գրել – пример 5, ժամանել – примеры 5,6, ընդգծել – пример 2.

Подбор примеров к русской части Сс осуществляется следующим образом: пример с армянского переводится на русский язык, за исключением случаев, когда в русских текстах найден пример с описанием сходной ситуации. Дополнительно, если это возможно, даются примеры из русских текстов – к той же модели, чтобы подтвердить ее употребительность и распространенность в русском языке.

На вопрос о выборе заголовочного глагола в русской части Сс попытаемся ответить с помощью статистики.

Таблица 1

NN	Количество МУ в Сс (в армянской части)	Количество эквивалентов к армянскому глаголу, заданному в Сс	Количество карт с указанным числом эквивалентов
1	1	1	9
2	1	2 эквивалента, близких по значению	22
3	2 и более	1	2
3'	2 и более	2 и более (до 12-15)	32
4	5 3 1	բերել: 3 դնել: 2 основных թաթախել: 2	1 1 1

В качестве заголовочного глагола (исходная форма – НСВ) в русской части Сс из группы 2 берутся оба эквивалента, примеры: *давить* – *теснить*, *странствовать* – *путешествовать*, *добывать* – *цанать*, *восхвалять* – *прославлять*, *бороться* – *сражаться*, *лить* –, *по-*, *обливать*.

Что касается эквивалентов из группы 3', то просмотр даже одной карты с последовательностью таких эквивалентов оставляет впечатление калейдоскопичности: обилие префиксальных глагольных форм, глаголов – синонимов к эквивалентам, востребованных в русском тексте, в связи с выбором оптимального варианта сочетаемости и задачей точного описания ситуации – при адекватности перевода.

Решение в этом случае такое. В качестве заголовочного глагола выбирается эквивалент к первой (и, по-видимому, основополагающей) МУ. Далее – в последовательности: соответствующий эквивалент к каждой из остальных МУ (а в примерах – синонимы к ним). В случае, когда семантическое расстояние между эквивалентами велико и связь между ними пока еще неуловима (*գործել-действовать*, *вязать*), в заголовке даются оба эквивалента.

Все эквиваленты глаголов с нерасчлененной семантикой (группа 4) даются в качестве заголовочных: *թաթախել-макать*, *обваливать*; анализ см. выше; *բերել* –

приносить, привозить, приводить; оппозиция по способу движения: «пешком – на транспорте» и по Т-классу Пациенса: «ЖИВОЕ СУЩЕСТВО– ЖИВОЕ СУЩЕСТВО/МАТЕРИАЛЬНЫЙ ПРЕДМЕТ»; դնել – *ставить* (вертикально), *класть* (горизонтально).

В заключение следует отметить, что предлагаемый словарь может быть использован в процессе обучения с активным вовлечением обучаемого в этот процесс: перевод примеров с армянского на русский, когда сопоставлено лишь описание сходных ситуаций в армянской и русской части, но нет точного перевода армянского примера на русский, подбор собственных примеров, реализующих МУ армянского глагола, представленные в Сс (то же для его эквивалента в русском), построение ДЗ предложений армянского языка и их переводов на русский язык. Иначе говоря, словарь дает возможность делать все то, что способствует развитию аналитического мышления и углубленному изучению языков в их сопоставлении.

ԱՆՑՆԵԼ

ԱՆՑՆԵԼ նբ, չբ

I չբ

1	2	3	4
ով	որտեղից	ուր	որտեղով
Ուղղ	Բաց	Հայց	Գործ

1. Աղունը ճաշը կրակին դրեց և անցավ խոհանոցից սենյակ (ըստ Հ.Մ.):

2. (Նա) դեն շարտեց գլխարկը և նեղ միջանցքով անցավ աղջկա սենյակը (ըստ Ն-Դ):

! Итерация МУ(см. комментарий):

3. Նա անցավ դահլիճ, իսկ դահլիճից՝ ուղղակի հոր առանձնասենյակը (ըստ Ն-Դ):

II չբ.

1	2	3
ով/ինչ	որտեղով	երբ
Ուղղ.	Գործ, Ս+վրայով	Ած+Տր/Հայց, նրա օրով

4. (Մհերը)... իշխում էր ահեղ ու նրա օրով հավքն էլ չէր անցնում Սասնա սարերով (Հ. Թ.):

5. Այդ միջոցին փողոցով անցնում էր ... կոկ հագնված մի երիտասարդ (Ն-Դ):

III չբ.

1	2	3	4
ով/ ինչ	որտեղով	ինչպես	երբ
Ուղղ	Գործ	Մկբ, Գործ	Մկբ՝ ամեն անգամ, երբ

ПРОХОДИТЬ **перех, неперех**

I неперех

1	2	3	4
ктоI	откуда	куда	каким маршрутом
Им	из+Род.	в/на+Вин,	по+Дат

1. Агун поставила обед на огонь и прошла из кухни в комнату.

2. Он отшвырнул шляпу и по узкому коридору прошел в комнату дочери.

3. Он прошел в залу, а из залы – прямо в кабинет отца.

II неперех

1	2	3
кто	каким маршрутом	когда
Им	через+Вин, по+Дат, Тв	при+Пр, в+Вин

4. Грозен был Мгер, при нем даже птица не смела пройти (**пролететь**) через Сасунские горы.

5. В этот момент по улице проходил элегантно одетый молодой человек.
5'. Недавно... он прошел знакомым переулком (СУш).

III неперех

1	2	3	4
кто	каким маршрутом	как (Манера)	когда
Им	по+Дат, Тв	Н, с+Тв.	Н (всякий раз,когда)

6. Մենք միշտ զգուշորեն էինք անցնում նրա (զոմի) փլփլված տանիքով (Ա.Մ.):
NB! տանիքով – տանիքի վրայով, գետնի տակով, շենքի կողքով, (մոտով), անդունդի եզրով՝
Գործ, Ս+հետդիր – երթուղու բանաձև (Ե)

7. Այս, քարվանս (քարավան) անցավ սրտիս վրայով (Ա.Բ.):
!здесь անցնել **ինչի վրայով** (не Ե)

IV չք.

1	2
ինչ	որտեղ(ով)
Ուղղ	Ե

8. (Ջրհորի ջուրը) զոմի շենքի տակով անցնում էր և բակի միջով դուրս էր վազում (Ա.Մ.):

փխր

9. Իմ ճանապարհը անցնում էր այդ հանգստարանի մոտով (Ա.):

–Նախագիծը անցավ բոլոր ատյաններով (ՌՀԲ):

V նք

1	2	3	4
ով	ինչ	ինչպես	որքան ժամանակում
Ուղղ	Հայց	Մկբ, Գործ	Թվ+Ներգ

10. Ամբողջ ճանապարհը ճամբորդը անցավ վոտքով (նավով, գնացքով):

6. Мы всегда проходили с осторожностью по полуобвалившейся кровле хлева.
NB! Формула Маршрута (М): Тв, мимо/около/+Род, через+Вин, по+Дат, под/над/+Тв,
6'. Гораздо приятнее было медленно пройти через весь город – мимо... торговых рядов, по кирпичному мосту над оврагом, ... мимо домов с... чистыми окнами... (К.П.)

7. Ах, караван прошел по моему сердцу.
! здесь пройти **по чему** (не М): отношение ЧАСТЬ → ЦЕЛОЕ (ОРГАН→ЖИВОЕ СУЩЕСТВО)

IV , неперех

1	2
что	где
Им	М

8. (Вода из колодца), проходя под порогом хлева,... через двор выбегала наружу.

перен

9. Моя дорога проходила мимо этого кладбища.

9'. Туннель проходит через главный хребет (СУш).

– **Проект прошел через все инстанции** <=> Проект прошел все инстанции (пример Ю.Д.Апресяна).

V перех

1	2	3	4
кто1	что	как, на чем	за какое время
Им	Вин	Н, на+Пр	за/в+Ч+Род, за/в+один+Вин

10. Всю дорогу он прошел пешком (**проплыл** на пароходе, **проехал** на поезде).

10'. Я прошел сотни верст пешком.

10". Дорогу от Хивы до Каспия можно было пройти на судах (МАС)...

! дорога от Хивы до Каспия

11. Ամբողջ ճանապարհը ճամբորդը անցավ երեք ժամում:

– անցնել կյանքի ճանապարհը անկոտրուկ կամքով (տոկոնությամբ, սողեսող...):

VI նք

1	2	3
ինչ	ինչ	որքան ժամանակում
Ուղղ	Հայց	Թվ+Ներգ, Մեռ+մեջ

12. Գնացքը անցավ իր ճանապարհը երեք ժամում:

փխք

13. Արեգակը մի գիշերվա մեջ անցնում է ծովի անվերջությունը և երեկվա տեղից բարձրանում երկրի վրա... (Հ.Մ.):

– հասնել և անցնել

VII չք.

1	2
ով	ուր
Ուղղ	[Հայց] + Մեռ+մոտ Հայց+[Մեռ+մոտ]

14. Ես կանցնեմ պաշտոնյալի մոտ և կգողանամ գաղտնիքը (ԺՀԲԲ):

15. Ես այսօր անցա համալսարան ծանոթ դասախոսի մոտ:

VIII նք/չք

1	2
ով/ինչի	ինչ(ը)/ ուր
Ուղղ	Հայց

– անցնել կամուրջը, փողոցը, գետը*, սահմանը/

* развернутое описание способов переправы через реку см. в конце карты անցնել

11. Весь свой путь путник прошел за три часа.

– пройти жизненный путь стойко, ПОЛЗКОМ

VI перек

1	2	3
что	что	за какое время
Им	Вин	за/в+Ч+Род, за/в+один+Вин

12. Поезд прошел (проделал) свой путь за три часа.

при знач.

13. Солнце за одну ночь проходит бесконечность моря и снова поднимается в том же месте.

– догнать и перегнать

VII неперек ЗАХОДИТЬ

1	2
кто/1	куда
Им	в/на+Вин+(к+Дат) (в/на+Вин) +к+Дат

14. Я **зайду** к чиновнику и выведу тайну.

15. Я сегодня **зашел** в университет.

– **зайти** к знакомым, **зайти** в магазин, **зайти** на рынок.

VIII перек/неперек ПЕРЕХОДИТЬ

1	2
Кто	что↔через что/ куда
Им	Вин↔через+В/ на+П+ Вин+Род

– перейти мост, улицу, реку, границу
↔ через мост, улицу, реку, границу

– անցնել փողոցի, գետի մյուս կողմը
(գետի մյուս ափը)

16. Հրազդանի կամուրջն անցել և
զանգուր ծիրանուտի միջով հեռանում էր
Խաչատուր Աբովյանը դեպի լյառն
Մասիս (Հ.Մ.):

- փողոցը, երկիրը ծայրից ծայր անցնել
- չափն ու սահմանը անցնել

IX չբ

1	2	3
ինչ	ուև	ուևից
Ուղղ.	Տր.	Բաց.

17. ... արդեն բոլորին հայտնի էր, որ ողջ
հարստությունը հորից անցել էր ավագ
որդուն (Շ):

IX'

1	2	3
ով	ինչին	ինչից
Ուղղ	Տր.	Բաց.

18. Երբ սրախստություններն սպառվում
էին, մենք անցնում էինք ուրիշ նյութերի
(ԺՀԲԲ):

19. Միջանցքում... գրամեքենաների ձայն
էր զալիս: Լսվում էր, թե ինչպես են
բանաստեղծները անցնում նոր տողի –
թղիսկ (Հ.Մ.):

– անցել գործի

X չբ

1	2
ինչ(ը)	ինչպես
Ուղղ.	Մ

– перейти на другую сторону улицы, реки,
(на другой берег реки)

16. Уже перешел разданный мост и, проходя
через кудрявый абрикосовый сад, удалялся,
направляясь к горе Масис, Хачатур Абовян

- пройти улицу из конца в конец, пройти
страну из края в край.
- перейти границы (дозволенного)

IX неперех.

1	2	3
что	к кому	от кого
Им	к+Дат	от+Род

17. ...уже всем было известно, что все
состояние (имущество) перешло от отца к
старшему сыну.

17'. После смерти родителей имущество
перешло к дочери (СՄш).

IX'

1	2	3
кто1	к чему	от чего
Им	к+Дат	от+Род

18. Դուքսը потерял нить и перешёл к другой
теме (СՄш).

19. В коридоре раздавался стук пишущих
машинок. Было слышно, как стихотворцы
переходят к новой строчке – тахк.

– приступить к работе (к делу)

X неперех.

1	2
что	как, каким обр.
Им	Н

20. Զրույցն էլ հետաքրքիր էր անցնում (ԺՅԲԲ):

XI չք

1	2
ինչ	էրբվանից
Ուղղ.	Ախ+Բաց +(հետո.)

21. Մի քանի օր էր անցել հարսանիքից հետո (ըստ Ն.Դ.):

22. Անցան օրեր, ամիսներ, տարիներ...

XII նք

1	2	3
ով	ինչ(ը)	որ առարկայից
Ուղղ.	Հայց.	Բաց.

23. Այսօր թվաբանությունից (մենք) անցանք (անցնում ենք) կոտորակները (ԺՅԲԲ):

XIII չք

1
ինչ(ը)
Ուղղ.

24. Ու չի անցել մեր տանջանքը տակավին (ՀԹ):

–գլխացավը անցավ

–ինչ որ մի քանի,երևույթի ժամանակն անցավ, անցել է

25. (Այս) տարազի ժամանակն անցել է... (ԺՅԲԲ):

26. Պերչախոտության դարն է անցել է... (Ա.Բ.):

20. Беседа **протекала** (проходила) интересно.
20'. Первый день в школе прошёл весело и беззаботно (МАС).

XI неперех.

1	2
что	с каких пор, с какого момента
Им.	с (со)/ после+Род

21. Прошло несколько дней после свадьбы.

22. Прошли дни, месяцы, годы...

XII перех.

1	2	3
ктоI	что	по какому предмету
Им	Вин.	по+Дат

23. По алгебре мы прошли (проходим) бином Ньютона (СУш).

XIII неперех.

1
что
Им

24. Наши мучения все еще не **кончились**.

24'. ... чтобы после них на земле, когда пройдут войны и бедствия, жили их сыновья (МАС).

– головная боль прошла

– время прошло (вышло)

25. Время национального костюма прошло.

26. Век красноречия **миновал** (прошел).

26'. Времена Вертеров и Шарлотт прошли (МАС).

նր/չր Անցնել գետը/գետի մյուս կողմը (գետի մյուս ափը). անցնել գետը/գետի մյուս կողմը... (որտեղով) կամրջով, ծանծաղուտով (ինչպես) Լողալով (ինչով*) նավ(ակ)ով, լաստանավով 27. Տղան գետակն անցավ... քարի վրայով և ... չսայտակեց (չ.Մ.): 28. Գոմեշն անցավ գետակը..., շունը փնտրեց մի ցատկի հավասար նեղուց (Չ.Մ.): 29. Կազակների հեծելազունը անցավ մեր գյուղով,...անցավ կամուրջը և նորից վարադարձավ Կոփ (Ա.Մ.): 30. Գիշերով հրետանին շարժվեց աշխատելով Քոփրիքոյի կամուրջն անցնել (Ա.Մ.): 31. Շուն, լիրբ տաճիկ Արփաչայը անցկացավ, գերի տարավ, մարդ չմնաց Շորագյալ (Ա.Մ.): * Հաղորդակցության միջոց	перех./неперех. перейти реку, перейти, переправиться, переправиться через реку, на другой берег реки каким путем (Маршрут) по мосту, вброд как (Способ) вплавь, переплыть реку, переправиться, переправиться через реку (на другой берег реки) вплавь, с помощью чего (Средство)* переплыть реку (через реку), переправиться, переправиться на другой берег (реки) на лодке, пароме. 27. Через ручей надо было переправляться вброд...(МАС). 27'. Григорий Мелехов с двумя конными полками вплавь переправился через Дон (МАС). 27". Он нашел на берегу лодку... и переплыл на другую сторону (МАС). 28. Буйволица перешла через речку, пес стал искать проток шириной в прыжок. 29. Конный отряд казаков прошел через наше село, перешел мост и снова вернулся в Коп. 30. Ночью двинулась артиллерия, стремясь перейти мост Коприко. 31. Наглый турок, собака, перешел чрез Арпачай, в плен угнал (всех), обезлюдел Шорагьял. * Транспортное средство
--	---

КОММЕНТАРИЙ

● ԱՆՑՆԵԼ – глагол движения.

а. Движение как перемещение в пространстве:

- от исходной точки до конечной;
- по некоторому маршруту;
- автономное и неавтономное;
- транспортных средств и сил (явлений) природы;
- с остановкой в некоторой промежуточной точке;
- с препятствиями (улица – транспорт, ландшафт – река).
- передача имущества от владельца к владельцу – при реализации права наследования.

б. Движение как развитие:

при переходе от незнания к знанию, от темы к теме.

с. Движение времени. Уход в бесконечность прошлого событий, явлений, состояний, локализованных в «теперь». Движение в прошлое самого времени в различных единицах его измерения (проживаемый миг, час, день, год). Точка отсчета указана явно или подразумевается (контекст).

● Частотный эквивалент глагола ԱՆՑՆԵԼ в русском языке – **ПРОЙТИ** (СВ)

● Итерация МУ-1:

в примере 3 МУ-1 реализуется дважды: в предложении Sa -Նա անցավ դահլիճ (nir1) и в предложении Sb – իսկ դահլիճից (nrunehg2)՝ ուղղակի հոր առանձնատենյալը (nir2). Непременное условие: nir1, конечная точка в Sa, становится исходной точкой в Sb (nrunehg2). Sb эллиптировано.

● К примеру 7: Караван – сообщество людей и животных, т.е ուլ+ ինչ1.

● В МУ-5 и МУ-6 наряду с **что** (Вин) может быть представлено количественное обозначение пути: ըրբիս (сколько) + единица длины; по такой МУ можно порождать текст арифметической задачи.

III

1	2	3
ով	ինչ	ում
Ուղղ	Ուղղ. խոսք, թե/որ++S ₂ ,	Ø

III'

1	2	3	4
ով	ինչ	ում/ինչի մասին	ում
Ուղղ	Ուղղ. խոսք, թե/որ+S ₂ ,	Մեռ+մասին	Ø

7. Մահատմա Գանդին ասում է.
“Ճշմարտությունը աստվածն է, աստվածը
ճշմարտությունն է” (Հ.Մ):

8. Փոքր պատմվածքների մասին Էմիլ
Ջոլան ասում է, թե նրանք “մեծ վեպերի
էսենցիան են հանդիսանում” (Ա.Բ.):

IV

1	2	3
ով/ինչ	ինչ	ում/ ինչին
Ուղղ	Ուղղ. խոսք(հրամ), թող+ըղծ, որ+ ըղծ	Տր

9. Գարնանայն մի... առավոտ առեր...
ասաց աստղերին` – Դե, սիրուն
աստղիկներ, երկնքի ճրաքներ, հիմա
գնացեք, գիշերը եկեք (Ղ.Ա.):

10. Ներսի կնոջը ես ասացի. Շորերդ
հավաքիր ու լուսամուտից թոփր լակոտիդ
պահելու (Հ.Մ):

11. Մասմա երկիր ձեզ բան չկա... քու (քո)
թագավոր, ասավ (ասաց), թող գա, թող
գա, ինձ հետ կռիվ անի...(Հ.Թ.):

III

1	2	3
кто	что	кому
Им	Прям речь, что+ S ₂ ,	Ø

III'

1	2	3	4
кто	что	о ком/чем	кому
Им	что+ S ₂	о+Пр	Ø

7. «Истина – это бог, а бог – это истина», –
говорит Махатма Ганди.

8. Эмиль Золя **говорит** о коротких
рассказах, что они являются эссенцией
больших романов.

IV

1	2	3
кто/что	что	кому/чему
Им	Прям речь(имп.)/ пусть+будущ.(3л), чтобы+ S ₂ /Инф	Дат

9. Весенним утром солнце сказало звездам:
«Прелестные звездочки, небесные лампадки,
уходите-ка теперь – ночью приходите».

10. Женщине, которая была в комнате, я
сказал: «Забирай одежду и прыгай в окно – к
своему щенку».

11. ... сказал – твой царь пусть придет, пусть
придет, со мной сразится.

V			V		
1	2	3	1	2	3
ով/ինչ	ինչ	ում	кто/что	что	кому
Ուղղ	որ/թե+S ₂ Ուղղ. խոսք, Անուղղ հարց.	Տր	Им	что+S ₂ , Прям.речь, КВ	Дат
12. Մի երեկո Վահանի ընկերը ինձ ասաց, թե Վահանը բանաստեղծություններ է գրում...(Ա.Բ.): 13. Աշխենը ասում էր, որ մտածմունքներդ... վտանգավոր ընթացք են ստացել...(Ն-Դ): 14. Քեմալը... ասաց Մեծ Հարևանի հարգելի դեսպան Արալովին. “Այո, մենք հայերի հետ տմարդ վարվեցինք” (Հ.Մ): 15. Բոլորն էլ քո հորից լավն են, – ասաց մայրը (Հ.Մ): փխբ 16. Ծիծեռնակները գալիս են ահա, իմ սիրտն է ասում (Ղ.Ա.): 17. Կապույտ երկնքի ոսկեղեն աստղեր... ասացեք, արդյոք նա էլ թախծում էր... ինձ նման (Վ.Տ.): 18. Գամփոն իրեն ասում էր. “Ես Բասարն եմ, ես ցորենը պահում եմ, ծտերը քնած են” (Հ.Մ): – Ճշմարտությունը երեսին ասել – անգիր ասել 19. Վեհափառն անգիր ասաց Նարեկացու աղոթքներից (Ա.Բ.): – երգ ասել 20. Աշուղ, առ չոնգուրդ, ... մի բան ասա սիրալի (ԺՀԲԲ):			12. Однажды вечером друг Ваана сказал мне, что Ваан пишет стихи. 13. Ашхен говорила, что твои мысли приняли опасное направление. 14. Кемаль сказал Аравову, уважаемому послу Большого Соседа: «Да, с армянами мы обошлись бесчеловечно». 15. Все лучше твоего отца, кого ни возьми, – сказала мать. прн знач 16. Ласточки вот–вот прилетят, мне сердце говорит. 17. Золотые звезды на синем небе, скажите, тосковала ли и она., подобно мне. 18. Волкодав говорил себе: «Я – Басар, я стерегу зерно, а птицы спят». – сказать (говорить) правду в лицо (в глаза) – прочитать наизусть 19. Патриарх прочитал наизусть несколько молитв Нарекаци. – (с)петь 20. Ашуг, возьми чонгур, ... спой нам что-нибудь душевное.		

VI

1	2	3
ով	ինչի մասին	ում
Ուղղ	Մեռ+ մասին	Տր

21. 1916 թվականի ձմռանը բժիշկները և մերձավորները կտրուկ ձևով ասացին Տերյանին տաք վայրերում բուժվելու անհրաժեշտության մասին (ըստ Պ.Մ.):

VII

1	2	3	4
ով/ինչ	ինչ	ում/ինչի մասին	ում
Ուղղ	Հայց, Ուղղ. խոսք	Մեռ+ մասին, այդ մասին	Տր

22. Բայց նա ինձ ոչինչ չի ասել իր գալու մասին (ըստ Ն.-Դ.):

փխր

23. Նրա աչքերը ինձ շատ բան* ասացին իր ներքին վիճակի (տրամադրության) մասին:

VIII

1	2	3	4	5
ով	որտեղ	ինչ	ում/ինչի մասին	ում
Ø	Ներգ	Հայց	Մեռ+մասին, այդ մասին	Ø

24. Իսկ քաղաքում ի՞նչ են** ասում այսօրվա մասին (ԺՀԲԲ):

* Ինչ որ մի (որևէ մի) բան, ոչինչ, ոչ մի լավ (վատ) բան...

** Բայը միայն 3դ., հոգնակի:

VI

1	2	3
кто/что	о чем	кому
Им	о+Пр	Дат

21. Зимой 1916 года врачи и близкие в категорической форме сказали Терьяну о необходимости лечиться в теплых краях.

VII

1	2	3	4
кто/что	что	о ком/чем	кому
Им	Вин/Род	о +Пр	Дат

22. Но он ничего не сказал (**говорил**) мне о своем приезде.

при знач

23. Его (ее) глаза мне многое* сказали об его (ее) внутреннем состоянии (настроении)

VIII

1	2	3	4	5
кто	где	что	о ком/чем	кому
Ø	в+Пр	Вин	о+Пр	Ø

24. А что говорят** в городе о сегодняшнем дне?

* что-нибудь, что-то, ничего, много(е), мало (что) ...

** Глагол только 3 лица, мн. ч.

IX

ով/ինքը	ինչ	ինչով
Ուղղ	Հայց	Գործ

25. Ի՞նչ ես ուզում ասել այդ արարքով: ↔
Քո այդ արարքը ինչի մասին է ասում:

26. Ի՞նչ էր ուզում ասել Ամերիկյան իր
ռմբակոծումներով:
Հմմտ.

27. Պարզ ասա, ինչ ես ուզում հասկացնել
այդ ակնարկներով (Ն-Դ): ↔ ի՞նչ ես
ուզում ասել այդ ակնարկներով:

28. Ուսերի և դեմքի շարժումով նա ասաց.
աստված գիտի (Հ.Մ):

! Փոխանունություն՝
ամերիկացիները (Ամերիկայի բնակիչները,
Ամերիկայի ղեկավարությունը) ↔
Ամերիկյան

IX

1	2	3
кто/что	что	чем
Им	Вин	Тв

25. Что ты хочешь сказать этим поступком?
↔ О чем говорит этот твой поступок?

26. Что хотела сказать Америка своими
бомбардировками?
Ср.

27. Скажи прямо, что ты хочешь дать понять
этими намеками ↔ что ты хочешь сказать
этими намеками

28. Движением плеч и мимикой он сказал:
Бог весть!

! Метонимия:
американцы (жители Америки,
руководители Америки) ↔ Америка

КОММЕНТАРИЙ

● Просмотр эквивалентов глагола **ԱՍԵԼ** показывает, что глаголы **ԱՍԵԼ** и **ԽՈՍԵԼ** в армянском языке и **СКАЗАТЬ** и **ГОВОРИТЬ** в русском, не имеют точного соответствия по распределению. Причина прежде всего в специфике употребления временных форм сопоставляемых глаголов: **ԱՍԵԼ** употребляется в формах настоящего, прошедшего и будущего времени, **СКАЗАТЬ** (СВ) – лишь в формах будущего и прошедшего.

● Авторы призывают читателя быть внимательным к морфолого-синтаксическим способам выражения зависимостей, поскольку МУ **ԱՍԵԼ** дифференцируются преимущественно с их помощью.

Руководствуясь результатами работы (Анна Зализняк 1991: 71 -83) перечислим значения **ԱՍԵԼ**, соотносящиеся с МУ из приведенного в Сс перечня.

а. Произносить осмысленный текст – արտասանել իմաստալից տեքստ (МУ-I – МУ-II, примеры 1-6), при этом текст порождается по определенным стереотипам (Анна Зализняк 1991: 77):

лекция, проповедь, приветственное слово и пр;

оценка чужого высказывания (фальшь, горькая правда, халтура).

Характерный признак (далее ХП): ինչ→ Հայց.

б. Утверждать – պնդել (МУ-III, III', примеры 7,8). ХП: нейтрализация противопоставления настоящее/прошедшее (время) – ասում է/ ասում էր; адресат, принципиально не реализованный на поверхностном уровне, хотя и присутствующий на глубинном. (Анна Зализняк 1991: 73).

с. Велеть, побуждать к действию – դրդել, հրամայել, պատվիրել (МУ- IV, примеры 9-11). ХП ինչ→ Ուղղ. խոսք (հրամ), թող+ըղծ, որ+ ըղծ.

В примере 9 ինչ (Sb) персонифицирован.

д. Сообщать – հաղորդել, հայտնել (МУ-VI, VI, VII, примеры 12-18, 21-24).

Синонимы: պատասխանել, խոստովանել, հայտարարել, տեղեկացնել (տեղյակ պահել), **ԱՍԵԼ** в примерах 16,23 имеет значение «информировать невербально».

В примерах 17,18 ինչ (Sb) персонифицирован.

е. Переда(ва)ть смысл – հաղագսնել (МУ– IX, примеры 25-28). ХП – Тв. объекта.

● а. МУ-VIII реализуется в неопределенно-личной конструкции. Мы полагаем, что это способ сдвинуть фокус внимания с ով кто, Часть Мира (представлен еще в составе глагола как сема Зл; мн. ч.) на քուեղ где, Мир.

б. Ответ на вопрос (в примере 24) может быть порожден по МУ-2 – тогда это оценка сегодняшнего дня жителями города: ...ասում են, որ այն դժոխք է, մղձավանջ (говорят, что это ад, кошмар), либо же по МУ-7: Ոչինչ չեն ասում, ոչ մի հետաքրքիր, էական բան չեն ասում –ничего не говорят, ничего интересного, существенного не говорят (оценка высказываний жителей города со стороны Наблюдателя).

с. Конструкция ինչի մասին (о чем, про что – в русском) неоднозначна (по Анна Зализняк 1991: 72,73, 76,77): она содержит свернутый предикат, **ԱՍԵԼ** и имеет значение *сообщить, информировать* (примеры 21, 22); в противном же случае (примеры 6) эта конструкция обозначает тему высказывания, предмет обсуждения. **ԱՍԵԼ** приобретает значение կարծիք հայտնել, գնահատական տալ (высказываться, т.е. высказывать мнение, давать оценку).

Примеры с ինչի մասին (как темой высказывания) + **ԱՍԵԼ** / **ԽՈՍԵԼ** требуют отдельного рассмотрения на большой выборке.

ԲԱԺԱՆԵԼ

ԲԱԺԱՆԵԼ նք

I

1	2	3
ով/ինչ	ինչ/ում	ինչի
Ուղղ	Հայց	Տր

1. Հեղեղատը... կիսել է գյուղը, բաժանել երկու մասի (ԺՀԲԲ):
2. Շնչագրում էին գյուղը, ցուցակներ կազմում, տասնյակների բաժանում (Ա.Բ.):
3. Չեխովի գրականությունը (!) կարելի է երկու մասի բաժանել՝ 1880թվից մինչև 1888 թ. («Տափաստանի» երևան գալը) և այս էտապից մինչև մահը(ըստ Ա.Բ.):

4. Չորսը երկուսի բաժանել:

II

1	2	3
ով	ինչ	ում միջև
Ուղղ	Հայց	Սեռ +միջև, իրար մեջ

5. Եղբայրներն իրար մեջ բաժանել էին միասին գնած ձեռք բերված տնատեղը (ԺՀԲԲ):

բաժանել ունեցվածքը զավակների միջև

(ПО-, РА3-)ДЕЛИТЬ перех

I

1	2	3
кто/что	что/кого	на что
Им	Вин	на+Вин

1. Овраг разделил деревню на две части.
2. Проводили перепись села, составляли списки, делили на десятки.
2'. Рогов разделил рабочих на две колонны (МАС).
3. Написанное Чеховым можно разделить на две части – с 1880 по 1888 гг. (до выхода в свет повести “Степь”) и с этого периода до кончины.
3'. Все произведения я делю на два сорта: те, которые мне нравятся, и те, которые мне не нравятся (МАС).

4. Разделить четыре на два

II

1	2	3	4
кто	что	между+кем	как
Им	Вин	между+Тв	Н

5. Братья разделили между собой приобретенный совместно участок.
5'Так и быть возьмите его (клад) себе и поделите полюбовно (МАС).
5". Анна Игнатьевна бережно разделила между ними (девочками) супное мясо (МАС, В.Каверин).

– разделить имущество между детьми (наследниками).

III			III		
1	2	3	1	2	3
ով	ինչ	ում	кто	что	кому
Ուղղ	Հայց	Տր	Им	Вин	Дат
6. Աբու Լալա Մահարին բոլոր հարստությունը բաժանեց աղքատներին Ա.Բ.:			6. Нищим он (Абул Ала Маари) роздал свое богатство..		
IV			IV		
1	2	3	1	2	3
ով/ինչ	ում	ումից	кто/что	кого	с кем
Ուղղ	Հայց	Բաց	Им	Вин	с+Тв
7. Ինձ ով կարող է բժանել քեզանից (ԺՀԲԲ): ! բաժանել կովողներին (հոգն., հայց) իրարից, մեկմեկուց, միմյանցից			7. Кто может меня разлучить с тобою!? 7'. Цель его была достигнута, он его разлучил с матерью (МАС). ! разнять дерущихся		

КОММЕНТАРИЙ

● В словарной карте глагола **ԲԱԺԱՆԵԼ** среди его эквивалентов в русской части впервые встречаются синонимы к основному значению:

раздать (глагол обладания, пример 6) – лишить себя добровольно обладания собственным имуществом и распределить его среди окружающих;

разлучить (пример 7) – каузировать утрату контакта между близкими друг другу людьми. Ср.: Делить на части (пирог) – разъединять целое, разрушая связи между частями.

● Мы рискнули сопоставить в качестве иллюстрации к МУ-П конструкции с наличием модификатора в русском и без него – в армянском. Большая выборка примеров из армянского и русского языков подскажет, продиктовано ли наличие модификатора в русском спецификой ментальности, или имеет случайный характер.

В примере 4' модификатор *полюбовно* обозначает: в атмосфере взаимопонимания, доброжелательности чувств-отношений со знаком плюс.

В примере 4" *бережно*, т.е. аккуратно, без потерь, руководствуясь чувством справедливости.

Имеет ли вышеописанное соотношение случайный характер или опирается на реальный факт? Иначе говоря, какова роль модификатора в процессе концептуализации действительности при реализации МУ-П в армянском языке...

Только большая выборка из армянского и русского языков позволит дать ответ на этот вопрос.

ԱԲ – Ակսել Բակինց	Аксель Бакунц
ԱԻ – Ավետիք Իսահակյան	Аветик Исаакян
ԱՄ – Արմենակ Մկրտչյան	Арменак Мкртчян
ՀԹ – Հովհաննես Թումանյան	Ованнес Туманян
ՀՄ – Հրանտ Մաթևոսյան	Грант Матевосян
ՂԱ – Ղազարոս Աղայան	Газарос Агаян
Մ – Մուրացյան	Мурацян
Ն-Դ – Նար-Դոս	Нар-Дос
Շ – Շիրվանզаде	Ширванзаде
ՊՄ – Պողոս Մակինցյան	Погос (Павел) Макинцян, редактор собр. соч.
Ս-Ն – Սայթ-Նովա	Ваана Теряна,
ՎՏ – Վահան Տերյան	Саят-Нова
КП –	Ваан Терян
	Константин Паустовский

Условные обозначения и сокращения.

Ուղղ – ուղղական	Им – именительный
Սեռ – սեռական	Род – родительный
Տր – տրական	Дат – дательный
Հայց – հայցական	Вин – винительный
Բաց – բացարական (аблатив)	
Գործ – գործիական	Тв – творительный
Ներ – ներգոյական	Пр – предложный
Ախ – անվական խումբ	ИГ – именная группа
Ած – ածական	П – прилагательное
Ած դրբ – ածականական դերբայ	Пч – причастие
Անուղղ հարց – անուղղակի հարց	КВ – косвенный вопрос
Բ – բայ	Гл – глагол
Դրբ – դերբայ (неличная форма глагола)	
Ըղծ – ըղծական եղանակ (желательное наклонение)	
Թվ – թվական	Ч – числительное
Հոգն – հոնակի	Множ – множественное число
Հրամ – հրամայական եղանակ	Имп – императив
Մկբ – մակբայ	Н – наречие
Նբ – ներգործական բայ	Перех – переходный глагол
Չբ – չեզոք բայ	Неперех – непереходный глагол
Ուղղ. խոսք – ուղղակի խոսք	Прям речь – прямая речь
Փխբ – փոխաբերական	Прн знач – переносное (значение)
	С – существительное

Ob – ուղիղ խնթիր	синтаксический объект, прямое дополнение
Sb – ենթակա	синтаксический субъект, подлежащее
Sa – պարզ նախադասություն	простое предложение
S ₂ – երկրորդական նախադասություն	придаточное предложение
դարձվածք	фразеологический оборот
→ – փոխարինում (–ություն)	замена
↔ – փոխակերպում (–ություն)	трансформация
⇔ – համարժեքություն	эквивалентность
Ø – Շարահյուսական զրո	синтаксический нуль
! – Ուշադրություն	Внимание!

Литература

1. Апресян 1974 – Апресян Ю.Д. Лексическая Семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.
2. Апресян 1991 – Апресян Ю.Д. Об интегральном словаре русского языка // Семиотика и информатика. Вып. 32, М., 1991. С 3 – 15.
3. Апресян, Жолковский, Мельчук 1968 – Апресян Ю.Д., Жолковский А.К., Мельчук И.А. О системе семантического синтеза. III. Образцы словарных статей. // НТИ, Сер.2, 1968, # 11.
4. Белецкий, Григорян, Заславский 1963 – Белецкий М.И., Григорян Б.М., Заславский И.Д. Аксиоматическое описание порядка и управления слов в некоторых типах предложений. // Математические вопросы кибернетики и вычислительной техники. Труды ВЦ АН Арм. ССР и ЕрГУ. #1. Ереван: изд. АН Арм. ССР, 1963. С. 71 – 85.
5. Жолковский, Мельчук 1967 – Жолковский А.К., Мельчук И.А. О семантическом синтезе. // Проблемы кибернетики. Вып.19. М., 1967. С. 177 – 238.
6. Жолковский, Мельчук 1969 – Жолковский А.К., Мельчук И.А. К построению действующей модели языка «Смысл↔Текст» // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып.11. М.: МГПИИЯ им. М.Тореза, 1969. С. 5 – 35.
7. Зализняк Анна 1991 – Зализняк Анна А. Словарная статья глагола *говорить*//Семиотика и информатика. Вып. 32. М., 1991. С 71-83.
8. Казенин 1991 – Казенин К.И. Словарная статья существительного *письмо*. // Семиотика и информатика. Вып.32. М., 1991. С.121 – 126.
9. Козинцева 1974 – Козинцева Н.А. Залоги в армянском языке. // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги. Л.: Наука, 1974. С.73 – 90.
10. Королев 1969 – Королев Э.И. Использование пассива при автоматическом синтезе русского предложения. // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып.11. М.: МГПИИЯ им. М.Тореза, 1969. С.177 – 192.
11. Кондаков 1971 – Кондаков Н.И. Логический словарь. М.: Наука, 1971.
12. Кулагина 1971 – Кулагина О.С. Преобразование деревьев зависимостей при машинном переводе. // Проблемы кибернетики. Вып.24. М.: Наука, 1971. С. 161 – 190.
13. Меликян 1982 – Меликян Н.А. К вопросу о левоасимметричности синтаксической структуры простого предложения в армянском языке. // Сопоставительный анализ русского и армянского языков. Вып. 2. Ереван: изд. АН Арм. ССР, 1982. С. 127 – 187
14. Меликян 1985 – Меликян Н.А. О некоторых особенностях порядка слов в армянской разговорной речи (к постановке вопроса). // Сопоставительный анализ русского и армянского языков. Вып.3. Ереван: изд. АН Арм. ССР, 1985. С.85 – 95.
15. Мельчук 1974 – Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл↔Текст». Ч.I. Семантика, синтаксис. М.: Наука, 1974.
16. Мельчук 1995 – Мельчук И.А. Русский язык в модели «Смысл↔Текст». М.; Вена: Языки русской культуры. 1995.

17. Падучева 1966 – Падучева Е.В. О связях глубины по Ингве со структурой дерева подчинения. // НТИ. Сер.2. 1966. #6. С.
18. Падучева 2004 – Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
19. Теньер 1988 – Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988.
20. Фельдман 1981 – Фельдман Е.Д. Об одном синтактико-семантическом свойстве слова и его реализации в словосочетании (на материале русского языка). // Сопоставительный анализ русского и армянского языков. Вып.1. Ереван: изд. АН Арм. ССР, 1981. С.204 -214.
21. Фельдман 1982 – Фельдман Е.Д. О многозначности русских относительных прилагательных и их эквивалентах в армянском языке. // Сопоставительный анализ русского и арм. языков. Вып.2. Ереван: изд. АН Арм. ССР, 1982. С. 29 – 51.
22. Фельдман 1987 – Фельдман Е.Д. Семантический анализ слов с суффиксом –ափոր. // Сопоставительный анализ русского и арм. языков. Вып.4. Ереван: изд. АН Арм. ССР, 1987. С. 113 – 126.
23. Филлмор1 1981 – Филлмор Ч. Дело о падеже. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.10. (Лингвистическая семантика). М.: Прогресс, 1981. С. 369 – 495.
24. Филлмор2 1981 – Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.10. (Лингвистическая семантика). М.: Прогресс, 1981. С. 496 – 530.

Словари

1. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. / Главн. ред. Б.Н.Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
2. МАС – Словарь русского языка. В 4-х т. / Ред. А.Евгеньева. М.: Русский яз., 1981
3. Сож – С.И.Ожегов. Словарь русского языка. Изд. IV. М.: ГИЗ иностранных и национальных словарей, 1961.
4. СУШ – Толковый словарь русского языка. В 4-х т. / Ред. Д.Н.Ушаков. М.: Гос. Изд. иностранных и национальных словарей, 1935 – 1940.
5. СЯП – Словарь языка А.С.Пушкина. В 4-х т. М.: Гос. Изд. иностранных и национальных словарей, 1956 – 1961.
6. Прокопович и др. 1981 – Прокопович Н.Н., Дерибас Л.А., Прокопович Е.Н. Именное и глагольное управление в современном русском языке. Изд. 2-е, исправленное. М.: Русский язык, 1981.
7. ԱՀԲԲ՝ Աղայան Է.Բ. Արդի հայերենի բացատրական բառարան. հհ. 1- 2, Երևան՝ “Հայաստան” հրատ., 1976:
8. ԺՀԲԲ՝ Ժամանակակից հայոց լեզվի բացատրական բառարան, հհ. 1- 4, Երևան՝ ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ., 1969 – 1980:
9. APC – Հայ-ռուսերեն բառարան / խմբագիր՝ Ե.Գ.Գալստյան.- Երևան՝ ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ., 1984:
10. PAC - Ղարիբյան Ա.Ս. Ռուս – հայերեն բառարան, 3-րդ հրատարակչություն.- Երևան՝ “Հայաստան” հրատ., 1982:

Источники

1. Ավ.Բահակյան. Երկեր (չորս հատորով), Երևան՝ Հայպետհրատ 1958-1959:
2. Արմենակ Մկրտչյան. Հիշատակարան, Երևան՝ “Գրական էտալոն” հրատ., 2006:
3. Հով.Թումանյան. Բանաստեղծություններ, Բագու, տպարան “ՏԳՈՒԴ”, 1908:
4. Հր.Մաթևոսյան. Ծարերը, Վիպակների ժողովածու, Երևան՝ “Սով. Գրող.”, 1978:
5. Ղ.Աղայան. Երկեր, Երևան՝ Սով. գրող., 1979:
6. Նար-Դոս. Երկերի ժողովածու (երեք հատորով), Երևան՝ Հայպետհրատ, 1955:
7. Սայաթ-Նովա. Թրգեր, Թիֆլիս, 1914:
8. Վահան Տերյան. Երկերի ժողովածու. Հտ. I-IV. /Է./, Կ.Պոլիս, 1923-1925:

Лилия Аванесян

КОВЕР ИЗ ПОДЗЕМНОГО ЦАРСТВА (По мотивам армянской сказки "Девушка-лягушка")

Lilya Avanesian
A CARPET FROM THE UNDERGROUND KINGDOM

In Armenian "Damsel Frog" folk tale the Prince brings presents to his father from the Other World. There is a carpet among these presents which was handed to him by frogs. The donor frogs are connected with the Other World and with the idea of fertility. The carpet gets its sacred properties owing to the fact of coming from the Beyond, by the fact that it was given by the sacred frogs and owing to the material from which it was made. Wool and sheep's fleece were the symbols of fecundity. Besides, the process of weaving was considered to be a magic ceremony which also was connected with the Other World.

В армянской народной сказке "Девушка-лягушка"¹ (записана в Арцахе) царевич по настоянию отца преподносит ему дары из потустороннего мира — гранат, ковер, ключ. Дарители и помощники царевича: лягушка — супруга царевича и ее отец. В сказке "Девушка-лягушка" просматривается тесная связь с культом лягушки, широко распространенного в Армении с древнейших времен. В образе лягушки фигурирует хтоническое божество подземного или потустороннего мира, культ которого связан с производительной силой земли.

В области Арагацотн есть священные камни, которые называются **гортнкар** — лягушачьи камни. Этим священным камням поклонялись, выпрашивая у них дождь для плодородия земли. Эта традиция сохранилась и по сей день. По свидетельству специалистов, эти архаичные неотесанные камни, по форме напоминающие лягушку, древнее вишапакаров (III-II тыс. до н. э.). Они возникли если не в палеолите, то несомненно в период неолита, поскольку культ лягушки с развитием земледельческой культуры приобретает особое значение². Например, в египетской мифологии богиня плодородия Хекет изображалась в виде лягушки или женщины с лягушкой на голове³. Многие золотые и серебряные ожерелья, подвески, налобники, застежки армянских женщин испокон веков имели форму лягушки и служили оберегами от порчи, сглаза, болезней⁴. В верованиях армян, как и у других народов, божество в образе лягушки помогает роженицам, подобно древнеегипетской богине Хекет, дает приплод и защищает. Такое же предназначение имели стилизованные изображения лягушек на армянских коврах сюник-арцахской группы.

Орнаменты, символы и композиции рисунков появились на армянских коврах в глубокой древности и имеют то же смысловое значение, что и их архетипы на археологических предметах. На ковре второй половины XIX в. из Сюника (N

¹ «Կլերնուկ ախճիգը», Հայ ժողովրդական հեքիաթներ, հ. V, Եր. 1966, էջ 188-197

² Վ. Բրդլան, Երկրագործական պաշտամունքի մի քանի հետքեր հայերի մեջ, Աշխատություններ Հայաստանի պետական պատմական թանգարանի, հ. III, Եր. 1950, էջ 44

³ Р. Рубинштейн, Хекет, МНМ, т. II, Москва 1992

⁴ Ա. Իսրայելյան, Կանաչի զարդերը Վասպուրականում, Գիտություն և տեխնիկա, Եր. 1986, N 7, էջ 32

Н1467) с левой стороны находим стилизованные в форме лягушки медальоны, где имеется изображение женщины, вероятно роженицы, с головой ребенка ниже пояса.

Образ лягушки в мифопоэтических системах означает связь с водой, и как хтоническая тварь, в схеме мирового древа находится у корней дерева. На ковре "Хоран" — "Алтарь" из лорийского села Одзун, вытканного в 1910-1912 гг., слева от центральной композиции, у корней кипариса, имеется изображение лягушки⁵.

Образ лягушки и ее изображение имеют двойное значение, с одной стороны, это символ производительной силы, плодovitости и плодородия, с другой — подземного мира. Эта хтоническая тварь связана также с потусторонним миром, поскольку выходит из-под земли, а, значит, связана со смертью и умершими, и конечно, в первую очередь с предками. Свидетельством тому является золотая фигурка культовой лягушки, найденная в погребении селения Лчашен, датируемая XV — XIV вв. до н. э. Культ предков у земледельческих народов приобретает особую значимость. Предки, находящиеся в земле, даруют плодородие, по словам В. Проппа, они помогают своим родным и близким и "оттуда высылают земные плоды"⁶. Царевич из этой сказки проникает в *черный* загробный мир, где встречается с умершей матерью, которая подсказывает сыну, где находится ключ от золотой кладовой. Люди верили, что изображения предков наделены той же силой, что и сами предки на *том свете*. Их изображения почитались и считались священными.

В XIX — начале XX в. в Арцахе ткали ковры с изображениями умерших. Четыре известных нам ковра имеют памятные надписи, из которых узнаем фамилии покойников, например, Аветикянц, Оганджянц. Ковры были вытканы по заказу родных. Об этом свидетельствует надпись на ковре (N 11253), вытканном в 1910 г. и хранящегося в Музее истории Армении. Она гласит: "черная участь досталась отцу". На всех коврах покойники изображены с открытыми глазами и, как живые, совершают переход в загробный мир в сопровождении лошадей. Известно, что конь выполняет функцию проводника, уносящего в иной мир, и является символом умершего, вступающего в мир духов⁷, где мертвец снова зрячий, с открытыми глазами⁸. Таким образом происходит переход человека из одного состояния в другое. Армяне традиционно ткали ковры с памятными надписями, на которых орнаменты символизируют идею смерти-возрождения и вечности жизни, аналогично надгробным хачкарам.

Орнаменты армянских ковров архаичны, в основном имеют местное происхождение и являются знаковыми символами. В армянской сказке "Анаит"⁹ царь Вачаган научился ковроделию у супруги Анаит. Оказавшись запертым в подземелье, где он узрел ад, Вачаган выткал ковер с красивыми на первый взгляд узорами, которые как письмена могла прочесть только мастерица по ковроделию Анаит. Жрец из подземелья, желая получить деньги за драгоценный ковер, показывает его Анаит. Царица, "прочитав" орнаменты, узнает местонахождение

⁵ Л. Ավանեսյան, «Խորան» գորգի մի նմուշի ուսումնասիրություն, Հանդես ամսօրեայ, Վրեննա 1999, էջ 422

⁶ В. Я. Пропп, Исторические корни волшебной сказки, Ленинград 1946, стр. 137

⁷ Там же, стр. 155-156

⁸ Там же, стр. 58-61

⁹ «Անահիտ», Հայ ժողովրդական հեքիաթներ, h. VII, Եր. 1979, էջ 54-57

супруга и спасает его. Заметим, что ценный ковер был выткан в подземелье, имеющем отношение к преисподней.

Важное значение в оценке сакрализации предметов имеет материал, из которого изготовлен данный предмет. Безворсовые и ворсовые шерстяные ковры ткались в Армении с древнейших времен. Об этом свидетельствуют куски безворсовых шерстяных тканей II тыс. до н.э., обнаруженных в Артике, Джарате¹⁰, а также ворсовая шерстяная ткань VII в. до н.э. из Кармир Блура¹¹.

Шерсть и овечье руно почитались как символы плодородия. Например, хетты использовали шерсть в обряде вызывания богов Неба, Земли и Нижнего мира, чтобы они дали благополучие и урожай¹². В одном из сел Арцах и в наши дни во время засухи и бедствий проводят магический обряд *маланч*¹³. Слово *маланч* означает "готовая к пряже шерсть", которую снимают в форме полумесяца с чесалки. С помощью ритуала, во время которого используют шерсть, выясняют, в каком священном месте нужно сделать жертвоприношение, чтобы пошел дождь. Сравнима связь шерсти и воды в основном индоевропейском мифе, реконструированном Вяч. Вс. Ивановым и В. Н. Топоровым¹⁴.

К магическим действиям относили процесс прядения и ткачества. Из шерсти сучили нить, которая в понимании людей соотносилась с жизнью. По этим представлениям жизнь развивается подобно прядению нити. В древнем обряде очищения человека от несчастий, порчи, заклятий жрица обращалась к изображению того, над кем проводился обряд: "Пусть это изображение — вместе с ним плоть этого человека, кости его, имя его, возраст его, юность — по нитке цветной шерсти пройдет дорогой Богов"¹⁵. В данном заклятии благая судьба, метафорически сравниваемая с шерстяными нитями, носит эпитет "дороги богов". В хеттском обряде очищения царя от болезней участвовали ткачихи, которые символически *творили* добрую судьбу¹⁶. А главное женское божество Камрусена, она же богиня судьбы, имела хтонический характер¹⁷. Итак, судьбу, благополучие, жизнь, как нить, плетут божества, чьи функции сопряжены с землей, со смертью, и с потусторонним миром. Армяне по поводу смерти человека говорят: нить жизни оборвалась.

Символическим значением наделены также орудия ткачей — веретено, пряслица, чесалка и т. п. Армяне пряслицу называли *колесом судьбы*, которое по преданиям находится *глубоко в пещере* близ города Ван¹⁸. Остановка колеса означает гибель мира. На веретенах, чесалках и других орудиях ковроткачества изображались жизнеутверждающие символы солнца, дождя, плодородия. Ковроткачество считалось трудным и почетным ремеслом. По преданию армян Сюника ремеслу коврового дела человека научил сам черт из потустороннего мира¹⁹.

¹⁰ Хранятся в Музее Истории Армении

¹¹ Находится в Государственном музее Эрмитаж

¹² Обряд вызывания богов, Луна, упавшая с неба, Москва 1977, стр. 226-230

¹³ Материал записан в арцахском селе Чартар в 2005 г.

¹⁴ Вяч. Вс. Иванов, В.Н. Топоров, Исследования в области славянских древностей, Москва 1974, стр. 44

¹⁵ Ритуал старой женщины, Луна упавшая с неба, Москва 1977, стр. 211

¹⁶ А. Е. Наговицын, Магия хеттов, Москва 2004, стр. 46

¹⁷ Там же, с. 36

¹⁸ Գարեգին Սրբանժյանց, Երկեր I, Եր. 1978, էջ 88

¹⁹ Մ. Ղանալանյան, Ավանդապատում, Եր. 1969, էջ 413-414

Ковер из подземного царства (По мотивам армянской сказки "Девушка-лягушка")

Образ черта — христианский эквивалент языческих подземных божеств, поскольку в христианском понимании все злое имело потустороннее происхождение.

Таким образом, можно думать, что в сюжете армянской сказки "Девушка-лягушка" отражены древнейшие представления о хтоническом божестве в образе лягушки, о подземном мире, из которого на белый свет идут блага и дары, одним из коих и является волшебный ковер.

Саргис Арутюнян

ПРЕДАНИЕ О РИТУАЛЬНОМ ПОЯСЕ

Sargis Harutyunyan
THE LEGEND ON THE RITUAL BELT

The article is a section from the author's voluminous book on Armenian mythology which was published in Armenian in Beirut in 2000 and immediately became a rarity. The idea of the belt is presented through etiological legends about a concrete landscape in the Armenian Highland and through myths dealing with more general anthropomorphic models of the world. To understand the significance of the belt in various mythological systems, the author analyzes ethnographic traditions related with belts, as well as archaeological evidences of belt usage on the territory of present-day Armenia. The idea of belt and belting is also discussed in the context of the semantic field of the Armenian words designating belt.

Согласно рассказанному в Арчеше преданию, *Армянские горы* были некогда могучими братьями-исполинами. Каждый день, пробуждаясь рано поутру, имели они обыкновение сперва подпоясаться и только потом поприветствовать один другого. Шло время, братья состарились и не могли уже вставать рано. Как-то раз, проснувшись, они забыли повязать пояса и, вопреки обычаю, поздоровались друг с другом. Увидев это, Бог наказал братьев: окаменев, они стали горами, их пояса – зелёными полями, а слёзы – бессмертными родниками.

Предание поэтически, красиво и целостно повествует о возникновении целого края – Армянского нагорья. Обратившись в камень, братья преобразились в армянские горы, неповязанные пояса – в зелёные поля, а слёзы из старческих глаз, опечаленных карою, обернулись бесчисленными кристальными ключами и родниками Армянского нагорья. Перед нами по сути дела локализованный миф о сотворении мира, мифопоэтический рассказ о божественном создании Армянской земли.

Столь же примечательна в этом предании ритуальная, овеянная поверьями глубина внутреннего движения. Движущая сила предания возникает вследствие того, что братья нарушили традиционный ритуал.

Здороваться друг с другом лишь после того, как подпоясались, – это по преданию старинный традиционный ритуал, нарушитель которого строжайше карается.

На Армянском нагорье и в соседних с ним областях в усыпальницах позднебронзового века, равно как и урартских, обнаружены изукрашенные мифологическими изображениями широкие бронзовые пояса, что свидетельствует об их исключительном ритуально-колдовском и культовом значении. По всей вероятности, во время войн, охоты и религиозно-культовых обрядов этими поясами для практической и магической защиты подпоясывались жрецы и вожди племён, цари и военачальники. Должно быть, пояса в обязательном порядке входили в боевое и ритуальное снаряжение – как средство, формирующее, укрепляющее и

оберегающее тело, а также сохраняющее нравственные и практические навыки тех, кто их носит, и как волшебный талисман и символ непреходящей силы и мощи. В общих чертах об этом свидетельствует ритуальный обычай класть бронзовые пояса в могилу отдельно от владельца, в свёрнутом виде либо на блюде ср. (Мецамор, 180–185), по соответствующим источникам, особенно же исследование различных семантических значений армянского *գլուհ* (пояс) и образованных от него слов.

Уже в V веке слово *пояс*, помимо прямого своего значения, имело в армянском языке и переносный смысл, означая «мужество и храбрость». Это видно из метафорического высказывания Елишэ «Укрепили свой стан поясом истины». А вот выражение «*И да укрепят пояса ваши стан*», значит чувствовать себя твёрдо и уверенно. Отсюда сложные слова *գօւղպիւն*, *գօւղպնիլ*, *գօւղնրիլ*, (*գօւղ*-пояс), которые кроме своего исконного смысла – “крепко завязать пояс, опоясаться”, означают также “мужественный, готовый к делу”. И не случайно у Бела перед поединком «опоясаны чресла» (Хоренаци, I, 11), чтобы чувствовать себя сильным, уверенным и защищённым. Даже названия борцовских поединков связываются с армянскими обозначениями слова *пояс* *գլուհաւոր*: поясобой, поясосхватка и указывает на важную роль пояса в битве и в победе.

В отдельных ритуальных играх и сам пояс выступал объектом схватки. Игра лахти, весьма распространённая среди армян, в некоторых этнографических районах называлась «игрой в ремни». Армяне играли в неё преимущественно в начале весны. В игре участвовали мальчики, юноши и изредка мужчины среднего возраста, от двух до двадцати человек. Очерчивали большой круг, играющие делились на две группы. Одна группа входила в круг и лучеобразно через равные промежутки располагала в нём поясные ремни, часто кожаные, а подчас и сплетённые из лозы либо нитей верёвки (опять-таки символ ремня). Каждый становился подле своего ремня и защищал его от посягательств соперника. Играющие во внешней группе захлёстывали своими ремнями ремни, расположенные внутри круга, всячески стараясь выбросить их наружу. Если это удавалось, владелец ремня считался побеждённым и выбывал из игры (ср. Бдоян II, 90–95, а также 20–22). Цель игры заключалась в том, чтобы отнять у соперников ремни. Тем самым им наносили поражение, выводили из круга, брали в плен, а в конце игры нещадно избивали ремнями тех побеждённых, кто остался в кругу.

Отнять у соперника ремень означало по логике игры лишить его силы и способности вести схватку, следовательно, нанести ему неизбежное поражение. Отсюда та жаркая, неистовая борьба, которую вели за каждый ремень. В. Бдоян верно угадал, что игры лахти содержит в себе ритуальный пласт и «прежде была не игрой, но мистическими актами» (Бдоян, II, 21). Он, однако, не обратил внимания, что по ходу борьбы играющие решают задачу отстоять или захватить ремень, а здесь и вправду содержатся глубоко упрятанные ритуально-культовые пласты.

Пояс (ремень) и талия нераздельны, и пояс призван облекать, защищать, подтягивать и укреплять стан. Армянское *ւղջ* (в, посреди) происходит из индоевропейского *medyos* и означает «середина», «талиа», «чресла», «половина», в исключительных случаях и «утроба» (Ачарян, III, 313). Талиа – это середина

человеческого тела, тот рубеж, который связывает между собой верхнюю и нижнюю его части. Слово *utgr* (талиа, пояс, чресла, спина) имеет и множество переносных значений. Приведем для примера такие идиомы, как «сломать спину» (причинить большой ущерб, лишить силы, мощи), «положить на спину» (соответствует русскому «положить на лопатки», потерпеть поражение, унизиться, сломаться), «гнуть спину» (страдать, покоряться), «укрепить спину» (стать богатым, состоятельным, обрести могущественного защитника, укрепить тыл, стать сильнее), «беречь спину», «стоять за спиной» (защищать, помогать, быть опорой) и даже «вышедший из чресел (утробы)», то есть собственное дитя, чье зачатие связывают с чреслами. (Сукиясян, Галстян). Так что пояс (талиа) символизирует и жизнь, и силу, и устойчивость, и социальное и нравственное могущество, и наследственность, иными словами, всё то, что присуще стержневой опоре, связующей и удерживающей две важнейшие части тела – как в анатомическом, так и социально-нравственном отношении. Отсюда и крайняя необходимость ее физического и нравственного сохранения, для чего и предназначен пояс (ремень).

Учтём, что в некоторых преданиях и мифах строение мира представляется антропоморфным. Так, из членов тела исполина Пуруши, принесённого в жертву древнеиндийского первочеловека, возникают элементы вселенной (Мифы, II, 351). А древние натурфилософы видели в человеке последнее звено космического устройства, меры и справедливости. Человек всей своей сутью связан со вселенной как её параллель, уподобленный великому космосу (макрокосму) малый космос (микрокосм); он построен по той же модели гармонии и разумности, что и мир или космос (Мифы, II, 10). Усвоив это, мы приблизимся к мифологическому восприятию понятия пояс (талиа) как важнейшей части космоса.

Пояс (талиа) – в армянском языке на это указывает семантика слова – есть середина человеческого тела, срединная его часть, центр. А середина «как гармонизирующий элемент есть источник порядка и чистоты, – пишет Е. Рабинович. – С другой стороны, центр – не только источник космической гармонии, но и эмбрион вселенной, зародыш мира (ср. с чреслами как символом оплодотворения. – С. А.). Середина, как элемент порождающий, предстаёт как носитель порядка и чистоты – отсюда представления о срединном местоположении первоначального рая, о постепенной порче вселенной по мере её удаления от центра, отождествление периферии с хаосом» (Мифы, II, 428).

Сопоставляя трёхчленную вертикальную структуру вселенной с трёхчленным строением человеческого тела (голова, туловище, ноги), особенно при том, что в космологических представлениях «чаще человеческое тело выступает как первичное и исходное, а космическое устройство как вторичное и производное» (Мифы, II, 300), следует подчеркнуть, что голова человека соответствует небу, туловище с талией – среднему миру, земле, а нижняя часть тела (ноги) – подземному миру. Так что талиа символизирует середину, центр вселенской вертикали, равно как и скандинавский (эддический) Мидгард, вокруг которого находится область неупорядоченного, где живут великаны и хтонические существа (Мифы, II, 428). При подобных представлениях о строении вселенной становится понятным изначальный смысл охватывающего талию пояса. Он являет собой

надёжное средство, которое оберегает, облекает, изолирует её от злых и губительных сил, окружающих средний мир. Следует обратить внимание на материал, из которого изготавливались первобытные пояса – металл (бронза), – поскольку металл в народных воззрениях доныне обладает свойствами оберега.

Талия как срединная часть, центр и человеческого, и космического тела выводит на первый план идею пропорциональности, соразмерности, а та, в свою очередь, порождает идею гармонии в структуре человека и вселенной (микро- и макрокосма). Пояс предназначен блюсти эту космическую соразмерность и гармонию от губительных вторжений внешнего хаоса.

Возможно, выражением подобных воззрений является зафиксированное в одном из средневековых текстов-святах следующее иносказание: «Надеть пояс бдительности и собрать, и усмирить, нас, земных». Здесь акцентировано предназначение пояса защищать от собирательных внешних (земных, мирских) искушений. Разумеется, реальная основа аллегории в том, чтобы усмирить чревоугодие затягиванием пояса, дополнительный же смысл – защититься посредством пояса от внешних влияний, избавиться от них. Поэтому пояс и входил в древности в ритуальное убранство, что, в частности, выразилось позднее в ритуальном одеянии христианского священника. Рукополагая священника, епископ с благословением и молитвой подаёт ему пояс (Обрядовый словарь, 117; Ацуни, 1923, 366).

Перед литургией проводивший службу священник особым образом опоясывался и, как отмечено в четьи-минеи (жития святых), даже принимая святое причастие, непременно повязывал пояс («В час причастия да будут препоясаны»). О том же упоминается в Евангелии от Луки, где Христос, обращаясь к ученикам, иносказательно их наставляет: «Приготовь мне поужинать и, подпоясавшись, служи мне, пока буду есть и пить» (XVII, 8).

Иными словами, опоясывание во всех случаях рассматривается как обязательный элемент культового обряда, как священнодействие.

Точно так же и в древности, и много позднее, выполняя практическую свою функцию, пояс в обязательном порядке входил в ратное снаряжение. Он прикрывал талию воина, и подтягивал его стан, и служил для того, чтобы прикреплять и переносить личное оружие (меч, кинжал, колчан, впоследствии пистоль и пистолет). Все это способствовало закреплению и новому осмыслению древнейшего поверья, что пояс защищает от внешних угроз и злых сил и обезвреживает их. Вспомним хотя бы, что в нашем героическом эпосе среди доспехов Мгера Старшего и Давида непременно упоминается охарактеризованный различными эпитетами «золотой ремень или пояс», «поясной ремень» и т. д.

Лишь рассматривая талию и пояс через призму упомянутой мифологической семантики, можно осветить связанные с ними ритуальные и мифические события.

Как уже сказано выше, игры в ремни (лахти) совершались преимущественно в начале весны, по свидетельству древних, в дни масленицы либо в последнюю неделю (Бдоян, II, 94), то есть в дни древнеармянского нового года. Следовательно, они входили в ритуальные новогодние игры. Согласно древним религиозно-мифологическим воззрениям, новый год символизировал крах и гибель старого

мира под воздействием злых сил хаоса и возникновение либо обновление нового мира. По поверью переход от старого года к новому, как это справедливо отмечают, сопровождается борьбой, которая отразилась в новогоднем ритуальном обиходе в виде поединка, словесного или реального (ср. со словесным поединком древнеиндийских поэтов-жрецов). С точки зрения цикличности времени, соответственно и космос в конце года возвращался к прежнему (докосмическому) своему состоянию, «изнашивался» в хаосе, «и только особый обряд перехода мог воссоздать космос со всеми циклами его возникновения» (Елизаренкова, Топоров, 1984, 30).

По-видимому, одним из проявлений аналогичного новогоднего ритуала была в армянском быту игра в ремни (лахти) с её неуступчивой борьбой соперничающих групп. По времени игра предшествовала рубежу старого и нового годов, началу нового солнечного цикла, когда, согласно древним космологическим воззрениям, на смену изношенному и потрёпанному миру старого года шёл новый и обновлённый мир нового года.

Круг, который очерчивался при игре в ремни, скорее всего, символизировал космический пояс, охватывающий средний мир, центр старого года, границу старого и нового миров. Что касается мужчин, защищавших брошенные на землю ремни, они олицетворяли беззащитный мир, стиснутый в круге старого среднего мира, истрёпанный и лишённый в старом году пояса. Напротив, нападавшая и находившаяся вне круга группа символизировала новый год – свободный от сил хаоса, созданный заново и обновлённый мир. Он, *этот мир*, шёл с борьбой отнять у группы внутри круга, символизировавшего старый мир и год, брошенные на землю ремни, которые также были символами изнурённого павшего мира. Игра завершалась насильственным захватом последнего ремня и нещадным избиением проигравшей группы. Безоружных членов проигравшей группы загоняли в круг и жестоко били ремнями по спине и поясице (незащищенным местам); тем самым внешняя группа (то есть новый год с новым миром) сполна обеспечивала себе победу над старым.

Разбирая предание о происхождении армянских гор, исполненное древними космологическими, мифологическими и ритуальными воззрениями, мы постигаем глубину и смысл кары, постигшей братьев-исполинов. Они наказаны Богом за то, что поприветствовали друг друга, прежде чем подпоясались. Между тем приветствие – ритуальный жест прославления, священнодействие, равносильное молитве, особенно если учесть означенное в предании время, когда ритуал отправляется (рано поутру), то есть на рассвете, в начале дня, благая весть о котором и прославление и в самом деле почитались священными. Следовательно, к этому сакральному обряду надлежало ритуально подготовиться – одеться и, главное, подпоясаться, чтобы полностью обезопасить себя от воздействия злых и губительных ночных сил и защитить талию (ср. с доньше бытующим в народном обиходе обычаем утреннего приветствия, которое совершается после умывания, то есть после того, как человек очистится от скверны ночного мрака и оденется). Вот сколь важным и серьёзным осознавался этот традиционный ритуал, вот отчего его нарушение почиталось преступным и сурово наказывалось божественной карой.

В предании особо подчеркнуто, что подпоясаться – серьёзнейшее ритуальное таинство. Это видно, в частности, по финалу предания: когда братья превратились в горы, то их пояса стали зелёными полями и долинами. В пространственно-географическом смысле равнины, расположенные в низинах вокруг гор, так же соотносятся с перпендикулярными к ним горами и горными вершинами, как пояса – с талией или станом человека. Пояса с их преобразованием – это по сути дела метафора ровной земной поверхности, и своей кольцевидной округлостью они знаменуют рубеж, отделяющий подземный мир от мира срединного – земли (ср. с горой как распространённой моделью вертикальной структуры мира). Результатом подобных метафорических представлений являются также и другие древние значения слова «пояс» в армянском языке. Одно из них – «окрестность или продолжение горы» – находим в следующей фразе Хоренаци: «Большой шум поднялся в окрестностях [по поясу] большой горы Кавказа в стране болгар ...». Другое древнее значение этого слова также метафорично и связано теперь уже с небом или Богом – радуга. Как свидетельствует на основе средневековых источников «Новый словарь армянского языка»: «Дуга, видимая на небе, называется радугой, которую первые мыслители называли Божьей аркой, а глупцы Божьим поясом». Она звалась также “Господень пояс” или “пояс Арамазда”. Отсюда происходит и народное название радуги – «Божий пояс». Все эти эпитеты (Божий, божественный, Господень, Арамаздов) равноценны и почти неразличимы по значению – все они относятся к небу, небо же воспринималось народным сознанием именно как Бог; Арамазд – верховный небесный бог, а Господь – эпитет Бога. Так что радуга в древнеармянских представлениях выступает в качестве небесного (Божьего) пояса. Её называли также «абрикосовый пояс» – опять-таки народное наименование, где эпитет «абрикосовый» свидетельствует о властной, царской принадлежности (порфиру носили только цари), и здесь подразумевается его носитель – небесный владыка или царь. Так что по представлениям армян пояс (порфира) входил в убранство верховного (небесного) бога и символизировал одно из красивейших небесных зрелищ – многоцветную радугу.

Пояс в представлениях армян был не только важным компонентом человеческого и божественного убранства, но и космологическим понятием, исходным принципом моделирования мира. В представлениях о трёхчленной вертикальной структуре мира повсюду на нижнем (подземном), среднем (земном) и верхнем (небесном) уровнях обитают люди, отличные друг от друга только местом, где они повязывают пояс. На нижнем уровне они опоясывают колени, на среднем – талию, а на верхнем – грудь. Следовательно, позиционное различие в трёхчленной вертикальной структуре мира характеризуется расположением повязанных на теле поясов.

Согласно зафиксированным еще в средние века космологическим представлениям, небо, в свою очередь, делится на семь поясов («На небе же суть семь кругов, именуемых поясами: *ледяной, жгучий, великий, смешанный, прекрасный* (q̄t̄q̄t̄ḡl̄w̄l̄w̄n q̄n̄ūr̄ -путь затмения), *смиранный* (седьмой не упоминается)». «Эти семь суть противоположны друг другу» (Ширакаци, 1944, 325–326). Мы снова видим, что по воззрениям древних структура атмосферных

слоёв также характеризуется представлением о поясах. Эта строительная функция пояса в представлениях о космической структуре имеет, по нашему мнению, более глубокие и ранние мифологические корни. В мифе о Левиафане-Лекеоне мы видим, что лежащая на мировом океане колесообразная земля с четырёх сторон, словно шиной, окутана исполинским рыбьим телом Левиафана. Такой же воображается гигантская рыба Лекеон, которая обволакивает высящуюся в океане огромную гору. Эти мифические рыбы-драконы отделяют и укрывают Землю от мирового океана либо вод Хаоса и защищают устройство Земли (Мира) от окружающего Хаоса». Это мифологический взгляд на Левиафана-Лекеона – облакающее мир, как шина, и защищающее его чудовище – есть не что иное, как первооснова древнейших представлений о космических поясах.

Таким образом, пояс со своим предназначением подтягивать, повязывать, организовывать, охранять становится универсальным, приобретает функцию подбирать и блюсти талию и одежду человека и становится космическим воплощением различных представлений о мире: и вертикального, антропоморфного, и предметного (колесообразного, горообразного), и трёхуровневого, трёхчленного. Кругообразный пояс с его предназначением организовывать, подтягивать, оборонять по-разному используется в производственной, художественной, ритуальной и магической сферах. Он встречается и как практическая деталь (ср. с металлическими обручами и шинами, которыми опоясывают деревянные колёса, бочки, посуду), и как украшения, оформления в их многообразных прикладных, ритуальных и обрядовых разновидностях и вариантах (ср. с такими образцами прикладного искусства, как перстни, браслеты, а также орнаментированные в художественных и ритуально-магических целях пояса, которые обрамляют кожаные, металлические, деревянные бляды и сосуды).

Всё это свидетельствует о древнейшей мифологической семантике пояса, а прикладной и ритуально-культовый универсализм, как и смысловая многозначность, удостоверяют глубокую древность его мифологического восприятия.

ЛИТЕРАТУРА

- ԱԲԵՂՅԱՆ ՍԱՆՈՒԿ 1940, Գուսանական ժողովրդական տաղեր, Երևան, Արմֆանի հրատ.: Ա. Երկեր, հ. Ա, Երևան, 1966, ՀԽՍՀ ԳԱ հրատ.: Գ. Երկեր, հ. Գ, Երևան, 1968: Է. Երկեր, հ. Է, Երևան, 1975: Ը. Երկեր, հ. Ը, Երևան, 1985:
- ԱԳԱՆԹԱԳԵՂՈՍ Ագաթանգեղյալ պատմություն հայոց, աշխատասիրութեամբ Գ. Տէր-Սկրտչեան և Ստ. Կանայեանց, Էջմիածին–Տփղիս, 1909:
- ԱԶԳԱԳՐԱԿԱՆ ՀԱՆՐԵՍ Ա. Շուշի, 1895: Բ. Թիֆլիս, 1897: Զ. Թիֆլիս, 1900: VII և VIII, Թիֆլիս, 1901: IX. Թիֆլիս, 1902: X, Թիֆլիս, 1903: XI. Թիֆլիս, 1904: XIX, I, Թիֆլիս, 1910: XX. Թիֆլիս, 1910: XXV, Թիֆլիս, 1915:
- ԱԼԻՇԱՆ ՂԵՎՈՆԴ Հին հավատք կամ հեթանոսական կրոնք, Վենետիկ, 1895:
- ԱՂԱՅԱՆ ԷՐՈՒՄԱՐԴ 1976, Արդի հայերենի բացատրական բառարան, Երևան, «Հայաստան» հրատ.: 1986, Ավնարկներ հայոց տոմարների պատմության, Երևան, ՀԽՍՀ ԳԱ հրատ.:

ԱՃԱՌՅԱՆ ՀՐԱՉՅԱ Ա. Հայոց անձնանունների բառարան, հ. Ա, Երևան, 1942, Երևանի համալսարանի հրատ.: Բ. Հայոց անձնանունների բառարան, հ. Բ, Երևան, 1944: Գ. Հայոց անձնանունների բառարան, հ. Գ, Երևան, 1946: Դ. Հայոց անձնանունների բառարան, հ. Դ, Երևան, 1948: Ի. Հայերեն արմատական բառարան, հ. Ա, Երևան, 1971, Երևանի համալսարանի հրատ.: Ե. Հայերենի արմատական բառարան, հ. Բ, Երևան, 1973: Յ. Հայերեն արմատական բառարան, հ. Գ, Երևան, 1977: Կ. Հայերեն արմատական բառարան, հ. Դ., Երևան, 1979:

ԱՌԱԾԱՆԻ Ա. Տ. Ղանալանյան, Առաժանի, 1960, ՀԽՍՀ ԳԱ հրատ.:

ԱՌԱԶԵԼՅԱՆ Բ. Ն. 1951, Դիտողություններ վիշապաբաղ Վահագնի մասին, «Տեղեկագիր ՀՍՍՌ ԳԱ հաս. գիտությունների», դ 2, Երևան:

ԱՍՏՈՒԱԾԱՇՈՒՆՉ Մատեան Հին և Նոր կտակարանաց, Վիեննա, 1929:

ԱՎԱՆ-ԴԱՊԱՏՈՒՄ Արամ Ղանալանյան, Ավանդապատում, Երևան, 1969, ՀԽՍՀ ԳԱ հրատ.:

ԲԴՈՅԱՆ ՎԱՐԴ ԻԻ, Հայ ժողովրդական խաղեր, ԻԻ, Երևան, 1980, ՀԽՍՀ ԳԱ հրատ.:

ԽՈՐԵՆԱՅԻ Մովսիսի Խորենացոյ Պատմութիւն Հայոց, քննական բնագիրը Մ. Աբեղեան և Ս. Յարութիւնեան, Տփղիս, 1913:

ԾԻՍԱԿԱՆ ԲԱՌԱՐԱՆ Ծիսական բառարան, 1906, ընդարձակ օրացույց ս. Փրկչյան հիվանդանոցի Հայոց, Կ. Պոլիս (1906):

ՍԵԾԱՍՈՐ Է. Խանգաղյան, Կ. Սկրտչյան, Է. Պարսամյան, Մեծամոր, ուսումնասիրություն, 1965–1966 թթ. պեղումների տվյալներով, Երևան, 1973, ՀԽՍՀ ԳԱ հրատ.:

ՆՀԲ Ի, Նոր բառգիրք Հայկազեան լեզուի, հ. Ի, Երևան, 1979, Երևանի համալսարանի հրատ.: Ե, Նոր բառգիրք Հայկազեան լեզուի, հ. Ե, Երևան, 1981:

ՇԻՐԱԿԱՅԻ ԱՆԱՆԻԱ 1940, Տիեզերագիտութիւն և տոմար, աշխատ. Աշ. Աբրահամյանի, Երևան: 1944, Անանիա Շիրակացու մատենագրությունը, աշխատ. Աշ. Աբրահամյանի, Երևան:

ՍՈՒՔԻԱՍՅԱՆ Ա., ԳԱԼՍՅԱՆ Ս. Հայոց լեզվի դարձվածքանական բառարան, Երևան, 1975, Երևանի համալսարանի հրատ.:

ЕЛИЗАРЕНКОВА Т. Я., ТОПОРОВ В. Н. 1979, Древнеиндийская поэтика и ее индоевропейские истоки, „Литература и культура древней и средневековой Индии“, сборник статей, М., изд-во „Наука“.

МИФЫ Ի. Мифы народов мира, Энциклопедия, т. Ի, М., 1980, изд-во „Советская энциклопедия“.

Мкртич Зардарян

КОММУНИКАЦИОННАЯ ОСЬ «ЮГ - СЕВЕР»
В СИСТЕМЕ ВНЕШНИХ СВЯЗЕЙ АРМЯНСКОГО НАГОРЬЯ
(I тыс. до н. э.)

Mkrtich Zardaryan
THE ARMENIAN HIGHLANDS ON THE COMMUNICATION
ACCESS "SOUTH-NORTH" (I millennium B. C.)

*During the development of civilizations of the Armenian Highlands and South Caucasus, the specific geographical location of this region has transformed into a peculiar **natural resource**, guarantying its participation in different processes – ethnic, cultural, economical, political, social, taking place on both sides of the "Caucasus Shield" – in Near East, as well as on the territory of Eurasian steppes.*

The long-lasting and multi-vector exchange of material and intellectual values between the traditional groups of partners promoted the formation of certain channels of interregional intercourse. In terms of dependence on the specific natural conditions, as well as cultural-political factors, the system of these channels had a rather stable character, which allows us to consider the dynamics of the exploitation of its concrete branches during considerable periods of time.

In the context of problems being observed, the I millennium B.C. draws a special interest, as a period which was marked in the history of the Near Eastern civilizations, and especially of the Armenian Highlands and South Caucasus, by a number of cardinal transformations. The formation and development of the system and structure of interregional cultural and economical exchange takes a special position among the latter. The following article is not oriented towards the presentation of whole spectrum of interactions between the societies and states of Armenian Highlands and South Caucasus with the Near Eastern environment. It is focused upon the analysis of ties of the mentioned region with Mesopotamia and Iran by certain communicational channels.

Изучение этапов формирования и развития культурно-экономической интеграции древних обществ Передней Азии и их трактовка, при всей своей научной значимости и позитивным традициям, приобрели в последние годы определенную конъюнктурную направленность. Это обстоятельство возымело значительное воздействие как на тематический охват, так и на глубину и объективность исследований. В частности, особенно явственно отмеченные тенденции проявились в исследованиях коммуникационных структур, сложившихся за тысячелетия многопрофильного взаимодействия различных регионов Древнего Востока.

В числе результатов внедрения подобных подходов следует упомянуть: гипертрофирование оценок одного из направлений трансрегионального обмена (восток-запад-восток); квазинаучные дискуссии относительно отдельных его ветвей, при полном игнорировании других составляющих этой, по существу, единой интеграционной системы; постепенное укоренение усеченного восприятия последней и далее – попытки искусственной адаптации объективных исторических,

археологических и иных данных к субъективным теоретическим моделям, ориентированным на цели далекие от науки как таковой.

В сложившихся условиях актуализируется последовательный, комплексный анализ экономических приоритетов и внешнеэкономической ориентации определенных регионов в динамике их формирования и развития на протяжении продолжительных исторических периодов. В том же ключе следует рассматривать и вопросы коммуникационных структур и конкретных каналов, обеспечивавших внешние связи регионов.

В новом ракурсе представляется и целевое изучение этапов развития культурно-экономических связей Армянского нагорья и Южного Кавказа – региона, который с точки зрения своего географического, ресурсного, культурного потенциала и иных характеристик, занимал одну из ключевых позиций на Ближнем Востоке и Передней Азии в целом. Предметный (а не *verbi gratia*) анализ узловых аспектов внутрирегионального и трансрегионального взаимодействия, имеет кардинальное значение не только для исследования конкретных фаз истории собственно региона, но и для объективного освещения интеграционных процессов, протекавших в пределах значительно большего географического (и культурного) ареала.

В контексте рассматриваемой проблематики, особый интерес представляет I тысячелетие до н. э. – период, ознаменовавшийся в истории цивилизаций Ближнего Востока и особенно Армянского нагорья и Южного Кавказа, рядом кардинальных трансформаций. Широкое освоение железа и новый уровень экономики, социальные инновации и окончательное формирование государственности (в том числе - национальной), резкое расширение рамок политического, экономического, культурного взаимодействия: таков неполный перечень формообразующих подвижек, характеризующих данный исторический период. Естественно, упомянутые новации, в зависимости от географической, экономической, либо иной специфики конкретных областей рассматриваемого региона, протекали не параллельно – с определенной асинхронностью, различной интенсивностью и в различной корреляции с другими процессами. Так, если на Армянском нагорье и Западном Кавказе активизация последних наблюдается уже в начале тысячелетия, то на Восточном Кавказе они проявляются значительно позже (*Археология СССР, 1985. сс. 107-109*). Существенные отличия можно проследить и в сфере интеграционных ориентиров и культурных приоритетов «передовых» областей: в частности, взлет Армянского нагорья (в рамках рассматриваемых процессов), в числе прочих обстоятельств, был обусловлен тесными связями с Месопотамией, Левантом, Ираном и позднехеттским миром. Между тем, подъем Западного Кавказа стал результатом преимущественно «Великой греческой колонизации».

Параллельно с различиями культурно-экономических приоритетов, в ряду предпосылок активизации развития упомянутых областей прослеживаются и определенные общности, как то: контроль над стабильными коммуникационными каналами, а также темпы и уровень прогресса, достигнутые в ходе предшествующих исторических периодов и обеспечившие быстрое восприятие и творческую переработку внешних импульсов.

Настоящая статья не ориентирована на освещение всего спектра взаимодействия между обществами и государствами Армянского нагорья и Южного Кавказа с ближневосточным окружением. Являясь составной частью обширного исследования, она фокусируется на анализе связей рассматриваемого региона с Месопотамией и Ираном.

Первые, достаточно ощутимые, материальные свидетельства связей Армянского нагорья (в частности его северных областей) с Месопотамией восходят ко времени Халафской и Убейдской культур (*Торосян Р. 1976. сс. 103-105.*). Достаточно рано формируются и взаимоотношения с культурами Иранского плато, обусловленные, в числе иных обстоятельств, историко-культурными, этническими и экономическими общностями соседних регионов. В ходе последующих исторических эпох связи Армянского нагорья с отмеченными регионами Передней Азии продолжают углубляться и к концу II тыс. до н. э. складываются в стабильную полифункциональную систему взаимодействия.

Продолжительный, многовекторный обмен материальными и интеллектуальными ценностями между традиционными группами партнеров, способствовал формированию столь же определенных каналов межрегионального общения. В условиях зависимости от специфики горного рельефа – с одной стороны (Армянское нагорье, Иранское плато), и привязки к водным артериям и ресурсам – с другой (Месопотамия), система этих каналов имела довольно стабильный характер, что позволяет рассматривать динамику эксплуатации конкретных ее ветвей на протяжении значительных отрезков времени.¹

С позиций исследования приведенных проблем, территория исторической Армении (Армянское нагорье) представляет особый интерес. Данный регион, наряду с иными характерными предпосылками, уже в силу своего географического положения был призван обеспечивать связи ряда наиболее развитых культур Древнего Востока с Южным Кавказом, а через Колхидские, Дарьяльские и Дербентские «ворота» и с северными отрогами Кавказа и Южно-русскими степями. Материальные свидетельства активной деятельности в этой сфере, в частности, проникновение специфичной продукции и производственных традиций из Месопотамии на Армянское нагорье и Южный Кавказ, а отсюда – в северопричерноморские и придунайские области, прослеживаются уже в III тыс. до н. э. (*Мартиросян А.А. 1964. сс. 40-41 и др.*). Заметим, что фактически в то же время формируется и встречный поток сырья и продукции (*Мартиросян А.А. 1960. с. 95*). В этом плане весьма красноречивы результаты новейших изысканий, посвященных анализу закономерностей распространения обсидиана из армянских и южнокавказских месторождений в эпоху Неолита – Раннего железа. Эти

¹ Настоящая работа ориентирована на рассмотрение конкретных ветвей переднеазиатской коммуникационной сети, пролежавших в направлении Юг – Север и, в частности – через Ширакское плато и бассейн оз. Севан. На прилагаемой карте (см. карту) исторические торговые пути представлены соответственно именно этим тематическим рамкам. Во избежание перегрузки, картографии подвергнуты характерные археологические материалы эпох Поздней бронзы и Раннего железа. Что касается позднейших материалов, и в частности античных, то они покрывают отмеченные каналы фактически полностью, и представление их в настоящей статье не представляется необходимым.

исследования позволяют констатировать факт валового экспорта обсидиана из месторождений Армянского нагорья в отдаленные регионы Иранского плато по крайней мере с III тыс. до н. э. Примечательно, что к концу тысячелетия традиционный экспорт в эти регионы обсидиана из бассейна оз. Ван, замещается сырьем месторождений севера нагорья (территории современной Армении), расположенных на расстоянии ок. 1500 км. от «зоны потребления» (Бадалян Р. С. 2002. с. 26).

Этот обмен (сопровожаемый также и этническими миграциями вдоль тех же каналов общения) приобретает особый размах в периоды Поздней бронзы и Раннего железа. Он иллюстрируется не только концентрацией в определенных областях Армении и Южного Кавказа изделий иранского, или месопотамского происхождения, но и многочисленными свидетельствами южнокавказского экспорта на юго-запад и юг (Погребова М.Н. 1977. сс. 169, 177 и др.; Мартirosян А.А. 1964. сс. 229-230). При этом, на различных этапах взаимодействия, в качестве «единиц» обмена фигурируют как конкретные типы продукции, так и традиции их производства (Пилипосян А.С., 1999. сс. 53, 54 и др.).

Раскопки последних лет в Армении и сопредельных регионах значительно обогатили перечень подобных находок. Так, богатая коллекция привозного оружия, накопленная за прошедшие десятилетия исследований, была дополнена новыми находками биметаллических кинжалов луристанского типа (в частности, Ором, погр. 49). К обширной серии месопотамской глазурованной керамики, выявленной при раскопках Айгевана, Двина, Ошакана, Мецамора, Лори-Берда и других памятников (Кушнарева К.Х. 1959. сс.383-385; Есаян С.А., Зардарян М.О. 1985. сс. 152-161)², прибавились блестящие образцы из того же Орома, Севанского бассейна и пр. Весьма значительную, по объему и разнообразию, коллекцию составляет такая специфичная группа археологических материалов как печати (Пилипосян А.С., 1998) и др.³ Перечень подобных находок растет год от года.

Концентрация в комплексах археологических материалов изделий, происходящих из определенных регионов (центров) и обуславливает изучение возможных путей их проникновения. Необходимо заметить, что данная проблематика затрагивалась специалистами и ранее. Однако, в предшествующих исследованиях авторы либо ограничивались констатацией наличия импортных изделий, либо рассматривали это явление в крайне узких хронологических рамках, в лучшем случае – в пределах конкретного археологического периода. Между тем, комплексное сопоставление материальных и иных данных (в контексте анализа связей определенных этнокультурных, этнополитических, или геополитических регионов) в более широких хронологических параметрах, выявляя как элементы, характерные именно для данного периода, так и объективные «межэпохальные»

² В отмеченных трудах приведены также сведения о большинстве находок месопотамской глазури, выявленной на территории Армянского нагорья.

³ Целевое изучение импортных и экспортировавшихся археологических артефактов не входит в круг задач настоящей работы. В данном случае последние рассматриваются нами лишь в контексте анализа коммуникационного обеспечения связей Армении (Армянского нагорья) с центрами (регионами) их производства или потребления.

общности, позволяет выдвинуть поставленную проблему на уровень несравнимо более значимых культурно-исторических и экономических обобщений.

В свете сказанного, весьма перспективным представляется целевой анализ археологической информации рубежа II-I тыс. до н. э., урартского и античного периодов, в комплексе с рядом письменных свидетельств той же античности. В частности, подобный подход делает возможным с высокой степенью достоверности реконструировать структуру межрегионального обмена, равно как и определенные пути по которым она протекала.

В контексте исследуемой темы особого внимания достойно сообщение Страбона об участии скифо-сарматских племен Северного Кавказа – аорсов и сираков, в трансрегиональной караванной торговле индийскими и вавилонскими товарами, получаемыми ими от армян и мидийцев (*Strabo, Geogr. XI, V, 8*). Примечательно, что это сообщение I в. до н.э. четко коррелируется как с более ранними сведениями Геродота (*Hist., I, 104*), так и с данными итинерария Кастория IV в. н. э. (*Muller C. 1916. Segm. X, 4 – XII, 2*) и иных источников.

Реконструкция общей модели этой магистрали, базирующаяся на источниковедческих и историко-географических данных, была предложена акад. Я. Манандяном еще в 30-е гг XX века (*Манандян Я. А. 1936. сс. 117-135, 139-172*). В позднейших арменоведческих трудах были уточнены данные о топографии отдельных ее ветвей, детали относительно истории их эксплуатации (*Манандян Я. А. 1954. сс. 57-62; Еремян С. Т. 1969. сс. 16-25; Еремян С. Т. 1979 и др.*). В результате этих исследований, сложилось следующее представление об обсуждаемой магистрали. С побережья Персидского залива (от Шат-эль-Араба) она поднималась в Вавилон, Селевкию-на-Тигре, Экбатаны и через Фрааспу, Газаку (Гандзак), Таврез и Нахиджеван, доходила до столицы античной Армении – Арташата (Артаксаты). Далее, пролегая по Араратской долине и огибая г. Арагац с запада, дорога поднималась на Ширакское плато, в Джавахк (Джавахети) и преодолевая Зекарский перевал, вниз по руслу р. Фазис (Риони), спускалась в Колхидскую низменность. Продолжаясь на северо-запад, вдоль побережья Черного моря, она доходила до Диоскурии-Себастополиса, известного как крупнейший эмпорий народов, населявших в античности Западный и Северный Кавказ (*Strabo, Geogr. XI, II, 17*). Далее, дорога следовала на Питиунт, Танаис, в нижнем течении Дона и выходила на просторы северопричерноморских степей (см. Карту 1).

Один из отрезков этой магистрали, разветвляясь близ Гандзака, формировал коммуникационное кольцо вокруг оз. Урмио. Второе кольцо создавалось другой ветвью, отходившей от вышеописанной дороги близ Ошакана (в Араратской долине), огибавшей г. Арагац с востока и севера и соединявшейся с ней в Шираке.

В системе связей Кавказа с Ближним Востоком своей значимостью выделялась еще одна ветвь рассматриваемой магистрали. Отходя на север от Араратской долины близ совр. Еревана,⁴ она шла вверх по левому берегу р. Раздан, преодолевала Севанский перевал и вдоль русла р. Агстев, через древний Лал

⁴ Поселения, а начиная с урартского периода – и города, расположенные на территории совр. Еревана, пребывавшей, фактически под непрерывным заселением с IV-III тыс. до н. э., играли весьма значимую роль в коммуникационной системе Южного Кавказа (см. Еремян С. Т. 1969 и др.).

/Халхал, доходила до столицы Иберии – Армастики /Армази. Отсюда, вверх по р. Араг (Арагви) она поднималась до Аланских ворот (Дарьяла) и, перевалив через Кавказский хребет, спускалась в «области северных кочевников» (*Strabo, Geogr. XI, III, 4*).

Надо заметить, что обе описанные ветви (как Ширакская, так и Севанская) связывались между собой, в первом случае – дорогой ведущей из Ширака, через Джавахк, в Армази («Путь Святой Нуне / Нино»), во втором же – дорогой ведущей из иберийской столицы, вверх по р. Киру / Куре, в Колхиду.

Такова реконструкция основных и некоторых «второстепенных» ветвей общей коммуникационной системы «Юг – Север», которая, судя по данным античных источников, по крайней мере с V в. до н. э. обеспечивала многоступенчатые связи между Северным Причерноморьем, Кавказом, Армянским нагорьем, Ираном и Месопотамией. Объективность данной реконструкции подтверждается значительной концентрацией вдоль этих дорог находок вышеупомянутой импортной продукции XIII - IX вв. до н. э., равно как и археологических и нумизматических материалов античной эпохи (VI в. до н. э. – IV в. н. э.), также происходящих из центров Ирана и Месопотамии. Обилие подобных находок особенно заметно вдоль отрезков упомянутых путей, пролежавших по современным территориям Армении и Грузии (*Зардарян М. О. 1986. сс. 8, 13*).

Резкая активизация эксплуатации дороги, и особенно участка Экбатана – Арташат, прослеживается во II – начале I вв. до н. э. Это явление, наряду с политическими предпосылками (активизация армяно-парфянских взаимоотношений), имело также собственно экономические причины. После успешного завершения в 130-х гг. до н. э. дипломатической миссии Чжан-Цяня ко двору Парфянских Аршакидов и последовавшего вслед за этим «официального открытия» Великого Шелкового пути, Экбатана – этот давний партнер, а теперь уже и ближайший к Армении восточный перекресток «продольной» трансконтинентальной магистрали, приобрел качественно новое значение для армянского рынка. Вместе с тем, благодаря развитию этого направления, сама Армения, переживавшая к этому времени период бурного политического и экономического подъема, еще больше укрепила свою роль медиатора в структуре экономических связей между Ираном, Малой Азией, Южным Кавказом и Северным Причерноморьем. В данном контексте вполне закономерным представляется приобретение к концу I в. до н. э. столицей царства Арташатам статуса одного из трех важнейших центров транзитной торговли между Парфией и Римом, а в дальнейшем – и между Сасанидами и Византией (*Зардарян М. О. 1984. сс. 26-28*).

Помимо сферы сугубо экономической, приведенная дорога и в частности – ее отрезок, ведущий из Армении в Центральный Иран, оставил заметный след также в военно-политической истории региона античной эпохи. Так, очевидно именно ею воспользовался Тигран II Великий при своем победном марш-броске на Экбатаны в 87 г. до н. э. (*Isid. Charac., Mans. Parth. 86*). Кроме того, учитывая надежность и пропускную способность этой дороги, по ней же отправил Антоний свои

гигантские осадные машины к стенам столицы Атропатены Фрааспы во время Парфянской кампании 36 г. до н. э. (*Plut., Ant. 38*).

Об экстраординарном значении рассматриваемой магистрали в экономической, равно как и политической действительности Армении свидетельствует также и то обстоятельство, что фактически вдоль нее располагались античные и средневековые столицы государства (в хронологической последовательности) – Армавир, Ервандашат, Арташат, Вагаршапат, Двин, Ани.

Расширение хронологических рамок рассмотрения проблемы убеждает, что время эксплуатации означенной магистрали «Меотида – Вавилония» отнюдь не ограничивалась античностью и средневековьем. В плане подтверждения ее задействованности в предшествующие эпохи весьма показательны результаты картографии вышеупомянутых образцов иранского металла XI-VII вв. до н. э., обнаруженных на территории Северного Ирана и Южного Кавказа (*Погребова М. Н. 1977. сс. 50, 57*). Концентрация значительной части этих находок вдоль «античной» дороги, свидетельствует в пользу существенного удревнения начала эксплуатации последней.

Объективность данной экстраполяции находит и другие подтверждения. В частности, вышеприведенные картографические данные фактически полностью совпадают с картографией распространения на Южном Кавказе (точнее в Армении и Грузии) образцов ассирийской глазурованной керамики (см. Карту 1). И если совпадение пунктов обнаружения одной группы археологических материалов с направлением позднейшей дороги, еще может быть трактовано как стечение случайностей, то полное дублирование этих данных качественно иной группой находок, практически исключает фактор субъективности в этом вопросе.

При всей своей значимости, вышеприведенная дорога была отнюдь не единственным коммуникационным каналом между Месопотамией и Армянским нагорьем. В античных источниках сохранились сведения об еще двух магистралях, соединявших эти соседние субрегионы. В частности, подробное описание части одной из них приводит в своем «Анабасис»-е Ксенофонт (*Xenoph., Anab. II, IV, 12 – IV, IV, 22*). Именно по этой дороге в 401- 400 гг. до н. э. отступал из-под Кунаксы, близ Вавилона, в «Восточную Армению» (XVIII сатрапию) отряд греческих наемников Кира Младшего. Судя по этому описанию, пролегая от Вавилона на север, вдоль русла Тигра, эта дорога пересекала течение Кентрита (Восточный Тигр) и, преодолевая перевалы Армянского Тавра и Антитавра, одной ветвью уходила в Малую Азию (именно ею воспользовались отступающие греки), а другой – спускаясь в бассейн оз. Ван, соединялась с циркумозерными коммуникациями. Последние, в свою очередь, сообщались как с Араратской долиной, так и с приурмийским «кольцом» (см. карту).

В «Анабасис»-е приводятся многочисленные свидетельства активной эксплуатации этой «двойной» - водно-сухопутной магистрали. Отмечается интенсивное сообщение (перевозки товаров) между городами, поселениями и сатрапскими ставками, расположенными вдоль Тигра. Относительно пропускных возможностей самой сухопутной дороги можно судить хотя бы по тому факту, что она не создавала каких-либо технических сложностей ни для 10-тысячного отряда

отступавших быстрым маршем греков, ни для количественно превосходящих сил преследователей – войска персидских сатрапов.

Южный отрезок этой дороги, пролежавший по территории богатейшей сатрапии Ахеменидов – Вавилонии (и частично Западной Мидии), имел важное значение для экономики Персидской державы и находился в фокусе внимания соответствующих царских служб. Однако, как следует из рассказа Ксенофонта, не меньшее внимание уделялось и северному отрезку того же пути, проходившему по территории Армении. На это указывает возведение «искусственных дорог» на труднопроходимых его участках (*Xenoph., Anab. IV, III, 5*). Собственно говоря, подобное отношение к последней было вполне закономерным, так как оба отрезка, как месопотамский, так и армянский, являлись частями единой «Царской дороги» Дария I, соединявшей Сузы с Сардами.

Однако, вне зависимости от степени интенсивности эксплуатации этой магистрали в период ахеменидского владычества, ее формирование также восходит к значительно более раннему периоду: наравне с Приевфратской магистралью, она обеспечивала связи Ассирии с западными областями Ближнего Востока.⁵ И то обстоятельство, что на этой дороге располагались Ашшур (Кена Ксенофонта), Калху (Ларисса), Ниневия (Меспила), мимо развалин которых проходил отряд Ксенофонта (*Anab., там же*) и другие крупнейшие политические и экономические центры Ассирийской державы, представляется вполне закономерным.

Как и на месопотамском отрезке, достаточно густая цепь городов, крепостей и иных поселений была построена в доантичную, в частности урартскую, эпоху и вдоль северного (армянского) участка дороги. Судя по данным археологической разведки бассейна оз. Ван, особенно плотно они располагались именно по линии прохождения приозерной части магистрали, а также по пути, ведущем отсюда к оз. Урмию (*Burney C.A. 1957. p. 43, fig. 1*). Последний отрезок, упоминаемый также и в раннесредневековых армянских источниках, пролегал вблизи крепости Котор (на совр. р. Котур. *Еремян С.Т. 1963. с. 60*). Кстати, высокой плотностью заселения в означенное время выделялись и циркумурсийские коммуникации (*Kroll S. 1977. s. 53, taf. 1*).

Таким образом, есть достаточно оснований полагать что данная магистраль, наряду с предыдущей, была включена в систему коммуникационного обеспечения контактов Армянского нагорья с Месопотамией не позднее рубежа II-I тыс. до н.э. По всей вероятности, именно по ней осуществлялся и экспорт меди из верховьев Тигра в Южное Междуречье (*Оппенгейм А.Л. 1970. с. 9*).⁶

Третьей магистралью исследуемого направления, упоминаемой в античных источниках, является водный путь вниз по Евфрату, по которому, как сообщает Геродот, вино из Армении (а возможно и другая продукция) сплавлялось на круглых кожаных судах в Вавилон (*Herod. Hist. I, 194*). По сведениям приводимым в «Истории», грузоподъемность этих судов, вызвавших особый интерес греческого

⁵ В частности, в основном по этим двум дорогам протекал импорт железа из месторождений Малой Азии и западных областей Армянского нагорья в ассирийскую Месопотамию («Дорога железа»).

⁶ Косвенным подтверждением данной версии является сообщение Ксенофонта относительно обилия бронзовых изделий у населявших эту местность кардухов (*Anab. IV, I, 8*).

ученого, могла достигать 130-и тонн (5 тыс. талантов). Подобные цифровые данные, наряду с иными деталями, позволяют судить о масштабах экспорта армянского вина на юг. Евфратская водная магистраль, также как и Тигрская, дополнялась сухопутной дорогой, пролежавшей вдоль русла реки (*Xenoph. Anab. I, IV-VI*).⁷

Возвращаясь к проблеме экспорта вина из Армении, следует отметить, что мы не располагаем прямыми свидетельствами о таковом ранее V в. до н.э. Однако, если учитывать промышленный характер виноделия Ванского царства (*Арутюнян Н. В. 1964. сс. 102-138*), поистине гигантские масштабы винохранилищ урартских городов (Эребуни, Аргиштихинили, Тейшебаини и др.), очевидно рассчитанных не только на внутрисоюзное потребление, то можно предположить, что данная отрасль экспорта, равно как сфера реализации продукции и техника ее транспортировки, сложились еще в догеродотовскую эпоху. Тем более, что Месопотамия и, в частности, ее центральные и южные области, испытывали стабильную нехватку виноградного вина, а упоминаемый Геродотом традиционный метод сплава по реке – был наиболее рациональным для больших объемов подобной, достаточно специфичной продукции.⁸

В дальнейшем этот вид экспорта из Армении в Месопотамию достиг таких масштабов и регулярности, что к IV в. н. э. розничная цена вина в Южной Месопотамии (Ниппур) определялась его оптовой ценой в Араратской долине – почти за 1000 км (по прямой) от региона потребления (*Солодухо Ю. А. 1960. сс. 128-132*). Подобная степень экономической интеграции была бы невозможна без наличия между регионами надежных, стабильно действующих коммуникаций.

Таковыми представляются основные магистрали, обеспечивавшие в древности связи Армянского нагорья, Центрального и Западного Кавказа с Ираном и Месопотамией. Исходя из тематической ориентации и объема данной статьи, мы опускаем здесь рассмотрение целого ряда второстепенных ответвлений, рассмотренных выше дорог, а также путей, связывавших восточные области Кавказа с южными цивилизациями. Детальный анализ последнего вопроса в настоящее время несколько осложняется недостаточно надежной документацией ряда групп археологических находок, особо значимых с точки зрения рассматриваемой тематики.⁹

Вместе с тем, примененная выше методика сквозного, комплексного исследования археологической, географической (историко-географической, картографической) и источниковедческой информации, представляется весьма перспективной также и в плане изучения каналов внешнего общения древних

⁷ Южная половина Приевфратской сухопутной дороги, доходившая одной из своих ветвей до Антиохии-на-Оронте и известная в античной историографии как «Новоселевкийская», в дальнейшем вошла (наряду с отрезком «Экбатана – Селевкия») в структуру «Великого Шелкового пути», формируя южное «русло» ее ближневосточной сети.

⁸ Кстати, аналогичные по технике водные транспортировки по Тигру, упоминаемые в античных источниках (*Xenoph. Anab. II, V, 28*), имели, повидимому, столь же давнюю историю.

⁹ Подобное обобщенное исследование в значительной мере осложняется и неравнозначностью изученности древних культур Восточного Кавказа и, в частности, размытостью культурно-хронологических корреляций материального наследия древних обществ, населявших совр. территории востока Азербайджана и Дагестана.

обществ Восточного Кавказа. Хотя, исходя из немногочисленных достоверных данных, доступных в настоящее время, уже становится очевидным, что «Экбатанская дорога» и ее ответвления, пролегавшие по Араратской долине, или через «Армянские» и «Каспийские ворота», имели исключительное значение для связей данного субрегиона Кавказа с южными цивилизациями.

В рамках анализа внешних контактов Южного Кавказа по означенной меридианной оси, особую значимость приобрело программное изучение северо- и западноиранских, приурмийских археологических памятников, заметно активизировавшееся в последней трети XX века.¹⁰ По мере накопления материальной информации об исторической Атропатене (Мидии-Атропатене), все четче проявлялась поступательная взаимосвязь (а подчас и взаимозависимость) кардинальных культурно-исторических процессов, характеризовавших последовательные периоды развития этих двух регионов. Причем, тесная корреляция этих процессов прослеживается не только в пределах эпохи Урарту (особенно акцентируемой в период упомянутых изысканий), когда области северо-западного Ирана входили в состав Биайнили, но и в доурартское и постурартское время. И с точки зрения обсуждаемой тематики, отнюдь не случайны находки в этой зоне, в частности в Хасанлу, материалов конца II - начала I тыс. до н.э. (*Погребова М. Н. 1977, там же; Hakemi M., Rad M. 1950, pp. 87-103, fig. 44c; Dyson R.H. 1989, p. 9, pl. 10b.*), перекликающихся с импортными изделиями, выявленными в Армении и Грузии. Поселение это, расположенное на первом из рассмотренных выше путей, должно было играть важную роль в структуре контактов Южного Кавказа с Ираном и Месопотамией.

При обращении, в контексте рассматриваемых проблем, к вопросам борьбы государств Древнего Востока с кочевниками в начале I тыс. до н.э., достаточно отчетливо прослеживается совпадение направления некоторых из приведенных магистралей с движением миграционных волн, периодически прорывавшихся на ближневосточную арену из-за Кавказского хребта. Так, проникновение киммеров из «Боспора Киммерийского» на юг во второй половине VIII в. до н. э., нашедшее свое отражение как в ассирийских, так и греческих письменных источниках (*Дьяконов И. М. 1951, #10, 11; Herod. Hist. IV, 12*), недвусмысленно очерчивается вдоль дороги, ведущей по восточночерноморскому побережью на Южный Кавказ. И с этой точки зрения, обсуждаемые в ряде исследований топонимические проявления присутствия киммеров в зоне пролегания этого пути и, в частности, в Шираке («гимирра» - Гюмри и пр.), представляются достаточно объективными. По этой же дороге должна была протекать также предполагаемая инфильтрация позднейших, уже скифских, племен аорсов и сираков, также оставивших свой след в топонимике и дальнейшей истории северо-западных областей Армении – Ширака и Аршаруника (*Еремян С. Т. 1969, сс. 23-24; Еремян С. Т. 1968, сс. 89-116*).

¹⁰ К сожалению, эта плодотворная работа была прервана известными политическими событиями. Однако данные, накопленные за годы изучения этих областей, могут быть продуктивно использованы, в частности, и для освещения широкого круга проблем межрегиональных контактов культур Иранского плато, Армянского нагорья, Кавказа и пр.

Кроме того, с функционированием дороги, ведущей из Ширака к бассейну оз. Урмио и с предполагаемыми вдоль нее миграционными процессами, по-видимому, обусловлен определенный топонимический параллелизм, прослеживаемый в двух этих областях: Ширак – Нор Ширакан, Эриахи – һер и др. (Петросян А. 1994. сс. 23-25).

Наконец, именно эта магистраль является, пожалуй, наиболее вероятным маршрутом, упоминаемого в урартских хрониках, набега объединенных сил племенного союза «Страны Этиуни» на Мусасирский храм в первой трети VIII в. до н. э. (Меликишвили Г. А. 1979. с. 173).

Интенсивность и многообразие взаимодействия населения Армянского нагорья с Месопотамией в начале I тыс. до н. э., наряду со сферой экономики, находит также иные проявления: месопотамское влияние прослеживается в позднеурартской архитектуре и строительной технике (Кафадарян К. К. 1984. сс. 59, 61, 63), в некоторых религиозных воззрениях (Пиотровский Б. Б. 1959. сс. 230-231) и т. д. Ярчайшим примером важной роли «месопотамского фактора» в культуре Ванского царства служит само возникновение и развитие урартской клинописи.

Весьма красноречивы, в плане освещения контактов этих двух регионов, и вавилонские архивные документы, свидетельствующие о присутствии армян в Вавилонии (Вавилон, Урук, Ниппур) – в качестве частных лиц, чиновников местной администрации и, более того, в составе автономной колонии, по крайней мере с нововавилонского времени (Contentau G. 1927. 75; Clay A. T. 1904. 107). Местные имена этих переселенцев (Шамаш-Баракку, Нергал-Убаллит и пр.) указывают на культурную интеграцию последних в местную среду и, следовательно, продолжительность их пребывания в Месопотамии. Об этом же, по-видимому, свидетельствует и то обстоятельство, что в текстах они представлены как урарты (urastaja) – этноним анахроничный для VI и тем более V вв. до н. э., когда Урартское царство уже сошло с политической арены, но указывающий на давнее знакомство вавилонян с населением Армянского нагорья. О глубине проникновения армян в вавилонскую среду говорит и тот факт, что армянин Араха, упоминаемый в Бехистунской надписи, пользовался достаточной поддержкой своих новых сограждан, чтобы поднять восстание в Вавилонии против Дария I в 522/1 гг. до н. э.

Вполне возможно, что, подобно представителям других этнических колоний, функционировавших на территории Древнего Востока, члены армянских общин Вавилонии играли определенную роль в структуре связей своей родины с Месопотамией, обеспечивавшихся густой сетью представленных выше коммуникаций.

Свидетельства столь же глубокой интеграции, причем, отнюдь не только экономической, находим мы и при сопоставлении различных аспектов материальной и духовной культур Армянского нагорья и Иранского плато (Тирацян Г. А. 1988. сс. 21-76).

Естественно, климатические условия региона накладывали определенные ограничения на эксплуатацию высокогорных участков некоторых из рассмотренных магистралей, в частности, кратчайших путей из Северной

Месопотамии к бассейну оз. Ван, кавказских «ворот» и пр. Сложности преодоления подобных дорог, особенно в осенне-зимний период, достаточно красноречиво описаны как в трудах античных историков (*Xenoph. Anab. VI, V, 1-7; Strabo, Geogr. XI, XIV, 4* и др.), так и в заметках европейских путешественников-ориенталистов XVIII - XIX веков (*Zimanski P.E. 1985. pp. 29-31*). Однако, признавая объективность воздействия сезонно-климатических факторов на эксплуатацию горных дорог, вместе с тем, не следует, пожалуй, абсолютизировать оценки этих источников относительно сложностей их преодоления: ведь нередко суждения подобного рода проистекали из шокирующей необычности местных условий для путешественника, привыкшего к средиземноморскому климату, равнинному ландшафту, обуславливались плохой организацией и экипировкой, или же стремлением ссылкой на неблагоприятный климат оправдать собственные военные неудачи (*Plut. Luc. 32; Cass. Dio. 49, 31,1*). Вспомним, что отряд Ксенофонта, отступив в Армению из знойной Месопотамии, отнюдь не был готов к горному маршу в зимнее время. Однако, даже в этих экстремальных условиях, людские потери греков на данном отрезке их пути, в основном, являлись следствием активного противодействия местного населения, а не результатом климатического пресса.¹¹

Что касается сезонного характера эксплуатации торговых магистралей, то, с различной цикличностью, он был присущ дорогам как Армянского нагорья, так и Иранского плато, Сирийской пустыни, Аравии и иным магистралям, пролегавшим по территориям со специфичными ландшафтно-климатическими характеристиками. Аналогичные ограничения характеризовали и навигацию в бассейне Индийского океана (муссоны) и даже Средиземноморья, где вплоть до позднеримской эпохи с ноября по март приостанавливалось плавание. Но, в целом, все это не влияло на объемы и стабильность межрегионального торгового оборота. Сезонно-климатические ограничения могли быть эффективно нейтрализованы мерами организационного порядка (фактории, перевалочные базы и пр.), элементы которых проявляются на Ближнем Востоке уже к середине II тыс. до н.э.

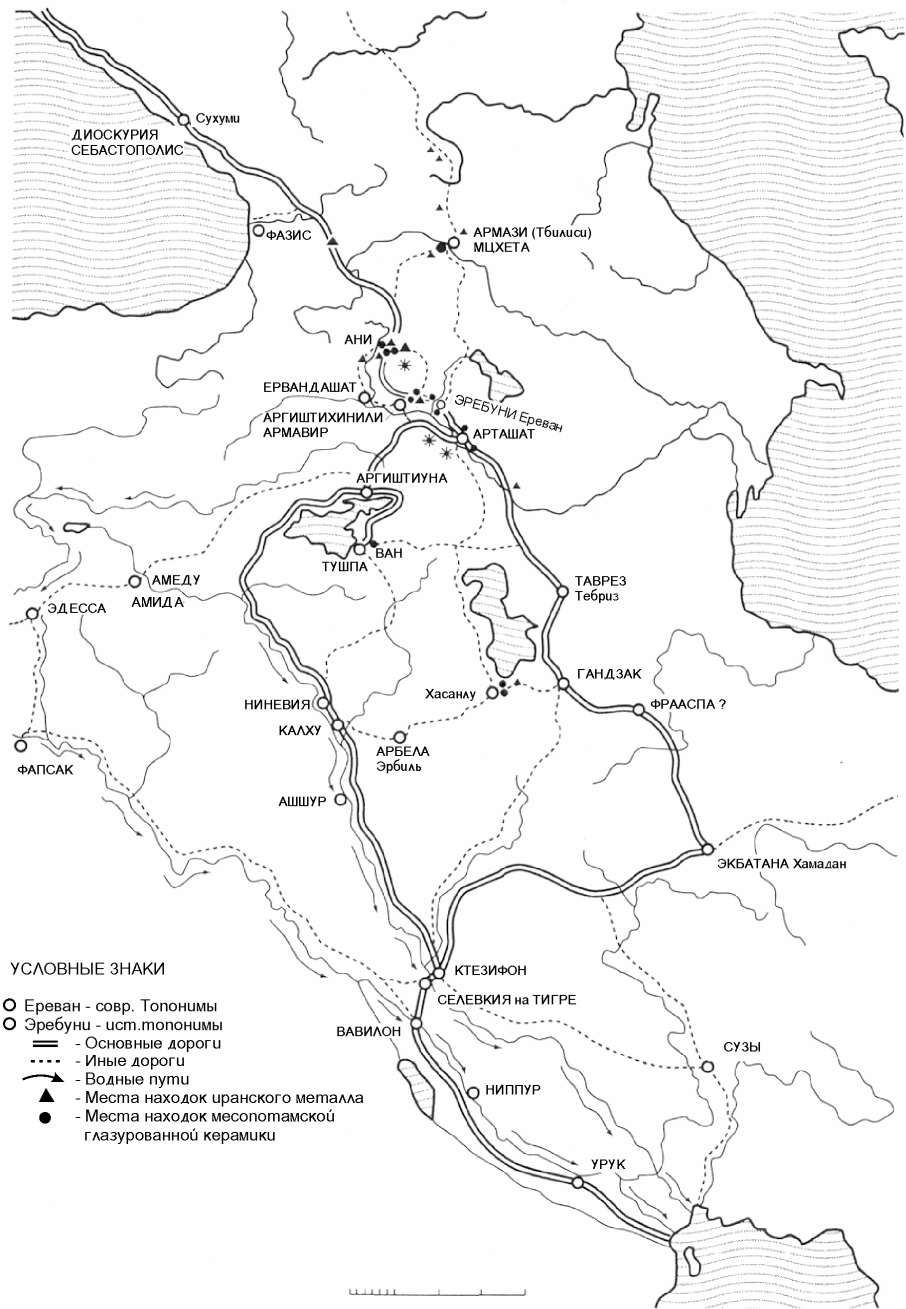
Примечательно, что сопоставление рассмотренных древних торговых дорог, реконструируемых методом комплексного историко-географического анализа, с ныне функционирующими магистралями, в большинстве случаев демонстрирует почти полную их идентичность. Это обстоятельство, лишний раз высвечивая «консервативность» путей, пролегающих через регионы со сложным рельефом, одновременно указывает на стабильность внешнеторговых (культурных и пр.) ориентиров, прошедших испытание временем.

Обращение к проблемам истории экономических связей Армянского нагорья и Южного Кавказа (как одной из ветвей истории и материальной культуры региона), позволяет констатировать следующее. В ходе развития цивилизаций данного региона, специфичное географическое положение последнего трансформировалось в своеобразный **природный ресурс**, обеспечивавший его причастность (подчас

¹¹ Попытки оправданий военных неудач со ссылкой на климатические условия, были «популярны» не только в эпоху античности: достаточно вспомнить некоторые трактовки краха кампании Бонапарта 1812 года, или даже аналогичные эпизоды из истории Второй Мировой войны и пр.

незавидную) к различного рода процессам – этническим, культурным, политическим, экономическим, социальным, происходившим по обе стороны «Кавказского щита» - как в Передней Азии, так и на территории евразийских степей. *Культурная коммуникабельность*, проистекавшая из коммуникабельности географической, с течением времени приобрела здесь значимость своего рода «формообразующего фактора», причем не только в конкретных сферах материального наследия.

Особенно четко эта характеристика проявляется в структуре экономических взаимоотношений древних обществ, а в дальнейшем – государств, региона с окружающим миром. Анализ имеющегося объема разноплановой информации свидетельствует, что уже к концу II тыс. до н.э. окончательно оформилась роль Армянского нагорья и Южного Кавказа в кристаллизующейся системе многовекторных связей между Средиземноморьем, Ближним Востоком и Центральной Азией, а также между последними и периферией Древнего мира. При этом, использование коммуникационных возможностей региона преимущественно в сфере поставок на внешние рынки обширного перечня местного природного сырья (обсидиан, медь, железо и пр.), характеризует лишь начальную стадию означенных контактов. По крайней мере с первой половины I тыс. до н.э., акцентируется и получает дальнейшую реализацию транзитный и геостратегический потенциал сети сообщений региона, оттесняя прежние, более узкие функции на второй план, включая также активный и последовательно прогрессирующий экспорт местной готовой продукции. Эта тенденция прослеживается и в последующие эпохи.

Основные коммуникации межрегионального обмена на оси "Юг-Север"

Список литературы

1. Археология СССР. 1985 – Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М.
2. Еремян С.Т. 1952 – К вопросу об этногенезе армян. Вопросы истории, #7.
3. Торосян Р.М. 1976 – Раннеземледельческое поселение Техута (IV тыс. до н. э.). Ереван (на арм. яз.).
4. Мартиросян А.А. 1964 – Армения в эпоху Бронзы и Раннего железа. Ереван.
5. Мартиросян А.А. 1960 – К предыстории древнейших этапов культуры Армении. Историко-филологический журнал (ИФЖ), #1.
6. Погребова М.Н. 1977 – Иран и Закавказье в Раннем железном веке. М.
7. Кушнарева К.Х. 1959 – Археологические работы 1954 г. в окрестностях с. Ходжалы. Материалы и исследования по археологии СССР. М-Л, #67.
8. Есаян С.А., Зардарян М.О. 1985 – О некоторых привозных изделиях обнаруженных в Ошакане. ИФЖ, #4 (на арм. яз.).
9. Muller C. 1916 – *Itineraria Romana. Römische Reisewege an der Hand der Tabula Peutingeriana*. Stuttgart.
10. Манандян Я.А. 1936 – Главные пути Армении по *Tabula Peutingeriana*. Ереван (на арм. яз.).
11. Манандян Я.А. 1954 – О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Ереван.
12. Еремян С.Т. 1969 – Эребуни-Ереван на путях мировой торговли. Вестник (общественных наук). #12 (на арм. яз.).
13. Еремян С.Т. 1979 – Армянское государство в эпоху Тиграна Великого. Карта. Ереван (на арм. яз.).
14. Muller C. 1965 – *Geographi Graeci Minores: Isidori Characeni. Mansiones Pharticae*. Hildesheim. T. 1.
15. Зардарян М.О. 1986 – Торгово-экономические связи Армении с Эллинистическим миром в III-I вв. до н. э. Автореф. канд. дисс. Ереван.
16. Зардарян М.О. 1984 – Эллинистическая Армения в системе переднеазиатской международной торговли. Второй Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Доклады. Ереван.
17. Burney C.A. 1957 – *Urartian Fortresses and Towns in the Van Region*. *Anatolian Studies*. Vol. VII.
18. Еремян С.Т. 1963. Армения по «Ашхарацуйц»-у. Ереван (на арм. яз.).
19. Kroll S. 1977 – *Urartaische Platze in Iran*. *Archaeologische Mitteilungen aus Iran*. N.F. Band 10.
20. Оппенгейм А.Л. 1970 – Торговля на Ближнем Востоке в древности. V Международный конгресс экономической истории. Труды. М.
21. Арутюнян Н.В. 1964 – Земледелие и скотоводство Урарту. Ереван.
22. Hakemi M., Rad M. 1950 – *The Description and Results of the Scientific Excavations of Hasanlu, Solduz, Guzarishha-yi Bastan Shinasi* (Tehran). #1.
23. Dyson R.H. 1989 – *Rediscovering Hasanlu. Expedition*. Vol. 31, # 2-3.
24. Дьяконов И.М. 1951 – Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту. Вестник древней истории. #2.
25. Еремян С.Т. 1968 – Походы киммерийских и скифских племен и борьба Урарту и Ассирии с кочевниками. ИФЖ. #2 (на арм. яз.).
26. Петросян А. 1994 – Лингвистические и мифологические данные об этнической группе Эриахи-Ширака. Историко-культурное наследие Ширака. Первая Республиканская конференция. Гюмри (на арм. яз.).
27. Меликишвили Г.А. 1979 – К чтению одного места в летописи урартского царя Аргишти I. Переднеазиатский сборник. #3.
28. Кафадарян К.К. 1984 – Архитектура города Аргиштихинили (по материалам раскопок 1962 – 1976 гг.). Ереван (на арм. яз.).
29. Пиотровский Б.Б. 1959 – Ванское царство. М.
30. Contenau G. 1927 - *Contrats Neo-babyloniens I. De Teglatpalasar III a Nabonide*. *Textes Cuneiformes*. Musee du Louvre. Departement des Antiquites Orientales. Paris. T. 12.
31. Clay A.T. 1904 – *Business Documents of Murashu Sons of Nippur, Dated in the Reign of Darius II*. *Cuneiform Texts. Series A. The Babylonian Expedition of the University of Pennsylvania*. Vol. 10.

32. Тиранян Г.А. 1988 - Культура древней Армении (VI в. до н. э. – IV в. н. э.). Ереван.
33. Zimanski P.E. 1985 – Ecology and Empire. The structure of the Urartian State. Studies in Ancient Oriental Institute. Chicago. #41.
34. Бадалян Р.С. 2002 – Обсидиан Кавказа: Источники распространения сырья в эпоху Неолита – Раннего железа (по результатам анализов нейтронной активации). Автореф. докт. дисс. Ереван.
35. Пилипосян А.С. 1999 – Древневосточные кинжалы и мечи с рамочной рукоятью. Ереван.
36. Пилипосян А.С. 1998 – Печати Армянского нагорья в системе древневосточной глиптики. Ереван.
37. Солодухо Ю. С. 1960 - К вопросу об армяно-иракских торговых связях в IV в. В сб.: Исследования по истории и культуре народов Востока. М-Л.

Армен Петросян

О ПРОИСХОЖДЕНИИ АРМЯНСКОГО НАРОДА: ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ ПРОТОАРМЯН (критический обзор)

Armen Petrosyan

ON THE ORIGIN OF THE ARMENIAN PEOPLE: THE PROBLEM OF IDENTIFICATION OF THE PROTO-ARMENIANS (a critical review)

In the ethnogenesis of the Armenians most problematic is the problem of identification of the bearers of the proto-Armenian language. In contemporary studies all the existing theories can be subdivided into three groups distinguished in identification of the historically attested prototypes of the Armenian ethnonym Hay (only J. Markwart built his hypothesis on the basis of the etymology of the ethnonym Armen). According to these theories, Hay is derived from the ethno-toponyms Hatti, Hayasa, and Etiuni, respectively. The author presents and critically evaluates the existing theories in the light of linguistic, historical, and archeological data.

Проблема и источники

Существенным аспектом армянского этногенеза является проблема идентификации языковых предков армян¹. В настоящей работе исследуется проблема наиболее раннего выявления и локализации носителей древнейших вариантов армянского языка — протоармян или древнейших армян², с некоторыми соображениями о формировании и предыстории армянского народа.

Эта, очевидно, лингвистическая проблема должна решаться лингвистическими же средствами. Для идентификации и локализации носителей ранних армянских диалектов мы имеем только данные исторической лингвистики по хронологии армянского языка и свидетельства на различных древнеписьменных языках. Особенно важна ономастика Армянского Нагорья — названия племен, мест, лиц и божеств, засвидетельствованные в древнеписьменных языках, например, аккадском, хеттском, урартском, иероглифическом лувийском. Исследуя эти названия, нужно по возможности идентифицировать протоармянские. Но однозначные этимологические решения не всегда возможны. Для решения

¹ В своих работах по этногенезу и предыстории армян И.М. Дяконов выделяет три аспекта преемственности — физический, культурный и языковой. Геноцид не был характерен для древней истории; миграции и передвижения племен не вызвали значительных изменений в средних антропологических показателях жителей Армянского нагорья, где поэтому сохранился древний местный тип. На протяжении исторических эпох культурная преемственность жителей Нагорья также очевидна, т.е. армяне биологические и культурные наследники древних жителей Армянского нагорья (И.М. Дяконов. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968, с. 7-9; он же, Типы этнических передвижений в древности // Древний Восток, 4. Ереван, 1983, с. 5 сл.; I.M. Diakonoff. The Pre-History of the Armenian People. Delmar, New York, 1984, p. 1-3). Следовательно, главным спорным вопросом остается идентификация языковых предков армян.

² Г.Б. Джаукян различает следующие дописьменные этапы развития армянского языка: 1) протоармянский (XXX-XII вв до н.э.) и 2) древнейший армянский (XII в. до н.э. — IV в. н.э.), см. Г.Б. Джаукян. История армянского языка: дописьменный период (на арм. яз.). Ереван, 1987, с. 25. Ниже, ради простоты, определение “протоармянский” используется для времени, предшествующему падению Урарту (конец VII в. до н.э.).

данного вопроса нужно также привлекать филологические, исторические, археологические, этнологические и другие данные.

Сведения о формировании и ранней истории древних народов, сохраненные в иноязычных и собственных источниках, делятся на два типа — исторические и *традиционные*. Исследователь армянской предыстории в этом отношении находится в относительно благополучном положении, так как от ранних месопотамских источников до первых греческих авторов сохранились исторические свидетельства об Армянском нагорье и смежных областях. Традиционные же источники — армянская, греческая, древнееврейская, грузинская и арабская легенды о происхождении и начальной истории армян.

Легенды о происхождении армян

Армянские источники имеют мифологическую природу. Армянский этногонический миф — цикл легенд о происхождении армян, дошел до нас в книге отца армянской истории Мовсеса Хоренаци и кратком рассказе Анонима, приложенного к Истории автора VII века Себеоса. Эти тексты отражают армянскую устную традицию и скоординированы с данными Библии и греческих источников (Хоренаци 1.10-16; Себеос I). Согласно этим легендам прародителем армян был *Наук*, сын *T'orgom*-а, потомок сына Ноя Иафета. После строительства вавилонской башни он отказывается подчиняться вавилонскому тирану Белу (отождествленному с библейским Нимродом) и со своим большим патриархальным семейством, состоящим из трехсот мужчин и их семей, приходит в Армению и обосновывается в округе *Hark'* на северо-западе озера Ван. Бел со своей огромной армией нападает на Гайка, но погибает в сражении от его стрелы. Старший сын Гайка Араманеак переселяется в провинцию Айрарат, в Араратскую долину (к северу от горы Арарат), которая остается владением следующих поколений потомков Гайка. Сын Араманеака Арамайис основывает первую столицу Армении Армавир (в 60 км к западу от Еревана). Внук Арамайиса Гелам (*Gelam*) становится эпонимом Геламского озера и одноименных гор (современное озеро Севан и горная цепь западнее озера). Внук Гелама Арам, наиболее воинственный образ этногонического мифа, после многих сражений расширяет границы Армении во все стороны. Сын Арама Ара Прекрасный погибает в сражении с ассирийской царицей Шамирам (греч. Семирамида), и армяне попадают под власть ассирийцев. Так заканчивается “священная” мифическая эра прародителей Армении и начинается “история”.

Самоназвание армян *hay* возводится к имени *Наук* (ср. еще *Наук'* ‘Армения’, буквально — ‘армяне’, где *k'* /k^h/ показатель множественного числа, отличающийся от окончания *k* в имени *Наук*). Согласно Хоренаци, чужестранцы начинают называть народ Гайка *армен* и сходными названиями по имени Арама, в то время как Аноним подчеркивает этногоническую роль сына Гайка Араманеака (варианты Араменак/ Арменак), из чего можно заключить, что автор именно его считает вторым эпонимом армян³. Центральная область

³ Г.Х. Саркисян. Этимологии имен собственных в Истории Мовсеса Хоренаци (на арм. яз.) // Историко-филологический журнал, 1998, 1-2, с. 123.

Армении Айратат и ее сердце — Араратская долина считаются названными по имени Ара Прекрасного (“поле Ара”).

Согласно греческой легенде, приписанной двум полководцам Александра Македонского — Кирситу Фарсалийскому и Медию Ларисийскому, прародителем армян был Армен (Арменос), участник путешествия аргонавтов. Он происходил из города Арменион в Фессалии, на севере Греции (в одном варианте — из Родоса). Его последователи осели сначала в Акилисене, то есть в районе *Ekeleac* в верхнем течении Евфрата (район современного города Эрзинджан в Турции) (Strabo 11.4.8; 11.14.12; Justin 42.2.3)⁴.

Согласно Иосифу Флавию армяне происходят от сына Арама Ула (Antiquitates Judaicae 1.6.4), который соответствует библейскому *Hul*-у, сыну эпонима арамейцев Арама⁵. Вариацией на тему армянских легенд о Гайке и его потомках является грузинская этногоническая легенда у Леонтия Мровели (XI в.). Здесь первопредок армян *Haos* (= *Hayk*), убийца Нимрода, выступает как старший брат и повелитель эпонимов-прародителей грузин и некоторых других кавказских племен⁶. Согласно арабским авторам Якуту и Димашки (XI-XII вв.) основателем Армении был Армини, потомок сына Ноя Иафета⁷.

Исторический аспект этногонических легенд

Наиболее важны армянские легенды, поскольку они отражают представления древних армян о начале своего существования. Они содержат эпическую версию мифа о творении — начале пространства и времени (страны, горы, реки, месяцы и часы были названы по имени Гайка и первых Гайкидов, а называние в мифологии эквивалентно творению). Образы Гайка и последующих этногонических патриархов происходят от древних богов. Образы и имена их противников тоже мифические, например, соперник Гайка Бел (т.е. аккад. *Bēl*, семит. *b'l* 'господь'), повелитель Вавилона, идентифицируется с великим вавилонским богом Бэл-Мардуком⁸.

Очевидно, что героический эпос, формировавшийся в процессе этнической консолидации, развивается в ходе этногенеза и расселения племени и менее, чем другие жанры фольклора, проницаем для инородных влияний⁹. Посему, корни армянского этногонического мифа должны восходить к исконно армянской, т.е. индоевропейской традиции. Действительно, ключевые герои легенд — Гайк, Арам и Ара Прекрасный составляют индоевропейскую “трехфункциональную” триаду, члены которой связаны соответственно с первой, второй и третьей функцией индоевропейской мифологии. Образы противников армянских патриархов (Бел, Баршамин, Шамирам) также формируют трехфункциональную систему. Таким

⁴ Об этих данных см. подробно N. Adontz. Histoire d'Arménie. Paris, 1946: 322 seq.

⁵ А.Е. Петросян. Миф об Араме в контексте индоевропейской мифологии и вопрос этногенеза армян (на арм. яз.). Ереван 1997, с. 160; A.Y. Petrosyan. The Indo-European and Ancient Near Eastern Sources of the Armenian Epic. Journal of Indo-European Studies Monograph 42 (далее: Arm. Epic). Washington D.C., 2002, p. 79, 164.

⁶ Леонти Мровели. Жизнь картлийских царей (пер. В.Г. Цулая). М., 1979, с. 21 сл.; Г.А. Меликишвили. Образование картлийского (иберийского) государства // Очерки истории Грузии. Тбилиси, 1989, с. 251-260; А.Е. Петросян. Миф об Араме..., с. 70-72.

⁷ А. Тер-Гевондян. Арабский вариант рассказа о происхождении армян (на арм. яз.) // Вестник Ереванского университета, 1971, I.

⁸ A.Y. Petrosyan. Arm. Epic, p. 159 ff.

⁹ Е.М. Мелетинский. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., 1986, с. 62.

образом, легенды о первых Гайкидах являются эпическими вариантами типичного индоевропейского мифа¹⁰.

Миф находится вне реального пространства и времени. Таковы особенно мифы о творении, которыми объясняются формирование и начало пространства и времени. Однако в эпической трансформации миф приобретает пространственные и временные характеристики. География первых поселений и передвижений легендарных прародителей в Армении не может быть обусловлена только мифологическими или религиозными факторами. Это касается обоснования Гайка в районе уезда *Hark'*, который ничем иным не примечателен в армянской истории, и перемещения оттуда его старшего сына Араманака в провинцию Айратат (Арагатскую долину), где “армянская вселенная” и история концентрируются после Гайка.

Мы можем называть домен Гайка *Hark'* “первоначальной Арменией”. Реальная Армения начинается с освоения провинции Айратат Араманаком. Армянская космогония совершается главным образом в Айратате. Следующий важный этап — расширение границ Армении Арамом, чьим доменом также был Айратат.

Греческие авторы о происхождении армян

Согласно Геродоту (7.73) армяне “фригийские отселенцы” (Φρυγῶν ἄποικοι), они и вооружались как фригийцы, а согласно отрывку Евдокса Книдского (V в. до н.э., приведен у Стефана Византийского в XII в.), армянский язык сходен с фригийским¹¹.

Фригийцы по всей вероятности были балканским племенем, которое переместилось в Малую Азию и образовало там свое царство в VIII-VII вв. до н.э. (т.е. через несколько столетий после падения Хеттской империи).¹² Это созвучно, но не тождественно с легендой об Армене, согласно которой первопродок армян вышел из Фессалии. С другой стороны, существует теория, по которой фригийцы происходят из Малой Азии.

Очевидно, что древнегреческие авторы не могли достоверно определять генетическое и лингвистическое родство между племенами и языками. Страбон, уроженец Малой Азии, хорошо осведомленный об армянах и других народах того региона, писал, что армяне, сирийцы и арабы близко родственны по языку и физическим и культурным характеристикам (Strabo 1.2.34; 16.4.27). Это неприемлемо: арамейский и арабский — языки семитские. Знаменательно, что то,

¹⁰ S. Ahyon. Les débuts de l'histoire d'Arménie et les trois fonctions indo-européennes. *Revue de l'histoire des religions*, CIC-3, 1981; G. Dumézil. *Le roman des jumeaux*. Paris, 1994, p. 133 seq.; Об индоевропейских связях армянского этногонического мифа см. также А.Е. Петросян. Миф об Араме...; А.У. Petrosyan. *Arm. Epic*; Idem. The Indo-European *H₂ner(t)-s and the Danu Tribe // *Journal of Indo-European Studies*. Vol. 35, 2007, Number 3 & 4. Idem. Forefather Hayk in the Light of Comparative Mythology. // *Journal of Indo-European Studies*. Vol. 37, 2009, Number 1 & 2.

¹¹ См. Я.А. Манандян. Критический обзор истории армянского народа (на арм. яз.). т. 1, Ереван, 1944, с. 12-15; N. Adontz. *Histoire d'Arménie*, p. 322 seq.; Б.Б. Пиотровский. Ванское царство. Ереван, 1959, с. 122-123; I.M. Diakonoff. *The Pre-History...*, p. 110, 189-190, n. 40; J. Greppin. Early Greek Historical Fragments Pertinent to Armenian Matters // *Journal of the Society for Armenian Studies* 1, 1984; В. Матиосян. Вопросы происхождения армян (на арм. яз.) // *Handes Amsorga*, 1991; Л.А. Барсегян. Вопросы происхождения и формирования армянского народа в исторической науке (на арм. яз.). Ереван, 1996, с. 4-9.

¹² См. например С. Brixhe. Phrygian // *The Cambridge Encyclopedia of the World's Ancient Languages*. Cambridge, 2004, p. 777.

что армянский является независимым индоевропейским языком, установил только в 1875 Г. Гюбшман. До того лингвисты считали армянский иранским языком.

Считалось, что среди индоевропейских языков армянский близко связан с греческим и некоторыми другими древними балканскими языками, включая фригийский¹³. Информация относительно фригийского скудна, но он бесспорно очень близок греческому. Современные сторонники балканского происхождения протоармян представляли этот тезис в соответствии с новыми научными идеями. Так, согласно И.М. Дьяконову, армянский — не фригийский диалект, а отдельный язык фрако-фригийской группы. Если понимать слова Геродота, что армяне “фригийские отселенцы”, буквально, то это неверно. Но если понимать их так, что протоармяне пришли на свою окончательную родину с территории, которую сначала занимали хетты, а позже фригийцы, то Геродот прав¹⁴.

В современной науке концепция близкого армяно-греческого языкового родства была отклонена¹⁵. Отвергнуты были также тезисы о близком родстве армянского с фригийским и гипотеза о фрако-фригийском единстве¹⁶ (Ф. Кортландт считает возможным близкие связи армянского с фракийским и албанским)¹⁷. Таким образом, теория о “фрако-фригийском” происхождении армянского и особо близких связях армян с фригийцами канула в прошлое.

Проблема Урарту

Многие вопросы этногенеза и предистории армян прямо связаны с Урарту, первым царством, которое объединило Армянское нагорье под одной короной (IX-VII вв. до н.э.). Язык урартских надписей не армянский. Это главная причина того, что в XIX-XX вв. сложился тезис о поздней иммиграции протоармян на Армянское нагорье.

Uratu — ассирийское название державы. В урартских текстах эта страна, точнее ядро страны, область современного города Ван, называется *Biainili*, и мы можем только строить догадки о самоназвании урартов¹⁸. Первичными вариантами названия Урарту считаются *Uruatri/u* и *Uratrī* (датируемые соответственно XIII и X вв. до н.э.). Страна *Uruatri/Uratrī* была расположена на крайнем юге Армянского нагорья, в районе современной границы между Ираком и Турцией¹⁹. *Ардини* и *Кумену*, центры культа двух первых богов высшей триады урартского пантеона, Халди и Тейшебы, находились там же. Центром третьего

¹³ Г.Б. Джаукян. Армянский и древние индоевропейские языки (на арм. яз.). Ереван, 1970; он же, История армянского языка..., с. 86-204, 296-311; О близком армяно-фригийском родстве см. И.М. Дьяконов. Место фригийского среди индоевропейских языков // Древний Восток, 2, Ереван, 1976; В.П. Нерознак. К изучению фригийского языка: проблемы и результаты // Древний Восток, 2; I.M. Diakonoff and V.P. Nerosznak. Phrygian. Delmar, New York, 1985.

¹⁴ И.М. Дьяконов. К пранстории армянского языка. Историко-филологический журнал, 4, с. 155, прим. 29, 173-174; см. также Предыстория..., с. 204-209; I.M. Diakonoff. The Pre-History..., p. 109-112.

¹⁵ J. Clackson. The Linguistic Relationship between Armenian and Greek. Oxford, 1994.

¹⁶ См. например C. Brixhe. Op. cit., p. 780.

¹⁷ F. Kortlandt. Armeniaca. Comparative Notes by Frederik Kortlandt with an Appendix on the Historical Phonology of Classical Armenian by R. Beekes. Oxford, 2003, p. 74, 86, 140, 152-153.

¹⁸ Гипотезу о самоназвании урартов см. I.M. Diakonoff. First Evidence of the Proto-Armenian Language in Eastern Anatolia // Annual of Armenian Linguistics 13, 1992; A.Y. Petrosyan. The Indo-European and Ancient Near Eastern Sources of the Armenian Epic, p. 180.

¹⁹ Г.А. Меликишвили. Наири-Урарту. Тбилиси, 1954, с. 150 сл.; Б.Б. Пиотровский. Ванское царство, с. 43-46; Н.В. Арутюнян. Бианили (Урарту). Ереван, 1970, с. 17.

великого бога Шивини был город Ван (урарт. Тушпа)²⁰. Можно полагать, что Шивини — великий бог уроженцев области Вана, которые были завоеваны пришельцами с юга. Тогда родина урартского языка и правящей династии Урарту была расположена в южных районах, даже не входивших в состав Урартской державы²¹.

Урартская культура, включая памятники, клинопись и т.д., была создана главным образом государственной верхушкой, а не широкими слоями населения страны. Ванские цари завоевали и удерживали завоеванные “страны” Армянского нагорья силой. Города и крепости, построенные в побежденных странах, заселялись лояльным к империи, хотя и не гомогенным этнически, населением, иногда переселенным из далеких областей. Памятники урартской культуры, от керамики до храмов, сконцентрированы в этих центрах. Остальная часть населения жила вне прямого контроля государства и сохраняла свою прежнюю культуру и прежний образ жизни, существенно отличные от “урартского”, и часто проявляла враждебное отношение к урартской державе. Последние подробные исследования П. Зиманского показывают, что создатели государства и государственных атрибутов Урарту по всей видимости были очень немногочисленны. Малочисленная общность говорящих на урартском языке людей формировала ядро государства, в то время как большинство населения страны состояло из других этнических элементов²².

Как известно, Урартское государство было империей. Такая просторная горная область до объединения в государство, не могла быть гомогенной в языковом отношении. В урартских текстах упоминаются многочисленные “страны”, племена и племенные группы, это показывает, что страна была многоязычной. О том же говорит изучение ономастики Урарту, выявляющее хурритские, лувийские, армянские, фракийские и иранские названия²³.

Проблема индоевропейской прародины

В ранний период развития индоевропейской лингвистики прародину индоевропейцев локализовали на склонах библейской горы Арарат в Армении²⁴, а позднее, на основе различных аргументов, почти на всех территориях, когда-либо заселенных индоевропейскими народами: от Индии и Средней Азии до Малой Азии и Западной Европы. Однако Армянское нагорье и соседние территории никогда не были популярными в таком качестве. В начале 1970-ых Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванов выдвинули, как гипотезу, что индоевропейцы

²⁰ См. например I.M. Diakonoff. Evidence on the Ethnic Division of the Hurrians. Studies on the Civilization and Culture of the Hurrians. In Honor of E. R. Lacheman. Winona Lake, Indiana, 1981, p. 82.

²¹ Г.А. Меликишвили. Напри-Урарту, с. 368; И.М. Дьяконов. К пражистории армянского языка, с. 174-175, прим. 78; I.M. Diakonoff. The Pre-History..., p. 77, 167-168, n. 155; M. Salvini. Geschichte und Kultur der Urartäer. Darmstadt, 1995, S. 184; P. Zimansky. Archaeological Inquiries into Ethno-Linguistic Diversity in Urartu // Greater Anatolia and the Indo-Hittite Language Family. Washington D.C., 2001, p. 24; А.Е. Петросян. Вопросы этногенеза армян (на арм. яз.). Ереван, 2006, с. 48-50.

²² P. Zimansky. Urartian Material Culture as State Assemblage: An Anomaly in the Archaeology of Empire // Bulletin of American School of Research, 299-300, 1995; см. также Idem. Archaeological Inquiries...; P. Zimansky and E.C. Stone. Recent Excavations at Urartian Fortress of Ayanis // Archaeology in the Borderlands. Investigations in Caucasia and Beyond. Los Angeles, 2003.

²³ Об армянских названиях см. далее; об иранских и фракийских: Г.Б. Джаукян. История армянского языка..., с. 434-435; о лувийских: ниже, прим. 79; о хурритских: ниже, прим. 80.

²⁴ J. Mallory. In Search of the Indo-Europeans. Language, Archaeology and Myth. London, 1989, p. 10.

происходят с юга Армянского нагорья и соседних областей Сирии и Месопотамии, в то время как Р. Ренфрю предложил другую гипотезу, что индоевропейцы происходят из южно-центральной Малой Азии. Эти теории позже были изложены в монографиях²⁵. Лучший знаток истории армянского языка Г.Б. Джаукян также был склонен локализовать индоевропейскую прародину где-то в Передней Азии²⁶. Согласно Дж. Меллори в научной среде распространены следующие четыре локализации индоевропейской прародины: 1) балтийско-понтийская, 2) анатолийская, 3) центральноевропейско-балканская, 4) понтийско-каспийская²⁷. Однако в своей последней работе он упоминает только две: 1) Анатолия и 2) Украина и юг России (локализация на Армянском нагорье считается вариантом анатолийской теории Ренфрю). Очевидно, эти две локализации можно совместить - анатолийская прародина датируется около 7000 г. до н.э., откуда часть индоевропейцев переселилась на Балканы (5000 г. до н.э.) и в понтийско-каспийскую зону²⁸.

Проблема армянского этногенеза упрощается, когда прямо связывается с индоевропейской прародиной. Более того, формулировка этногенетической теории на основе гипотетической локализации прародины может обесценить ее. Эпоха прародины обычно датируется временем до IV тысячелетия до н.э. Независимое развитие армянского, как самостоятельного индоевропейского языка, началось, согласно Г.Б. Джаукяну, вероятно, около 3000 года до н.э., а по некоторым новейшим данным, гораздо раньше (раньше 6000 г. до н.э.).²⁹ Любая, даже далекая от Армении, локализация теоретически не исключает возможности наличия языковых предков армян на Армянском нагорье во II-III тыс. до н.э. или даже раньше.

Армянские этнонимы

Научные теории идентификации протоармян и соответственно армянского этногенеза можно различать по их подходу к отождествлению армянских этнонимов с этнотопонимами, засвидетельствованными в древних источниках (см. ниже). С другой стороны, существенны не только исторически заверенный прототип этнонима, но также его происхождение и этимология. Если этноним имеет (прото)армянское происхождение, первое же его упоминание указывает на существование группы населения, говорившего на (прото)армянском в данную эпоху и данной области, если же этноним имеет не-армянское происхождение,

²⁵ Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984; С. Renfrew. *Archaeology and Language. The Puzzle of Indo-European Origins*. London, 1987. В последующих работах авторы внесли некоторые изменения в свои концепции, см. С. Renfrew. *Time Depth, Convergence Theory, and Innovation in Proto-Indo-European // Language in Prehistoric Europe*. Heidelberg, 2003., Вяч.Вс. Иванов. Двадцать лет спустя // У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию В.И. Сараниди. М., 2004.

²⁶ Г.Б. Джаукян. История армянского языка..., с 73-76; он же. Беседы об армянском языке (на арм. яз.). Ереван 1992, с. 22-26; ср. он же. Очерки по истории дописьменного периода армянского языка. Ереван, 1967, с. 38-39.

²⁷ Дж. П. Меллори. Индоевропейские прародины // Вестник древней истории, 1997, 1; J.P. Mallory and D.Q. Adams. *Encyclopedia of Indo-European Culture*. London, Chicago, 1997, p. 290-299.

²⁸ Mallory, J. P. and Adams, D. Q. *The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World*. Oxford, 2006, p. 297-299; Atkinson, Q.D. and Gray, R.D. How old is the Indo-European language family? Progress or more moths to the flame? // *Phylogenetic Methods and the Prehistory of Languages*. Cambridge, 2006.

²⁹ Г.Б. Джаукян. История армянского языка..., с. 25; Atkinson Q. D. And Gray R.D. Op. cit., p. 102.

т.е. заимствован, проблема усложняется. Этноним мог быть заимствован до или после первого своего засвидетельствования, и отождествление языка населения на основе только этнонима будет некорректным.

Этнонимы, подобно собственным именам, трудно этимологизировать. Мы нуждаемся в дополнительных сведениях, которые могут вскрыть их первоначальное значение (иначе этимологии будут спекулятивными). Таков этногонический миф, снабжающий нас исключительными данными для интерпретации этнонимов. При недостатке других сведений характеристики мифологических эпонимов могут указывать на этимологию их имен и соответствующих этнонимов.

В этом контексте наиболее существенна для нашей проблемы этимология имени Гайка и соответствующего этнонима *hay*. Долгое время считалось, что *hay* восходит к индоевр. **poti-* 'хозяин, господин, владелец дома, муж'. Позже эта этимология была поставлена под сомнение³⁰, однако, наши исследования подтверждают ее обоснованность. В некоторых армянских диалектах пожилые женщины называют своих мужей в их отсутствие *mer hayə* 'наш *hay*' т.е. 'муж, глава нашей семьи' ср. синонимичные *glxavor* 'главный, глава', *glxater* 'господин (моей) головы'³¹. В этом выражении слово *hay* с большой вероятностью может быть произведено от **poti-*.

Гайк — глава патриархального рода, состоявшего из трех сотен мужчин и их семей. Значит, имя Гайка тоже может быть связано с **poti-*, с уменьшительным/почтительным суффиксом *-ik*, который характерен при обращении к старшим и в мифологических именах: *hay-ik* > *hayk*, ср. *hayr*, *hayrik* 'отец, папочка', *pap*, *papik* 'дед, дедушка', имена богини *Astlik* 'Звездочка' (= Венера) и сына Гайка *Aramaneak*, с равнозначным суффиксом *-ak*. Характерно, что вторая часть постоянного эпитета Гайка *nahapet* 'патриарх' содержит иранское отражение индоевр. **pot-*, а имя противника Гайка - Бел - также означает 'господь, владыка'³².

В армянской традиции созвездие Орион было названо именем Гайка³³. Гайк поражает своего врага Бела *erek't'ewean* 'трехкрылой' стрелой (Хоренаци 1.11). В этом контексте лучшей индоевропейской параллелью Гайку служит древнеиндийский бог Рудра, отец и предводитель *Männerbund*-а, члены которого также назывались рудрами (ср. соотношение имени *Hayk*-а с названием его последователей и потомков *hay*-ев 'армян'). В Индии созвездие Орион ассоциируется с богом-творцом *Prajāpati*, которого Рудра поражает 'трехчастной стрелой' *iṣus trikāṇḍa* (три звезды пояса Ориона)³⁴, (ср.: трехкрылая стрела

³⁰ См. например Г.Б. Джаукян. История армянского языка..., с. 284, с литературой.

³¹ Г. Хачатрян. Названия понятия муж в армянских диалектах (на арм. яз.) // Гитутюн ев техника, 2003, 1, с. 19.

³² А.Е. Петросян. Этноним *hay* как термин социальной структуры общества (на арм. яз.) // V Конференция молодых лингвистов. Ереван, 1986; A.Y. Petrosyan. Arm. Epic, p. 58, 61, 161; Idem. Forefather Hayk in the Light of Comparative Mythology.

³³ Г. Алишан. Древние верования или языческая религия армян (на арм. яз.). Венеция, 1895, с. 119.

³⁴ О созвездии Орион-Праджapati см. R.H. Allen. Star Names: Their Lore and Meaning. New York, 1963, p. 309-310; Forssman, B. Araoša, der Gagner des Tištriia. Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung 82, 1968, S. 58, с ссылками на источники; J. Fontenrose. Orion: the Myth of the Hunter and the Huntress. Berkeley, Los Angeles, London, 1981: 239-240; Э.Н. Темкин, В.Г. Эрман. Мифы древней Индии. М., 1985, с. 16-18. О Рудре в этой

Гайка). Существенно, что второй элемент характерных эпитетов Рудры (*ganapati*, *vrātapati*, *bhūtapati*, *paśupati*, *grhapati*, *sthapati*, *sabhapati*), а также имени *Prajāpati* восходит к **poti*-³⁵.

Форма множественного числа родительного падежа *hayoc* ' позволяет предположить, что до исчезновения конечного гласного в армянском первых столетий нашей эры этот этноним звучал **hayo*. Эта форма может восходить к **poti*- с индоевропейским суффиксом **(i)yo-*, прибавленным к корню в древности или в относительно позднее время: **poti*- > *hay(i)-*, с суффиксом **(i)yo-* – **hayo-*. Хотя возможно также, что основа на *-o-* поздняя форма³⁶, созданная например по аналогии с этнотопонимами *Tayk* '–*Tayoc* ' , **Vayk* '–*Vayoc* '.

Несколько этимологий было предложено для этнонима *armen*. В историческом контексте он часто рассматривается как производный от этнотопонима *Arme* известного из урартских источников³⁷ (см. также ниже). В посмертно изданной статье Дьяконов предлагает новую гипотетическую этимологию, связывая *armen* с греч. *ἄρμενος* 'благоприятный, прилаженный,' т.е. 'невраждебный' в противоположность другим народам Малой Азии, враждовавшими с греками³⁸. Это показывает, что автор не был уверен в этимологии от *Arme*, которая стала популярной благодаря его работам.

У Хоренаци эпонимом этнонима *армен* выступает патриарх Арам. Он убивает сирийского героя Баршама, т.е. бога Баршамина (сир. *Ba'al Šamin* 'Господин Неба'). Последний определяется как *spitakap'ar* 'бело-славный' (Агафангел 784), а его идол был сделан из слоновой кости и хрусталя и оправлен серебром (Хоренаци 2.14). В этом контексте лучшим соответствием Араму служит индийский *Rāma* из индоевр. **rē-mo-* 'темный, черный'. В индийском эпосе первый Рама — *Paraśurāma* 'Рама с топором' побеждает героя *Arjuna Kārtavīrya*, чье имя восходит к **Harg* '– 'яркий, белый' (Махабхарата 3.115 сл. ; эта история есть и в Пуранах). Знаменательно, что название горы Аргей (*Argayos/ Argeos/ Argeus*), возле которой Арам побеждает своего третьего противника, связано с хеттским отражением того же корня **Harg* '–³⁹. Эти сюжеты могут рассматриваться в контексте мифологического противостояния черного и белого или темного и светлого, которое известно в мифах и эпосах повсеместно.

связи: K. Kershaw. The One-eyed God. Odin and the (Indo-)Germanic Männerbunde. Journal of Indo-European Studies Monograph 36. Washington D.C., 2000, p. 210 ff. et passim.

³⁵ A.Y. Petrosyan. Arm. Epic, p. 55. Различные соображения об этимологии этнонима *hay* см. G.B. Djahukian. The Hayasa Language and its Relation to the Indo-European Languages // Archiv Orientalni 29/3, 1961, p. 386 ff., Г.Б. Джаукян. История армянского языка..., 1987, с. 284. В своих поздних работах Джаукян признал этимологию *hay* < **poti*-, см. Г.Б. Джаукян. О соотношении хайасского и армянского языков (на арм. яз) // Историко-филологический журнал, 1988, 1, с. 68; G.B. Djahukian. Did Armenians Live in Asia Anterior Before the Twelfth Century BC? // When Worlds Collide. Indo-Europeans and Pre-Indo-Europeans. Ann Arbor, 1990, p. 26; он же. Беседы об армянском языке, с. 50; он же. Новые данные о дохристианской религии армян (на арм. яз.) // Историко-филологический журнал, 1992, 1, с. 18. Это избавляет нас от необходимости специально аргументировать эту этимологию. Фольклорные данные допускают альтернативную этимологию имени Гайка из индоевр. **Hā(s)-* 'гореть', которое позднее, после переходов **p* > *h*- и **t* > *y*-, могло быть загрязнено с омонимическим рефлексом **poti*-, см. A.Y. Petrosyan, Arm. Epic, 59-61.

³⁶ G.B. Djahukian. The Hayasa Language..., p. 388.

³⁷ Б.Б. Пиотровский. Ванское царство, с. 124; I.M. Diakonoff. The Pre-History..., p. 199, n. 115; Г.Б. Джаукян. История армянского языка..., с. 285-288, с библиографией.

³⁸ И.М. Дьяконов. О самоназвании армянского народа // Историко-филологический журнал, 2005, 2, с. 277.

³⁹ E. Laroche. Toponymes hittites ou pre-hittites dans la Turquie moderne // Hethitica 6, 1985, p. 88-89.

Подробное рассмотрение показывает, что образ Арама представляет эпическую версию черного бога грозы, который борется со своим белым противником⁴⁰. Его имя восходит, видимо, к вариации корня **rē-mo-* Араманеак/ Араменак, который фигурирует как эпоним арменов у Анонима, и, видимо, представляет контаминацию двух имен (см. ниже, прим. 129).

Относительно армянских этнонимов *hay* и *armen* уже в XIX в. было высказано мнение, что это названия двух различных этнических групп, сыгравших существенную роль в этногенезе армян⁴¹. Это мнение было повторено многими учеными, которые по-разному объясняли происхождения этих групп (например, первая часто считалась местной, неиндоевропейской, а вторая — балканским племенем). Идея двух неродственных племен, исходящая из двух этнонимов, только гипотеза: тот же народ на разных языках часто именуется по-разному, так могли быть названы и части одной племенной группы (ср. например многочисленные славянские этнонимы — поляне, древляне, кривичи и т.п.).

Протоармяне на Армянском нагорье

Многие ученые писали о языковых следах армянского этнического элемента на древнем Ближнем Востоке. Наиболее значительны работы Г.Б. Джаукяна, где он исследует заимствования в армянском из древних клинописных языков, показывает, что в некоторых таких языках возможны протоармянские заимствования и что многочисленные древние названия Армянского нагорья и смежных областей могут этимологизироваться как протоармянские. Важны также аргументы, представленные И.М. Дьяконовым, так как он лучше любого другого ученого был знаком с древней историей, культурами и языками древней Передней Азии⁴².

Даже наиболее вероятные взаимные заимствования армянского и клинописных языков не могут локализовать протоармян точнее чем “неподалеку” от носителей тех языков. Чтобы локализовать их на Армянском нагорье, мы прежде всего должны исследовать древнюю ономастику нагорья. Наши данные ранее первого тысячелетия до н.э. недостаточны и относятся только к южным и западным областям нагорья. И только урартские источники содержат большое количество имен собственных по всему нагорью (имена людей, божеств, названия племен, городов, стран, рек, гор). В отличие от например хайасских, значительное число урартских топонимов локализуется точно; более того, многие из них представляют собой ранние варианты хорошо известных армянских названий.

⁴⁰ А.Е. Петросян. Миф об Араме...; А.У. Petrosyan. Arm. Epic, p. 43 ff.

⁴¹ К.П. Патканов. Ванские надписи и значение их для истории Передней Азии // Журнал министерства народного просвещения. СПб. 1881, с. 88-90.

⁴² Г.Б. Джаукян. Урартский и индоевропейские языки. Ереван, 1963, с. 133 ; он же. Армянский слой в урартском пантеоне (на арм. яз.) // Историко-филологический журнал, 1986, 1; он же. История армянского языка..., с. 312-321, 417-474; он же, Урартский и армянский (на арм. яз.) // Урарту-Армения. Ереван, с. 148-161 ; он же, О соотношении хайасского и армянского языков; G.B. Djahukian. Armenian Words and Proper Names in Uartian Inscriptions // Proceedings of the Fourth International Conference on Armenian Linguistics. Delmar, New York, 1992; он же, Беседы об армянском языке, с. 34-38, 53-59; И.М. Дьяконов. Языки древней Передней Азии. М., 1967, с. 135; I.M. Diakonoff. Hurro-Uartian Borrowings in Old Armenian // Journal of the the American Oriental Society 4, 1985, p. 602-603; idem. First Evidence of the Proto-Armenian Language in Eastern Anatolia.

Существенен следующий вопрос: находились ли носители протоармянского языка на Армянском нагорье в доурартский период (т.е. до середины IX в. до н. э.) или они появились при существовании или даже после падения Урарту? Если мы покажем, что в урартском есть по меньшей мере одно заимствование из армянского и что некоторые топонимы и личные имена, упоминаемые в урартских источниках, имеют армянское происхождение, мы можем утверждать, что древнейший армянский был одним из языков Армянского нагорья наряду с урартским. Ниже изложены несколько показательных случаев.

Армянский союз *ew* ‘и’ восходит к индоевр. **epi-* (> **ewi* > *ew*), его исконно армянское происхождение вне всякого сомнения. Союз заимствован в урартский, где он выглядит как *eue*, *e’a* (читать: *ewa*), *eia*, *esai* (две последние формы — результат особого урартского развития). Он известен начиная с первых же урартских надписей последней четверти IX в. до н.э.⁴³ Следовательно, урартский был в контакте с армянским до этого времени. Чтобы показать, что этот союз заимствован из армянского, Дьяконов замечает, что он неизвестен в засвидетельствованном раньше хурритском, а также в северо-восточных кавказских языках (которые считаются родственными хуррито-урартским). Хурритский — эргативный язык и не имеет неприкрепленных союзов. Имеется хорошая параллель: другой древний эргативный язык, раннешумерский, не имел неприкрепленных союзов, но новшумерский заимствовал такой союз из аккадского, с которым он сосуществовал⁴⁴.

Название реки *Aršana*, засвидетельствованное в ассирийском источнике середины IX в. до н.э., соответствует арм. *Aracani* < **Arcaniyā*, греч. Ἀρσανίας (Восточный Евфрат, тур. *Murat-su*)⁴⁵. Интересно, что существовал одноименный город с омонимическим названием к юго-западу от озера Ван. Это название имеет очевидную армянскую этимологию, от индоевр. **Harg’-* ‘яркий, белый’, отраженный в армянском как *arc-* (ср. например *arcat* ‘серебро’), с суффиксом *-ani* < **-a-niyā*⁴⁶.

Верхний (Западный) Евфрат на разных языках и в разное время назывался так: хетт. *Mala*, урарт. *Melia(ini)*, греч. Μέλας⁴⁷, ср. индоевр. **mel-* ‘черный’, и современное турецкое название реки *Karasu* ‘Черная вода’. Существенно, что главный приток Арацани *Melraget* в древности назывался *Mel* (ср. **mel-* ‘черный’), а в настоящее время также называется *Karasu*. Очевидно, эти названия отражают мифологическую и космологическую идею противопоставления черного и белого, локализованную по длине реки Арацани-Муратеу⁴⁸.

“Царский город” первого известного урартского царя Араму, *Aršašku(nu)* можно отождествить с армянским *Arčēš* (тур. *Erciş*) на берегу озера Ван с северной стороны, и этимологизировать из индоевр. **Harg’esk(h)o-*, производным от **Harg’-* (‘светлый, белый’) > **Arcesk’o-* > *Arčēšo*, в род. падеже — *Arčišoy*

⁴³ Н.В. Арутюнян. Корпус урартских клинообразных надписей. Ереван, 2001, с. 442.

⁴⁴ I.M. Diakonoff. First Evidence of the Proto-Armenian Language..., p. 52-53.

⁴⁵ Н.В. Арутюнян. Топонимика Урарту. Ереван, 1985, с. 44.

⁴⁶ Об индоевропейских гидронимах от корня **Harg’-* см. например Н. Krahe. Die Struktur der alteuropäischen Hydronymie. Wiesbaden, 1962, S. 8, 31-32.

⁴⁷ Н.В. Арутюнян. Корпус урартских клинообразных надписей, с. 514.

⁴⁸ A.Y. Petrosyan. Arm. Epic, p. 186.

(ассир. *Aršašku-* является почти точной передачей *Arcesk'o*). *Arčēš* было и название залива на севере озера Ван и всего озера, ср. также греч. Ἀρση(ση)νῆ (Strabo, II.14.8), араб. *Arjīš* 'озеро Ван'. Другой город на севере озера Ван назывался *Arcak* 'Малый *Arc*' (позже *Arcke* = тур. Аддылджеваз); кроме того, малое озеро к востоку озера Ван называлось *Arčīšak* > *Arčak* 'Малый *Arčēš*', тур. *Erçek*. Таким образом, эта ранняя столица Урарту могла получить свое название когда-то заселившими ее протоармянами⁴⁹.

Arami (варианты: *Arame*, *Arama*) совпадает с именем второго эпонима армян Арама (**Aramo/ā* с регулярным выпадением конечного гласного в армянском). Как было отмечено, это эпитет/имя 'черного' бога грозы. По древней традиции данного региона имена богов часто давались людям, ср. хетт. *Telepinus*, *Arnuwandas*, лув. *Tarḫunzas*, *Runtiyas*, ассир. *Ašur*, хурр. *Kumarpi* и др.

Tuarašiniei ħubi 'Туарацийская долина' засвидетельствовано во второй четверти VIII в. до н.э. соответствует армянским *Tuaracoṽ tap'*, *Tuaracatap'*, т.е. равнине *tuarac-a*, к северу от верхнего течения реки *Aracani/ Aršania*, севернее округа *Hark'*⁵⁰. К происхождению этого названия ср. арм. *tuarac* 'пастух', отсюда *tuaracatap'* 'равнинное пастбище' сложенное из *tuar* 'бычок' и *aracim* 'пастись', из которых второе слово несомненно исконно армянское (индоевр. **treg-*); *tuar* обычно этимологизируется из индоевр. **dīpHro-* (ср. также семит. **taur-*)⁵¹.

Diušini/ Tiušini (*di* может читаться и как *ti*)⁵²: имя царя, правителя федерации *Etiuni*, занимавшей северные области Армянского нагорья (см. ниже). Это имя, известное с середины VIII в. до н.э., сопоставимо с индоевропейской (особенно балканской) антропонимической моделью **deiwo-* 'бог' + **g'en-* 'род, семья', греч. Διογένης, фрак. Διυζενι, *Diuzenus*, а также греч. Θιογενεις, от θεός 'бог'⁵³, ср. арм. *tīw* 'день, дневное время' (< **deiwo-* 'бог', 'день'), или *dik* 'боги' (**dhēs-*) и *cin* 'рождение, род'. В этих названиях существенно наличие звука /c/, поскольку он представляет собой отражение индоевропейского **g'*, характерное только для армянского. В армяно-урартских лексических и ономастических параллелях урартского *š* соответствует только арм. *s*⁵⁴, что в рассматриваемых этимологиях показательно для армянского. Эти названия могут указывать на присутствие протоармян на Армянском нагорье, особенно в области верхнего течения реки Арацани, к северу от озера Ван — в домене патриарха Гайка, а также западнее и севернее от него, до формирования урартской державы⁵⁵. Судя по вероятным

⁴⁹ А.У. Petrosyan. Arm. Epic, p. 71 ff., с библиографией. О локализации Арцашкун см. Н.В. Арутюнян. Топонимика Урарту, с. 34-35; о переходе **sk(h)* > *š* см. Г.Б. Джаукян. Об этимологических дублетах и параллелях в армянском языке // Международный симпозиум по армянскому языкознанию. Ереван, 1984, с. 158-160.

⁵⁰ Н.В. Арутюнян. Топонимика Урарту, с. 185-186.

⁵¹ Г.А. Джаукян. Урартский и армянский, с. 154, прим. 52.

⁵² См. И.М. Дьяконов. Материалы к фонетике урартского языка // Вопросы грамматики и истории восточных языков. М.-Л., 1958, с. 32.

⁵³ Об этих балканских именах см. Л.А. Гиндин. Ономастика Восточных Балкан. София, 1981, с. 42, 77.

⁵⁴ И.М. Дьяконов. Материалы к фонетике урартского языка, с. 36; Г.Б. Джаукян. История армянского языка..., с. 430-431.

⁵⁵ Ниже приводятся другие примеры следов армянского присутствия в урартском языке и ономастике (см. Г.В. Djahukian. Armenian Words and Proper Names in Urartian Inscriptions; эти армянские корни считаются исконно индоевропейскими). Слова: урарт. *abili-* 'прибавить' = арм. *awel-* тж, урарт. *Aršibi* (имя коня царя Менуа) —

протоармянским этимологиям имен Араму и Арцашку, нельзя исключить того, что Араму был армянским правителем, противостоящим ассирийцам на северном побережье озера Ван и в окрестности, т.е. в районе домена Гайка. После Араму правящая династия Урарту, видимо, сменилась, и новой столицей стал город Тушпа-Ван (см. ниже в обсуждении этиунийской гипотезы)⁵⁶. Топонимы, особенно гидронимы, относятся к самым ранним слоям языка, так что обсуждаемые названия могли существовать в доурартские времена, на столетия раньше их фиксации в клинописных источниках.

Гипотеза аримов

Первые комплексные исследования по армянскому этногенезу провел Й. Маркварт (предыдущие авторы уделяли внимание только лингвистическому аспекту проблемы). Существенной их частью было рассмотрение этнонима *armen*. Согласно Маркварту этноним *армен* может восходить к основам **arm-*, **arim-* или **arum-*, с прибавлением урартского суффикса *-ini* (**arim-ini* и **arum-ini* в армянском превратились бы в **armin-*). Он сравнивал эту основу с греческим *Arimoi* (мн. ч.), упоминаемом в “Илиаде” (2.781-783), названием места сражения Зевса и Тифона (εἰν Ἀρίμοις). Древние и современные авторы локализовали земли аримов в разных местах. Одна из локализаций — гора Аргей в Каппадокии, на западе Армянского нагорья, самая высокая гора Малой Азии, потухший вулкан. Маркварт считал аримов предками армян, которые переселились в Малую Азию с Балкан и обосновались сначала в области горы Аргей, т.е. в Каппадокии, а позже перешли в Армению. У Хоренаци патриарх Арам побеждает своего третьего противника там, где позже был построен город Мазака/ Кесария, т.е. возле этой же горы. Там он оставляет наместником своего родича Мшака и велит местным жителям говорить по-армянски. Якобы по этой причине греки называли эту область ‘Первой Арменией’ (Πρώτη Ἀρμενία). Согласно Маркварту армянский эпоним **Arimo* стал Арамом под влиянием библейского Арама (эпонима арамейцев) и имени первого урартского царя Араму. Следуя Ф. Леман-Гаупту он считает возможным, что этот этноним отражен в урартском топониме *Urme* (локализуется к юго-западу от озера Ван).

арм. *areui* ‘орел’, урарт. *z/sari* ‘сад’ — арм. *cał* ‘дерево’, урарт. *šuri* ‘острие, наконечник копья; оружие’ — арм. *sur* ‘острый; меч’, урарт. *armuzzi* ‘семья’ — арм. *arm(n)* ‘корень, племя, поколение’, урарт. *arniše* ‘деяние’ — арм. *ařnem* ‘делать’, урарт. *aniarduni* ‘независимый’ — арм. *anuar* ‘несвязанный, отдельный’, урарт. *baüše* ‘слово, вещь’ — арм. *ba-n* ‘слово, вещь’, урарт. *zil(i)be/i* ‘потомство, поколение’ — арм. *e’el* ‘племя’; теонимы: *Airaini* — арм. *ayr* ‘пещера’ (**ayraün* ‘пещерный’), *Ařšibedini* — *areui* ‘орел’, *Šinuiardi* — *cin-o-* ‘рождение, *род, клан’ + *ardi* ‘порядок’ (богиня рода и племени), *Ṭurani* — *tur(k’)* ‘дар’ (**Turan-* бог податель); гидронимы: *Alaini* (ср. также названия городов *Aliala*, *Alištu*) — *ał* ‘соль’, *Gugunaini* — *gog-o* ‘колени, пазуха’, *Uluruš* — *olor* ‘извилина’; оронимы: *Ařšabia*, *Ařšidu* (ср. также топонимы *Ařšugu*, *Aluarša*, *Balduarša*, *Gizuaršu*) — **arc-* ‘белый, блестящий’, *Karnišie* — *k’ar* ‘камень’ (Pl. Acc. *k’arins*); другие топонимы: *Alburi* — *ałbiwr* ‘родник’, *Meluiani* — *mełu* ‘лечеа’, *Šami* — *sařn* ‘лед, холод’, *Zirma* — *řerm* ‘теплый’, *Dilizia* — *deřj* ‘желтый’, *Barzuriani*, *Barzaništun*, *Kulibarzini* — *barjř* ‘высокий’. Многие из этих и других сближений могут быть надежно подкреплены.

⁵⁶ Высказывалось мнение, что Араму урартский был “кондотьером” арамейского происхождения, а Арцашку локализовали в бассейне озера Урмия (M.N. van Loon. *Uratian Art*. Istanbul, 1966, p. 7; M. Salvini. *La formation de l'état urartéen* // *Hethitica* 8, 1987, p. 339 seq.; idem. *Geschichte und Kultur der Urartäer*. Darmstadt, 1995, S. 26 ff.). О соотношении арамейского и армянского этнонимов см. A.Y. Petrosyan. *Arm. Epic*, p. 163 ff. Согласно Е. Грекяну (устное сообщение), гора Аддуру, упомянутая в ассирийском источнике в районе Арцашку, должна соответствовать горе Эдурри урартских источников (современный Сипан/ Сюпхан). Если это верно, то Арцашку был расположен близ горы Сипан на севере Ванского озера (и совпадает с армянским *Arčēš* к востоку от горы).

Что касается этнонима *hay*, это более позднее слово, которое имеет начало в Армении⁵⁷.

Маркварт критически относился к греческим данным о фригийском происхождении армян и считал, что протоармяне переселились с Балкан в Малую Азию раньше, в доисторические времена. Он также указывал на многочисленные неиндоевропейские основы в армянском и полагал, что *армяне* сформировались в ходе объединения разных этнических групп.

Некоторые лингвистические, исторические и мифологические соображения Маркварта были приняты и аргументированы в более поздних работах (М. Абемян, Н. Адонц, А. Манандян, Б.Б. Пиотровский, И.М. Дьяконов, С.Т. Еремян, В. Бэнэцян, Г.Х. Саркисян, автор настоящей статьи). Некоторые авторы приняли сближение аримов и армян, а название этой части Каппадокии “Первая Армения” стало основанием рассматривать ее территорию как “первичную Армению”. В последнее время этноним *армен* часто связывают с урартским этнотопонимом *Arme* к юго-западу от озера Ван: урарт. **Armini* ‘житель Арме’⁵⁸ (страны Урме и Арме были, по всей вероятности, составными частями страны Шубрия ассирийских источников, охватывающей Сасунские горы и Мушскую долину). *Arimoi*, как и Арам, видимо, восходит к **rēto-* ‘темный, черный’⁵⁹.

Существенный недостаток в теории Маркварта тот, что отправной точкой он берет не самоназвание (автоном) армян *hay*, а данное иноплеменниками название (аллоном) *armen*. В исторические времена армяне называли себя исключительно *hay*. Хотя возможно, что некоторые группы армян когда-то называли себя арменами или подобным образом, но при изучении армянского этногенеза именно этноним *hay* должен быть первичным показателем идентификации. Это в настоящее время никем не оспаривается: все современные гипотезы этногенеза армян основаны на отождествлениях этнонима *hay* с древними этнотопонимами, засвидетельствованными в клинописных источниках⁶⁰.

Гипотеза Хатти

Самоназвание армян *hay* происходит от хеттского этнонима *Ḫatti* /*Xatti*/ (клинописное *ḫ* соответствует звуку /x/). Хетты заимствовали это название из

⁵⁷ J. Markwart. Die Entstehung und Wiederstellung der armenischer Nation. Berlin, 1919, S. 67-68; Idem. Le berceau des arméniens // Revue des études arméniennes 8, f. 2, p. 215 seq.

⁵⁸ I.M. Diakonoff. The Pre-History..., p. 199, n. 115.

⁵⁹ A.Y. Petrosyan. Arm. Epic, p. 45-46.

⁶⁰ О решающей роли самоназвания *hay* в этногенетической арменистике см. также И.М. Дьяконов. К праистории армянского языка, с. 167. Отсюда следует, что распространенное мнение, будто армяне впервые упоминаются в бехистунской надписи Дария I (521-520 до н.э.) как *Arminiya*, встречающееся в западных публикациях с зарождения европейской арменистики, нельзя считать верным. Это только на европейских языках складно звучит, что первое упоминание армян и Армении связано с персидскими названиями Арминийа и Армина. В действительности вопрос первого упоминания племени *hay* не тождествен вопросу о первом употреблении этнонима армен, как впоследствии стали называть *hay*-ев другие народы. Можно подумать, что здесь мы видим первую идентификацию племени *hay* как арминиев, но и это спорно (некоторые исследователи считают арминиев Дария неармянским племенем, см. А. Ташьян. Хетты и урарты (на арм. яз.). Вена, 1934, с. 343; В.В. Струве. Новые данные по истории Армении засвидетельствованные бехистунской надписью // Вестник АН Арм. ССР, 1946, 8; Д. Саркисян. К вопросу об урартах, аларадах, армянах (на арм. яз.) // Историко-филологический журнал, 1991, 1.

языка хаттов, аборигенов Малой Азии. Оно могло превратиться в *hay* по законам армянской фонетики, ср. арм. *hayr* ‘отец’ < **pHter*-. Эта гипотеза была предложена П. Йенсеном⁶¹ и была поддержана Р. Ачаряном и А. Ташьяном⁶², которые, после появления хайасской гипотезы присоединились к последней (см. ниже). В историческом контексте Йенсен рассматривал армян как языковых наследников хеттов, что оказалось неверным предположением (хеттский - индоевропейский язык, весьма отличный от армянского). В наше время горячим защитником этой гипотезы был И.М. Дьяконов, исследовавший проблему армянского этногенеза наиболее подробно⁶³.

Ассирийский царь Тиглатпаласар I (1116-1090 г. до н.э.) сообщает, что в год своего восшествия на престол он победил войско из 20000 мушков с их пятью царями, которые спустились с гор и захватили страну Катмухи, а до того в течение 50 лет держали под контролем страны Алзи и Пурулумзи, (Катмухи — “дом Кадмоса” на крайнем юге Армянского нагорья, Алзи соответствует армянской провинции *Aljnik*‘ на юго-западе нагорья, а Пурулумзи не локализуется). Затем царь победил самих катмухинцев и взял в плен их царей. Годом позже ассирийский царь продвинулся к областям, которые уже были заняты мушками. Во время этой кампании отряд в 4000 урумейцев и абешлайцев (упоминаемый и как 4000 урумейцев и кашкайцев), “непокорных войск страны Хатти”, которые “силой захватили поселения Шубарту” перешел на службу к ассирийцам (Шубарту это Шубрия более поздних источников, которая включала Сасунские горы и Мушскую долину к западу и юго-западу от озера Ван)⁶⁴.

Дьяконов идентифицирует этих мушков с протоармянами. После падения Хеттской империи (около 1200 до н.э.) все многоязычное население к западу от Верхнего Евфрата называлось хатти. В урартских надписях *Hâte* — название страны Мелид к западу от слияния Верхнего Евфрата и Арацани (район современного города Малатья). Мушки, т.е. протоармяне, могли заселить и эту область, в итоге они тоже были названы урартами хате. Позже сами мушки стали называть себя так. Арменизированные урарты, усвоив мушкский, т.е. протоармянский язык, сделали это слово своим собственным названием в производной форме **hātīyos* (с индоевропейским суффиксом *-(i)yos), от которой и берет начало этноним *hay*⁶⁵. Дьяконов называет этих мушков “восточными мушками” в противоположность “западным мушкам” — фригийцам, которые в клинописных источниках также, возможно, называются мушками. “Восточные мушки” считаются балканским племенем, родственным, но не тождественным фригийцам. “Фрако-фригийский” этноним *mus*-, известный на Балканах и

⁶¹ P. Jensen. Hittiter und Armenier. Strassburg, 1998.

⁶² Р. Ачарян. Происхождение армян и доисторическая эпоха (на арм. яз.) // Втак. Тифлис, 1901, с. 235; А. Ташьян. Изучение классического армянского языка (на арм. яз.). Вена, 1920, с. 36-37, 83.

⁶³ И.М. Дьяконов. Хетты, фригийцы и армяне (на арм. яз.) // Известия Академии Наук Арм. ССР, 1956, II; он же, Предыстория...; он же, Малая Азия и Армения около 600 г. до н.э. и северные походы вавилонских царей // Вестник древней истории, 1981, 2; он же, Типы этнических передвижений в древности; он же, К праистории армянского языка...; I.M. Diakonoff. The Pre-History...; он же, О самоназвании армянского народа.

⁶⁴ A.K. Grayson. Assyrian Royal Inscriptions. Vol. II, part 2, Wiesbaden, 1976, p. 12, 18, 66, 67, 92, 93; И.М. Дьяконов. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту // Вестник древней истории, 1951, 2, с. 270, 278, 279.

⁶⁵ I.M. Diakonoff. The Pre-History..., p. 126-127; о форме *hatio*, как прототипе этнонима *hay*, см. уже P. Jensen. Op. cit., S. 3-4 et passim.

Западной Малой Азии (*Μυσία, Moesia*), мог быть распространен среди всех родственных племен. А окончание *-k* в этнониме *mušk-* отождествляется с древнеармянским показателем множественного числа *k'*.

Согласно автору, эти балканские предки армян не могли пройти всю Малую Азию незамеченными (не оставляя сведений о себе в письменных источниках) во времена существования Хеттской империи. Значит, их перемещение имело место после падения хеттов и перед формированием Урарту (т.е. между 1200 и 860 до н.э.). “Восточные мушки” были авангардом армяно-фригийских племен, которые перешли с Балкан в Малую Азию и обосновались на западе Армянского нагорья. Там, в Каппадокии, страна *Tegarama* (позже *Tilgarimmu*, т.е. область, отмеченная еще Марквартом) стала их первой прародиной, что отразилось в патрониме Гайка *T'orgom*. Их распространение в других областях Армянского нагорья было в значительной степени обусловлено политикой урартских царей переселять жителей побежденных земель в другие районы. Арменизацию исторического центра Армении – Айрарата и Араратской долины, Дьяконов объясняет следующим образом. Известно, что Аргишти I в 782 до н.э. поселил в крепости Эребуни (современный Ереван) 6600 “военных людей” из стран Хате и Цупани (район слияния Евфрата и Арацани), которые частично или полностью должны были быть носителями протоармянского языка. Первоначально на всем нагорье протоармян было значительно меньше, чем местных жителей. Однако по историческим обстоятельствам их язык стал *lingua franca*, и другие этнические группы в итоге слились с ними.

Теория Дьяконова, подобно другим, имеет и сильные и слабые стороны. Начнем с первых.

- a) Это единственная теория, разработанная с разных сторон на высоком уровне науки своего времени. Она освещает проблемы этногенеза и предыстории армян на основе исторических, лингвистических и отчасти археологических и культурологических данных.
- b) Она согласуется с древнегреческими данными, по которым армяне родственны фригийцам.
- c) Территория, которая называлась в урартском Хате, позже вошла в состав Малой Армении. Определение “малая” может указывать на территорию первоначального расселения племени, откуда началось его дальнейшее распространение (см. ниже, в связи с хайасской гипотезой).
- d) Этнонимы Уруму и Мушку теоретически сопоставимы с именами патриарха Арама и его родича Мшака (т.е. завоевателя и первого армянского правителя Каппадокии), которые могут считаться эпонимами этих племен. Это созвучно с определением урумейцев как “войск страны Хатти”, т.е. Каппадокии, и с предполагаемым оседанием мушков к западу от Верхнего Евфрата (хотя, согласно легенде, Арам перешел в Каппадокию из Армении, в то время как, согласно этой гипотезе, армяне пришли в Армению из Каппадокии).
- e) Названия рек Арцания и Мелиаини указывают, что армянский этнический элемент присутствовал в этой области еще до IX в. до н.э.

Слабые стороны гипотезы:

- a) Отождествление клинописного *ḫ* (то есть /x/) с армянским /h/.

- b) Датировка перехода **-t- (> t') > -y-* в армянском времени после XII в. до н.э. (для чего нет достаточных оснований).
- c) Трактровка этнонима *hay* как заимствования, между тем он хорошо этимологизируется на индоевропейской почве;
- d) Племя мушков в отличие от урумейцев и апишлайцев/ кашкайцев, не упоминается как “войско земли Хатти”.
- e) Это племя упоминается уже в самом начале XII в. до н.э., во времена падения хеттской империи, что опровергает тезис их миграции с запада после падения империи.
- f) Племя Μοσχοί греческих источников, чье название очевидно тождественно этнониму мушки (*mosk^h* - в клинописи передается именно как *mušk-*), считалось отдельным племенем, отличным от армян.
- g) Упоминание Хате и Мушкини как отдельных этнотопонимов в поздних урартских источниках, т.е. даже в эпоху непосредственно перед падением Урарту мушки не назывались *hatiyo-*.
- h) Отсутствие протоармянских личных имен к западу от Верхнего Евфрата.
- i) Неувязка с армянским этногоническим мифом, где юго-западные области Армянского нагорья, более того — западный берег Евфрата не упоминаются как место деяний армянских родоначальников. Напротив, арменизация этой области представляется более поздним событием, приходящимся на время седьмого патриарха Арама.
- j) Опровержение современной наукой близких связей армянского и фригийского, а также идеи фрако-фригийского родства.

Теоретически этими недостатками можно пренебречь, Дьяконов обращался к некоторым из них, однако отдельные положения нуждаются в особом разъяснении. Прежде всего должна быть уточнена предполагаемая праформа этнонима армян **hātiyos*. Для протоармянского вероятнее всего форма **hat'iyō-*. Индоевропейское окончание **-s* могло выпасть еще до XII в. до н.э. Урарт. *t* соответствует арм. *t' /t^h /*. Индоевр. **t* перешло сначала в *t'* и только потом в *-y-* в интервокальной позиции⁶⁶.

Весьма вероятная, исконно армянская, этимология этнонима *hay* противоречит его связи с Хате. Как отмечено выше, образы армянских эпонимов — взаимосвязанные члены трехфункциональной мифологической системы. Они имеют индоевропейские параллели и более того, их имена хорошо этимологизируются из индоевропейских корней. Если этимология *hay < Hāte* правильна, то протоармяне должны были заимствовать этот этноним в форме *hat'i*, потом переосмыслить его в своем языке, отождествляя его с омонимичным *hat'i (< *poti-)* ‘господин, владыка’, и только после этого создать образ патриарха Гайка. Трудно поверить, что конфликт и система образов этногонического мифа (Гайк, противопоставленный Белу, кто также связан с первой функцией в индоевропейской мифологии и чье имя имеет то же самое значение ‘владыка, господин’) возникли, основываясь на “народной этимологии” заимствованного этнонима.

⁶⁶ О хронологии и фонологии протоармянского см. Г.Б. Джаукян. История армянского языка...; F. Kortlandt. Op. cit.

Необходимо постулировать некоторые предварительные условия для этимологии *hay* < *Ḫatti* / *Ḫāte*: например, первый звук последних названий звучал как *h*, или же в XII в до н.э. в протоармянском не было звука /x/ и местное название /Xatti/, /Xat^he/ было воспринято как *hat'i/e*. Однако хетт. *Ḫatti* в других клинописных языках также выступает с начальным *ḫ* и как *ḫtum* в древнееврейском (то есть со звуком /x/). В древнегреческом, где не было /x/, первый звук *Ḫatti* был воспринят как *k*: Κήτειοι 'Хетты' (*ḫ* и в других случаях соответствует греческому *κ*, ср. например, *Ḫilaku* = Κίλικης); урарт. *ḫ* соответствует армянскому /x/, ср. урарт. *Aḫurianani* = арм. *Axurean*, урарт. *Ḫaliṭu* = арм. *Xaltik'* (греч. Χαλδαῖοι). Таким образом, хеттский и урартский клинописный *ḫ* в *Ḫatti* / *Ḫāte* передавал звук /x/. В реконструкции протоармянский имел /x/ до XII в до н.э.⁶⁷ Значит, клинописное название *Ḫatti* / *Ḫāte* звучало /Xatti, Xat^he/ и не могло быть воспринято в армянском как *hat'i-*.

В армянском есть случаи соответствия клинописного *ḫ* с /x/ и /h/. Согласно Дж. Греггину, который специально изучал этот вопрос, при соответствии между хетт. *ḫ* и арм. *h*, слова имеют общее происхождение (в этих случаях арм. *h* и хетт. *ḫ* восходят к индоевропейскому ларингалу), а при соответствии хетт. и хурро-урарт. *ḫ* и арм. *x* армянские слова заимствованы⁶⁸. Если это действительно так, то этноним *hay* не заимствован из клинописного *Ḫa(t)tile*. Теоретически, здесь остается возможным делать некоторые предположения (например: на каком-то местном или урартском диалекте *Ḫāte* звучало как *lhātel*⁶⁹ и протоарм. **hat'iyō-* восходит к этой диалектной форме.

Дьяконов сам отмечает сомнительность соответствия клинописного *ḫ* армянскому /h/, особенно в качестве аргумента против этимологии *hay* < *Ḫayasa*, что выдает его предубеждение против хайасской теории⁷⁰. Но в своей монографии он все же пишет: "Из-за этой лингвистической трудности происхождение термина *Наук'* от Хате не может считаться пока окончательно доказанным и поэтому возможны и другие этимологии"⁷¹. В дальнейшем Дьяконов не раз пытался уточнить свою позицию; будучи не совсем в ней уверен⁷².

После падения Хеттской империи термин *Ḫatti* выступает в ассирийских и вавилонских источниках как название "позднехеттских" стран к западу и юго-западу от Верхнего Евфрата (обычно от Северной Сирии до запада Армянского

⁶⁷ Г.Б. Джаукян. История армянского языка..., с. 25, 228, 346.

⁶⁸ J. Grepin. Kurilovicz and Hittite h, and Further Extensions on to Armenian // *Analecta Indoeuropaea Cracovensia*. Vol. II: Kurilowicz Memorial Volume. Part 1. Cracov, 1995.

⁶⁹ В одной надписи имя верховного бога Урарту *Ḫaldi* дано в форме *Aldi*, которая считается диалектной, см. Г.А. Меликишвили. Урартские клинообразные надписи. М., 1960, с. 84, 86; Н.В. Арутюнян. Корпус урартских клинообразных надписей, с. 476.

⁷⁰ I.M. Diakonoff. The Pre-History..., p. 113, 191, n. 52; см. об этом M.N. van Loon. Review of: I.M. Diakonoff. The Pre-History of the Armenian People. *Bibliotheca Orientalis*. XLIV 3/4, 1987, p. 231.

⁷¹ И.М. Дьяконов. Предыстория..., с. 211, 237, прим. 119; I.M. Diakonoff. The Pre-History..., p. 201.

⁷² И.М. Дьяконов. Малая Азия и Армения..., с. 55, прим. 98; он же, К прайстории армянского языка, с. 172; он же, О самоназвании армянского народа, с. 278.

нагорья, хотя иногда так называлась и Южная Сирия). Как было сказано, *Hate* урартских источников это не предполагаемое протоарм. **hat'iyō-*, а одна из позднихеттских стран, лув. *Melid*, урарт. *Meliṭea* (современная Малатья). История позднихеттских стран заканчивается в 708 до н.э. с падением Кумухи (= греч. Коммагене). *Hatti* / *Hāte* — название, данное иноплеменниками, и не встречающееся в письменных источниках самих этих стран. Население этой области было неоднородным. Там жили хетты, лувийцы, хурриты, западные семиты, так что термин Хатти имел географический, а не этнический или языковой смысл⁷³. Согласно Дьяконову, мушки-протоармяне как один из народов, населявших эту землю (подобно урумейцам и абешлайцам/каскам — “войскам земли Хатти”), были вероятно названы *Hāte* урартами, позже они сделали этот термин своим самоназванием, оформив его суффиксом **(i)yo-*. Однако к западу от Верхнего Евфрата, в отличие от восточных районов, нет никаких свидетельств нашествия “восточных мушков” в XII в. до н.э. (см. ниже). Кроме того, в отчетах урартского царя Русы II (685-645 до н.э.) упоминается земля *Muškini* наряду с *Hāte* и другими странами⁷⁴. Дьяконов и некоторые другие отождествляют Мушкини с Фригией. Однако это вызывает сомнения, так как страна Мушкини упомянута между Хате и Халиту (последняя отождествляется с арм. *Xaltik'*, греч. Χαλδαῖοι на северо-западе Армянского нагорья, в Понте) и потому, по всей вероятности, локализуется неподалеку от этих стран, т.е. где-то на западе Армянского нагорья, к востоку от Хате⁷⁵ (как было отмечено, Хате обозначает область Малатьи, а не предполагаемых протоармян **hat'iyō-*). И если в середине VII в. до н.э. племенное название *мушки-* в урартском было противопоставлено Хате, то это племя не могло быть названо хате (и позже — производным от него), поскольку страна Хатти/Хате уже исчезла, а Урарту должно было исчезнуть вскоре.

Гипотеза Дьяконова, определяющая “восточных мушков” как протоармянских пришельцев с Балкан, основана на тождестве этнонима *mušku* предполагаемому ассирийскому названию фригийцев (ассирийские источники конца VIII в. до н.э. упоминают царя мушков Миту, которого отождествляют с легендарным фригийским царем Мидасом греческих источников). Эта идентификация протоармян умозрительна, так как никаких свидетельств о языке мушков нет. Кроме того, имеются другие гипотезы о “восточная мушках”, название которых, видимо, сохранилось в греч. Μοσχοί, груз. *Mesxi* (племя на севере Армянского нагорья и юге Грузии): они могли быть переселенцами с Армянского нагорья или

⁷³ J.D. Hawkins. Hatti // Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archaeologie III, 1957-71, S. 152.

⁷⁴ Н.В. Арутюнян. Корпус урартских клинообразных надписей, с. 516; M. Salvini. The Inscriptions of Ayanis (Rusahinili Eiduri-kai) // Ayanis I. Ten Years Excavations at Rusahinili Eiduri-kai. Roma 2001, p. 258, 261. Согласно А.В. Косяну маловероятно, чтобы Урарту перед своим падением вторглось через могущественное царство Мелид (Малатья) вглубь Малой Азии и захватил пленных из Фригии, см. А.В. Косян. Патриарх Арам в Каппадокии (на арм. яз.) // Историко-филологический журнал, 1999, 1, с. 247, 250. Название города Муш к западу от озера Ван может быть связано с этнонимом мушков (I.M. Diakonoff. The Pre-History..., p. 195, n. 87) и, следовательно, Мушкини можно локализовать в районе Муша, т.е. в Шубри, см. А.У. Petrosyan. Arm. Epic, p. 142 (musk'o > mušo > Muš).

⁷⁵ Н.В. Арутюнян. Топонимика Урарту, с. 146-147; A. Çilingiroğlu and M. Salvini. The Historical Background of Ayanis // Ayanis I. Ten Years Excavations at Rusahinili Eiduri-kai, p. 20; M. Salvini. About a New Corpus of Urartian Inscriptions // Studi Micenei ed Egeo-Anatolici LXXIII/2, 2001, p. 266.

соседних областей, которые позже вошли в состав фригийцев и дали им свое имя⁷⁶. Более того, согласно новейшим данным, мушки впервые упоминаются в ассирийских источниках во времена Нинурта-апил-Экура (1191–1179), т.е. в эпоху падения хеттской империи, что опровергает тезис Дьяконова об их миграции с запада после падения этой империи⁷⁷.

Локализация “первичной Армении” у Дьяконова также сомнительна. Согласно ученому, древние легенды трактуют “бассейн Верхнего Евфрата” как раннюю родину армян. В действительности же армянский этногонимический миф локализует домен патриарха Гайка на севере озера Ван, в верхнем течении реки Арацани (т.е. Восточного Евфрата), в области *Hark'*. Только греческая легенда считает область Акилисены в самом верхнем течении Евфрата (т.е. Западного Евфрата) первичной территорией армян. Однако Дьяконов не делает различий между этими резко отличающимися друг от друга территориями⁷⁸. Расстояние по прямой между центрами этих районов, Маназкертом и Ерзнка (тур. Малазгирт и Эрзинджан), равно 240 км, что в масштабах Армянского нагорья существенно. Две эти местности находятся далеко от Хате-Малатьи (370 км от Маназкерта и 170 км от Ерзнка), где по автору протоармянские “восточные мушки” должны были усвоить свой “хеттский” этноним.

Дьяконов определяет Ишуа и Алзи как страну “восточных мушков”, а область, находящуюся по направлению от Шубрии к бассейну Верхнего Евфрата, по обоим берегам реки Арацани, и включающую страны Паххува, Цухма, Тегарама, Ишува, Малдия/ Малатя и Алзи хеттских и Арме урартских источников (т.е. историческая Софена, арм. *Сор'k'* и соседние области включая Шубрию — Сасунские горы), как территорию расселения мушков-протоармян. Предполагается, что праформы этнонимов армян *hay*, *armen* и *somexi* (груз. ‘армянин’) образованы от топонимов этой области — Хате, Арме и Цухма. Но, как было сказано выше, этимология *Hâte* > *hay* сугубо гипотетична, а связь между Цухмой и *somexi* лингвистически необоснованна⁷⁹, да и страна Арме находилась весьма далеко от Софены и бассейна Верхнего Евфрата. А то, что Дьяконов не упоминает Хайасу на севере Софены, как раз “в бассейне Верхнего Евфрата”, выдает его предвзятое отношение к хайасской гипотезе.

Самое слабое место теории Дьяконова то, что он для этой гипотетической территории расселения протоармян не приводит названий, более или менее надежно этимологизируемых как протоармянские. Между тем, единственный веский критерий этнического происхождения древнего населения этого региона — языковая принадлежность личных имен. Как указывает сам Дьяконов, в

⁷⁶ О происхождении мушков см. M.Y. Mellink. Mita, Mushki and Phrygians // *Anadolu Araştırmaları*, 2, 1965; V. Sevin. The Early Iron Age in the Elazığ Region and the Problem of the Mushkians // *Anatolian Studies*, XLI, 1991, p. 96-97; A.V. Kosyan. The Mushki Problem Reconsidered // *Studi Micenei ed Egeo-Anatolici* XXXIX/2, 1997; A.B. Косян. Ближневосточный кризис XII-ого в. до н.э. и Армянское нагорье (на арм. яз.). Ереван, 1999, с. 162-167, с библиографией; он же, Лувийцы, фригийцы, мушки // *Orientalia*. История и языки Древнего Востока. Памяти И.М. Дьяконова. СПб., 2002; A.Y. Petrosyan. Arm. Epic, p. 139 ff., 152 ff.; A.E. Петросян. Вопросы этногенеза армян, с. 56 сл.; A.-M. Wittke. Mušker and Phryger. Stuttgart, 2004, с библиографией; idem. Das Land Mušku // *Aramazd: Armenian Journal of Near Eastern Studies* 2, 2007. K. Radner. Review of A.-M. Wittke. Mušker and Phryger. *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatischer Archäologie* 96, 2006, S. 149.

⁷⁷ Новейшую хронологию упоминания мушков в ассирийских источниках см. K. Radner. Ук. соч., с. 149.

⁷⁸ I.M. Diakonoff. The Pre-History..., p. 115, 192, n. 61.

⁷⁹ Г.Б. Джаукян. История армянского языка..., с. 288.

доахеменидский период на Древнем Востоке имелись только локальные общинные религии. Не было “конфессиональных” имен в духе поздних догматических религий, большинство людей носило имена с благопожелательным значением на их родном языке, связанные с местными локальными культами⁸⁰. Среди личных имен этой области ни одно не имеет армянского облика. По историческим и ономастическим данным, начиная со второй половины II тыс. до н.э., данная область была населена хурритами и лувийцами. С начала I тыс. до VIII в. до н.э. имена правителей правого берега Верхнего Евфрата, включая Мелид-Малатью, были прежде всего лувийскими⁸¹, тогда как к юго-западу от озера Ван они были хурритскими⁸². Позже на западе Евфрата появляются несколько имен, которые могут быть связаны с новым этническим элементом. Некоторые из них сопоставимы с фригийскими именами, известными из греческих легенд⁸³.

Говоря о трудности идентификации армянского элемента в именах, засвидетельствованных на предполагаемых раннеармянских землях, Дьяконов оговаривается, что местная ономастика известна не полностью и теоретически возможно, что армяне носили также хурритские и лувийские имена⁸⁴. Урартская ономастика, равно как и ономастика других районов Армянского нагорья, известна не полностью. И все же Дьяконов приводит несколько имен, которые опять-таки теоретически могут иметь целиком или частично (в случае составных имен) армянское происхождение. Однако подобные этимологии умозрительны и не убедительны⁸⁵.

Иноязычные пришельцы, как обычно, на новом месте образуют правящую элиту. Но нигде в Урарту неармянское происхождение личных имен местных правителей не проступает так очевидно, как в этой предполагаемой “первичной Армении”. Правители с лувийскими и хурритскими именами должны были иметь соответственно лувийское или хурритское происхождение. Нет также никакого объективного, т.е. лингвистического основания приписывать армянское происхождение “6600 поселенцам Эребуни”⁸⁶. Таким образом, теория армянского происхождения населения этой области не имеет надежного обоснования.

⁸⁰ И.М. Дьяконов. Предыстория..., с. 242, прим. 136; он же, Типы этнических передвижений в древности, с. 14-15; I.M. Diakonoff. The Pre-History..., p. 203, n. 135.

⁸¹ К этимологии около 200 имен, подавляющее большинство которых очевидно лувийские, см. А.В. Косян. Лувийские царства Малой Азии и прилегающих областей в XII-VIII вв. до н.э. Ереван, 1994, с. 88-97 (среди остальных — 10 хурритских, 1 семитское, несколько фригийских и неясного происхождения, см. ниже).

⁸² I. Gelb. Hurrians and Subarians. Chicago, 1944, p. 82-83.

⁸³ Эти имена — Kurtis/ Gurdy, Mitas, Asu(i)s, Iš(ik)kallu, Mugallu, из них первые три сравниваются с фриг. Gordios, Midas, Askanius, а другие остаются неясными.

⁸⁴ I.M. Diakonoff. The Pre-History..., p. 124, 129-130, 197-198, n. 106, 203, n. 135.

⁸⁵ И.М. Дьяконов. Малая Азия и Армения..., с. 58-60, прим. 115; И.М. Дьяконов. К прайстории армянского языка, с. 164-165, прим. 53, 170, прим. 65; I.M. Diakonoff. First Evidence of the Proto-Armenian Language, p. 51-52. Так, Iš(ik)kallu интерпретируется как арм. *hskawl, ср. (h)skem ‘трудиться, стеречь’, неясного (хетт. ?) происхождения (предложение А. Периханян). Окончание топонима Tumeiški, как и этнонима Mušku/i отождествляется с армянским показателем множественного числа k'. Такие произвольные интерпретации нескольких sporadических названий не могут считаться надежными. Заметим, что намного более вероятные, если не очевидные, армянские названия можно найти в других районах Армянского нагорья, засвидетельствованными в урартских надписях той эпохи (см. выше).

⁸⁶ О вероятном лувийском происхождении этих переселенцев см. Г.А. Меликишвили. К вопросу о хетто-цупанийских переселенцах в Урарту // Вестник древней истории, 1958, 2; А.Е. Петросян. Вопросы этногенеза армян, с. 31 сл. и статью Н.Г. Тирация в настоящем журнале.

Если это так, где же находились протоармяне? Нет никакого другого способа идентифицировать носителей протоармянского языка, как приводить правдоподобные протоармянские названия. Сильными аргументами в пользу теории Дьяконова могли бы стать упомянутые протоармянские этимологии названий рек *Арцаниа* и *Мелиани*. Но, как мы увидим, эти названия могут восходить и к языку пришельцев из Хайасы или Этиуни и, следовательно, служить доводами в пользу не только теории Дьяконова, но также для следующих двух гипотез.

В памятниках эпохи конца поздней бронзы и начала железного века (XII в. до н. э.) на территориях к востоку от места слияния Арацани и Евфрата (исторический Цопк-Софена) выявляется новый археологический материал, который существенно отличен от материала предыдущего периода и характеризуется особой керамикой “закавказского” типа. Культура поздней бронзы к этому времени исчезает полностью и сменяется новой. Притом, все *старые* археологические памятники были разрушены пожарами. В то же время на западном берегу Евфрата, в Малатье, культура предыдущей (хеттской) эпохи продолжается. *Новая* керамика, которая наводнила районы к востоку от слияния рек, попадает на запад только несколькими веками позже (VIII в. до н. э.).

Это, зафиксированное археологически, изменение ситуации в начале железного века могло быть связано со вторжением “восточных мушков” и сопутствовавших им племен⁸⁷. Как мы видели, ассирийские источники называют некоторых из этих пришельцев (кроме мушков) “войсками земли Хатти”, таким образом приписывая им западное происхождение, что, кажется, противоречит восточным “закавказским” связям нововыявленной керамики. Исходя из детального анализа А.В. Косяна, единственным вероятным допущением, которое может соответствовать данным этих двух источников (письменного ассирийского и археологического), является локализация мушков и других пришельцев перед их перемещениями в область, которая раньше была под хеттским политическим влиянием, но имела восточные связи, то есть в Хайасе. Согласно новейшим исследованиям “восточные мушки” появились в Цопке-Софене в XII в. до н. э. с севера или северо-востока⁸⁸.

По П.С. Аветисяну набор *новой* керамики появившейся на западе нагорья в начале железного века, “своими морфологическими характеристиками буквально идентичен” керамике с территории современной республики Армении предыдущего периода (последние стадии поздней бронзы). Кроме того есть все основания полагать, что в течение XIII-XII вв. до н. э. население в некоторых областях современной Армении резко уменьшилось. Следовательно, эти передвижения могли начаться с территории современной Армении⁸⁹. Такая интерпретация археологических данных исключает иммиграцию “восточных мушков” с Балкан и их оседание в области Хате-Малатья.

Таким образом, основные пункты теории Дьяконова получают сильные контрдоводы. Идеи Дьяконова о “фрако-фригийском” единстве и близких связях

⁸⁷ V. Sevin. Op. cit., p. 96-97.

⁸⁸ K. Radner ук соч., А.-М. Wittke ук соч. С. 126 прим. 1., см. также прим. 76

⁸⁹ П.С. Аветисян. Структура организации жизненного пространства и социально-демографические процессы в Армении в XXII-IX вв. до н. э. (на арм. яз.) // Проблемы исторической демографии Армении. Ереван, 2004.

армянского языка с фригийским отвергнуты. Племя мушков-мосхов вероятно играло важную роль в праистории Армении и Грузии, но их западное происхождение и отождествление с протоармянами умозрительно и недоказуемо. Из всей теории остается только этимология Йенсена *hay* > *Ḫatti* (*Ḫāte*), которая, несмотря на контрдоводы, все же представляет существенный интерес. Что же касается праистории Армении, разработки ее проблем и теоретических тезисов, то здесь работы Дьяконова сохраняют свою ценность.

Гипотеза Хайасы

Этноним *hay* связан с этнотопонимом *Ḫayaša* /*Ḫayasa*/ хеттских источников. Окончание *-(a)ša* принято считать суффиксом. Это царство, точнее, его западная часть, было также известно как *Azzi*. Царство Хайаса-Ацци было наиболее значительным государственным образованием Армянского нагорья во II тыс. до н.э. (упоминается в XIV-XII вв до н.э.). Оно включило в себя некоторые территории Малой и Великой Армений, значительную область верхнего течения (Западного) Евфрата. Хайасскую гипотезу поддерживает подавляющее большинство специалистов. Н. Мартиросян (1924) был первым, кто высказал мнение относительно связи этнонима *hay* с Хайасой. Ему вскоре последовали К. Рот, Г.А. Капанцян, П. Кречмер, А. Хачатрян и другие. Г. Капанцян изложил эту гипотезу в монографии (1948). Среди последователей этой гипотезы в различных ее версиях такие авторитетные ученые, как А. Ташьян, Р. Ачарян, Я. Манандян, Б.Б. Пиотровский, Г.А. Меликишвили, С.Т. Еремян, В. Георгиев, В. Бэнэцян, С. Туманов, Г.Б.Джаукян, Ч. Бэрни, Д.М. Ланг, Вяч. Вс. Иванов, Т.В. Гамкрелидзе, Г.Х. Саркисян⁹⁰. И.М. Дьяконов единственный выдающийся ученый, знакомый с проблемой, но не принимавший эту гипотезу.

Наиболее цельной работой по хайасской гипотезе остается книга Капанцяна “Хайаса — колыбель армян”. Капанцян был исключительным знатоком истории,

⁹⁰ Н. Мартиросян. Взаимоотношение армянского с хеттским (на арм. яз.) // *Handes Amsorya*, 1924, 9-10; К. Roth. Die Bedeutung des Armenischen // *Handes Amsorya*, 1927, 11-12; Г.А. Капанцян. *Chetto-armeniaca*. Ереван, 1931-1933, с. 6; Р. Kretschmer. Der nationale Name der Armenier *Haikh* // *Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse* 69, 1932; А. Хачатрян. История Армении клинописного периода (на арм. яз.). Ереван, 1933, с. 41-48; А. Ташьян. Хетты и урарты, с. 339-343; Я.А. Манандян. Критический обзор истории армянского народа (на арм. яз.). Т. I, Ереван, 1944, с. 32-33; он же, Сообщения хеттских, ассирийских, урартских и древнеармянских источников о Хайасе-Аззи // О некоторых спорных проблемах истории и географии древней Армении. Ереван 1956; Б.Б. Пиотровский. О происхождении армянского народа. Ереван, 1946; Р. Ачарян. История Армении в связи со всеобщей историей (на арм. яз.). Ереван, 2004, с. 25 (поздняя публикация); Г.А. Меликишвили. Напри-Урарту. Тбилиси, 1954, с. 85, 418; С.Т. Еремян. Союз армян в стране Арме-Шубрия (на арм. яз.) // Историко-филологический журнал, 1958, 3; В.И. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М. 1958, с. 71; он же, Передвижение смычных согласных в армянском языке и вопросы этногенеза армян // Вопросы языкознания, 1960, 5, с. 39; В. Бэнэцян. Некоторые вопросы этногенеза армян // Историко-филологический журнал, 1961, 2; Г.В. Djahukian. The *Hayasa Language...*; Г.Б. Джаукян. Хайасский язык и его отношение к индоевропейским языкам. Ереван, 1964; он же, О соотношении хайасского и армянского языков; С. Toumanoff. *Studies in Christian Caucasian History*. Washington D.C., 1963, p. 59; Ch. Burney and D. Lang. *The Peoples of the Hills. Ancient Ararat and Caucasus*. New York, Washington, 1971, p. 179; Вяч.Вс. Иванов. Выделение разных хронологических слоев в древнеармянском и проблема первоначальной структуры текста гимна Ва(х)агн // Историко-филологический журнал, 1983, 4, с. 30-33; Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов, Ук. соч., с. 913; Г.Х. Саркисян. Урартская держава и армяне (на арм. яз.) // Урарту-Армения. Ереван, 1988, с. 51-52; он же, “История Армении” Хоренац и клинописные источники (на арм. яз.) // Историко-филологический журнал, 1992, 2-3. Хайасская гипотеза была поддержана и другими учеными, см. Л.А. Барсегян. Вопросы происхождения и формирования армянского народа, с. 156 сл.

языков и древних культур, однако он разделял некоторые марристские взгляды в лингвистике, что в некоторой степени ослабляет его работу. Он считал армянский наследником хайасского языка и отрицал существенную роль индоевропейского наследия в армянском. Капанцян этимологизировал топонимы, антропонимы и теонимы Хайасы в основном на основе хурритского и, в меньшей степени, других, главным образом неиндоевропейских языков региона. С лингвистической точки зрения эти интерпретации могут расцениваться как доказательство неармянской природы хайасского⁹¹.

Исследователи следующего поколения восприняли эту гипотезу, но на правильном методологическом основании — не подвергая сомнению индоевропейскую природу армянского языка. Некоторые специалисты рассматривали хайасский как язык отличный от армянского, другие как предшественника армянского, но без удовлетворительных и убедительных лингвистических аргументов. А другие сближали хайасскую и балканскую гипотезы, принимая, что протоармяне после исхода с Балкан переняли этноним *hay* у аборигенов Хайасы (Манандян, Туманов, Бэрни, Ланг и др.).

Важную роль в развитии и распространении хайасской гипотезы сыграли работы Г.Б. Джаукяна. Признав существенную роль Хайасы в формировании армянского народа, Джаукян, на основе анализа ономастических данных, первоначально рассматривал хайасский как анатолийский язык, т.е. индоевропейский, но не армянский. В своих первых работах он локализовал протоармян на Балканском полуострове пока они наряду с фригийцами не переместились в XII в. до н.э. на восток Малой Азии, где слились с хайассцами, лувийцами, урартами и другими местными племенами⁹². Однако в 1987 г. Джаукян изменил свою точку зрения и, предложив армянские этимологии для некоторых имен Хайасы, присоединился к тем, кто рассматривал хайасский как протоармянский⁹³. Ниже — еще два варианта гипотезы.

а) Некоторые ученые связывают этноним *hay* с балканским племенем пеонов Παίονες (с армянским переходом $*p > h$), которое упоминается среди племен, боровшихся с греками в Троянской войне. В. Георгиев, исходя из того, что это племя фригийское по происхождению, производит его название от индоевр. $*row-$ ‘маленький’ (праформа $*rawuon-$). Гипотетически это племя могло переселиться в Малую Азию и основать Хайасу. Примечательно, что армянское название бывших территорий Хайасы “Малая Армения” напоминает предполагаемое значение этнонима⁹⁴. Г.Б. Джаукян считает это предположение невероятным (*hay* < $*row-$ противоречит законам армянского), но все же приводит слово *hay* ‘маленький’ из средневекового словаря Еремии Мегреци⁹⁵ (кстати, это слово,

⁹¹ В. Бэнцянц. Ук. соч., с. 105-106; G.B. Djahukian. The Hayasa Language..., p. 354-356; Г.Б. Джаукян. История армянского языка..., с. 322-323; I.M. Diakonoff. The Pre-History..., p. 114.

⁹² G.B. Djahukian. The Hayasa Language...; Г.Б. Джаукян. Очерки по истории дописьменного периода армянского языка. Ереван, 1967, с. 331-332; он же, История армянского языка..., с. 282-285, 322-341.

⁹³ Г.Б. Джаукян. О соотношении хайасского и армянского языков; G.B. Djahukian. Did Armenians Live in Asia Anterior Before the Twelfth Century BC?; он же, Беседы об армянском языке, с. 46-53.

⁹⁴ В.И. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию, с. 171; он же, Передвижение смычных согласных в армянском языке..., с. 39.

⁹⁵ G.B. Djahukian. The Hayasa Language..., p. 386-387; Г.Б. Джаукян. История армянского языка..., с. 283. Это слово, вероятно, неотделимо от шубарейского *hayani-* ‘маленький’ (G.B. Djahukian. Armenian Words and Proper

вероятно, настолько близко к шубарейскому *hayani*- ‘маленький’⁹⁶, что может служить основой для новой гипотезы о происхождении этнонима *hay*). Л.А. Гиндин, на основе интерпретации О.Н. Трубачева этнонима *неоны*, допускает, что это армяне, которые в XV в до н.э. прошли через Трою и основали Хайасу⁹⁷.

б) Некоторые названия из самых ранних клинописных источников, сходные с этнонимом *hay*, рассматривались в связи с хайасской гипотезой. Вяч. Вс. Иванов приводит ономастический элемент *Ha-a* (возможное произношение: *haya*), известный из документов Эблы и Месопотамии III тыс. до н.э. Этот элемент выступает в связи с названиями *Armi* и *Azi* (ср. *Arme/Urme* и *Azzi* на Армянском нагорье), что поддерживает данное предположение⁹⁸. Согласно А.Е. Мовсисяну этноним *hay* может быть связан с *HA.A*, одним из шумерских названий земли Шубур/ Шубари (шумер. *ŠU.BUR*, *SU.BUR*, *SU.BIR*, *SU*, *SU.A*, аккад. *Šubartu*, *Subartum*, *Šubari*), которая включала территории севера Месопотамии и юга Армянского нагорья. Далее, страна *Aratta* шумерских эпических текстов должна быть идентифицирована со страной Шубур/Субур (обе они идеографически переданы как *SU.KUR.RU*). Имя эпонимического предка армян *Hayk* сопоставимо с именем аккадского бога *Haya/Ea* (шумер. *Enki*), который изображался с реками Евфрат и Тигрис, вытекающими из его плеч и потому должно быть локализовано в области их истоков, т.е. на Армянском нагорье. Название Шубур/Шубари сохранилось в ассирийском названии страны Шубрия к юго-западу от озера Ван, засвидетельствованном в XI-VII вв. до н.э., а Шубрия в урартских источниках называлась *Arme* (и восточная ее часть — *Urme*). Таким образом, названия страны Шубур/Субур сопоставимы с армянскими этнонимами *hay* и *armen*, а жители Шубура и Аратты могут быть идентифицированы как протоармяне⁹⁹.

Развитие Хайасы в Армению, прерванное урартским периодом, Капанцян представлял следующим образом. Крах Хеттской империи приводит к консолидации Хайасы. Предполагается этническое продвижение хайасцев-армян из Хайасы в Малатью, а впоследствии — овладение всеми территориями Малой Армении. Местное население сливается с армянами. С конца VII в. до н.э. они продвигаются на юго-восток от Малатии к Цопку, потом в Алзи/Агдзник и далее на юго-восток. С VI в. до н.э., из-за сильного сопротивления местных племен и Персидского государства они начинают селиться на западных территориях Урарту и в конце концов осваивают все нагорье. Имело место и передвижение населения из Хайасы на восток, так что Араратская долина была арменизована в IV в. до н.э. Капанцян сопоставляет передвижения армян из южных частей Урарту на север с легендами о Гайке и его сыне Араманеаке: эти легенды оказываются отражением исторических передвижений армян в позднеурартский период¹⁰⁰.

Names in Urartian Inscriptions, p. 29), что может служить основой для новой гипотезы о происхождении этнонима *hay*.

⁹⁶ С.В. Djahukian. Armenian Words and Proper Names in Urartian Inscriptions, p. 29.

⁹⁷ Л.А. Гиндин. Население гомеровской Трои. М., 1993, с. 82-85, ср. О.Н. Трубачев. Этногенез и культура древнейших славян: лингвистические исследования. М., 2003, с. 162-163.

⁹⁸ Вяч.Вс. Иванов. Выделение разных хронологических слоев..., с. 30-33.

⁹⁹ А.Е. Мовсисян. Священное нагорье (на арм. яз.). Ереван, 2000, с. 7-8, 36-38, 40-47.

¹⁰⁰ Г.А. Капанцян. Хайаса — колыбель армян. Ереван, 1948, с. 123 сл., 155 сл.

Другие ученые, занимавшиеся проблемой, пытались примирить существующие точки зрения. Я. Манандян, следуя Маркварту, рассматривал аримов Гомера как носителей протоармянского языка. Он локализовал Хайасу в области озера Ван, таким образом идентифицируя ее с округом *Hark'*, доменом Гайка. Еремян отождествлял протоармян-аримов с урумейцами, которые были названы *hay* по *Haiase*. Оба ученых датировали занятие армянами основных территорий Великой Армении примерно послеурартским периодом.

Г.Х. Саркисян, автор последних значительных работ по предыстории Армении, также не отходит слишком далеко от идей предыдущих исследователей. Он замечает, что изучавшие проблему специалисты (Капанцян, Еремян, Пиотровский, Дьяконов, Меликишвили и др.) указывают на долину верховья реки Евфрат как на место образования армянского народа во второй половине II тыс. до н.э. Это область, которую указывает Дьяконов, плюс территория Хайасы. Хайаса и “позднешеттские” царства были “этнически насыщены армянским элементом”. Армяне пришли в домен Гайка *Hark'* через Малатью и соседние страны. Свидетельство этого — выведение Гайка сыном *T'orgom*-’а (эпонима библейского “дома Фогармы”, т.е. Каппадокии). В XII в. до н.э. урумейцы (с которыми связан этноним *armen*) и мушки, захватывают юго-западные части Армянского нагорья. В итоге создается, упоминаемая под разными названиями, большая армянская “этноязыковая общность”, стремившаяся к центру нагорья. Эта общность была в конфликте с Урарту. Долина Муша (армянская провинция Тарон) и страна Урме считаются самой горячей точкой конфликта, “бастионом армянской этноязыковой массы”. Не исключается существование армянских островков и на востоке нагорья, в связи с чем приводится сообщение о 6600 военнопленных, переселенных в Эрбуну царем Аргишти I. Переход Гайка из Вавилона в *Hark'* расценивается как легендарное отражение перехода армян из Каппадокии в *Hark'*, измененное под воздействием библейского рассказа о вавилонском столпотворении. Легенды об освоении восточных областей нагорья наследниками Гайка датируются историческими событиями VIII-VI вв. до н.э. Так закончилось образование армянского народа¹⁰¹.

Эта реконструкция, подобно предшествующим, в основном умозрительна. Нет никаких лингвистических или других свидетельств для рассмотрения позднешеттских царств и соседних восточных земель (которые, кроме западной части Цопка, едва ли могут считаться “позднешеттскими”) как “насыщенных” армянскими элементами, а районы Тарон и Урме, как армянский “бастион”, и язык переселенцев Эрбуни — как армянский. Если бы такие свидетельства существовали, проблема армянского этногенеза решалась бы проще.

Есть несколько сильных аргументов в поддержку хайасской гипотезы.

а) Локализация Хайасы-Ацци на первоначальной территории Малой Армении (Μικρά Ἀρμενία, *Armenia Minor*, арм. *P'ok'r Hayk'*, область верховьев рек Евфрат, Чорох, Гайл/ Келькит и Галис). Это название впервые зафиксировано в греческих источниках (с III в. до н.э.), однако оно может быть свидетельством более ранних представлений. Эпитет “большой” обычно давался поздним,

¹⁰¹ Г.Х. Саркисян. Урартская держава и армяне; он же, “История Армении” Хоренаци...

вторично освоенным землям, тогда как исконные родины назывались “малая, меньшая”, например Малая Фригия, Малая Польша, Малороссия¹⁰².

б) Согласно греческой легенде, спутники аргонавта Армена первоначально осели на территории Акилисены, которая была центром бывшей Ацци-Хайасы.

в) Земля, куда отправились аргонавты, в древнейших источниках называется *Αἶα* (Айа). Это название можно связать с Хайасой¹⁰³ и считать аргументом в пользу происхождения Хайасы как /Hayasa/.

г) Главные храмы большинства дохристианских богов армян — Арамазда, Анаит, Михра, Нанэ и Баршамина были сосредоточены в районе Акилисены (округи *Daranali*, *Ekeleac* и *Derjan*).

е) Кладбище древнеармянских царей находилась в крепости Ани, в центре главного бога Арамазда (Агафангел 785; Фавстос 3.11; Хоренаци 3,10.21).

Слабые стороны:

а) Чтение клинописного *h* как /h/.

б) Клинописное *Ḫaya-* вместо ожидаемого клинописного *Ayu* (= **Hayo*).

в) Суффикс *-(a)ša* не был широко распространен на востоке Хеттского царства и окончание названия Хайаса могло входить в состав корня.

г) Протоармянский элемент не очевиден в ономастике Хайасы.

е) Первичные территории Хайасы не играют роли и даже не упоминаются в этногонимическом мифе.

ф) Отсутствие этнопонимов соотносимых с Хайасой послехеттского периода.

Соответствие звука /h/ клинописному *h* в этимологиях *hay* < *Ḫatti* и *hay* < *Ḫayaša*, несмотря на очевидное подобие, не одинаково. В первом случае этноним *hay* считается заимствованием из *Ḫatti*, а во втором *hay*, иноязычное для хеттов, считается переданным в клинописи как *Ḫay-*; в первом случае неармянский звук /x/ отражен в армянском как /h/, тогда как во втором протоармянский /h/ передан в клинописи как /x/. Выше было сказано, что согласно Дж. Грешину соответствие армянского *h* хеттскому *h* указывает на общее индоевропейское происхождение данной пары слов. Но *Ḫayaša* не хеттское слово, а название чужой для хеттов страны, инородной хеттам, так что этот критерий здесь не годится. Однако мы можем сказать, что соотношение *hay* и *Ḫayaša* не соответствует армянским заимствованиям из хеттского. Из логики армяно-хеттских языковых соответствий следует, что, если названия *hay* и *Ḫayaša* каким-то образом связаны друг с другом, то они восходят к единому индоевропейскому корню (что маловероятно), или, хетт. *Ḫayaša* восходит к местному, возможно армянскому *hay*.

¹⁰² О.Н. Трубачев. Ук. соч. с. 165-166, ср. Г.А. Капанцян. Хайаса — колыбель армян, с. 234; тем не менее ср. “Малая Армения” как название Киликии, арменизированной в средневековые, или района в современном Голливуде.

¹⁰³ С. Toumanoff. Op. cit., p. 57-58, с библиографией; А.Е. Петросян. Миф об Араме..., с. 65-69; А.У. Petrosyan. Arm. Epic, p. 44.

Земля *Aïa* позже была отождествлена с Колхидой (в поздних источниках Аïа — город на реке Риони). Ранняя Колхида, урарт. Кулха, засвидетельствованная в VIII в. до н.э., локализуется в бассейне реки Чорох¹⁰⁴, и, следовательно, она частично перекрывала территорию бывшей Хайасы. Поэтому страну Аïа можно приравнять к Хайасе. Легенда об аргонавтах и земле Аïа датируется, по ее героям, временем на поколение раньше Троянской войны (XIII в. до н.э.), что совпадает с эпохой существования Хайасы. Таким образом, несмотря на скептицизм некоторых ученых, мифическая Аïа действительно могла соответствовать реальной Хайасе: сходство двух названий одной и той же территории, относящихся к одному периоду, вряд ли случайно. Уравнение *Ḥayaša* = *Aïa* показывает, что корнем этого названия мог быть *hay-*. Древняя форма этнонима *hay* восстановима как **hayo-*, однако, как было сказано, окончание *-o* могло появиться в более позднее время. Нельзя ли допустить в таком случае, что *Ḥaya* это топоним восходящий к этнониму *hay* (с окончанием **(y)ā*) и позже оформленный анатолийским суффиксом *-ša*? В любом случае более вероятно, что чужезычный /h/ передавался как клинописный *ḥ*, чем чтобы чужезычный /x/ был воспринят как /h/ в древнейшем армянском.

По рассматриваемой гипотезе армянский этнос не выступает под своим именем в урартских источниках. В море урартской ономастики нет названий с элементом *ḥay(a)-* (Хайаса не упоминается и в послехеттском периоде, на ее месте урартские источники знают царство Диаухи). Также в урартских источниках нет какой-либо информации, намекающей на завоевание нагорья людьми Хайасы. Отсутствие исторически засвидетельствованной непрерывности от Хайасы до послеурартской Армении считается основным доводом против хайасской гипотезы¹⁰⁵. Это главная причина того, что историческая сторона теории Г.Х. Саркисяна в некоторых пунктах почти тождественна теории Дьяконова (кроме включения Хайасы в территорию прародины армян). Отсюда, конечно, не следует, что нет других возможностей. Г.Б. Джаукян изложил в своих работах альтернативную точку зрения о переходе Хайаса — Армения, основанную на ономастических данных; к сожалению, она не была помещена в исторический контекст¹⁰⁶.

Выше было отмечено, что поселение прародителя Гайка к северу от озера Ван в округе *Hark'* нельзя объяснить только мифологией, оно могло иметь историческое основание. Очевидно, что последовательность *Ḥayasa* — *Ḥayk'* (Армения) приемлема, если Хайаса включала в себе территорию домена Гайка. В пользу этого имеются некоторые доводы.

¹⁰⁴ Г.А. Меликишвили. Кулха // Древний мир. М., 1962.

¹⁰⁵ И.М. Дьяконов. К праистории армянского языка, с. 172; I.M. Diakonoff. The Pre-History..., p. 113.

¹⁰⁶ Установив некоторые параллели в ономастике Хайасы и других областей Армянского нагорья засвидетельствованной в урартское время (*Azzi-'Aza*, *Ḥuggana-Ḥuka*, *Baltaik-Baltulḫi*, *Arḫita-Arḫi*, *Arniya-Arna*, *Duqqama-Duqama*, *Ḥalimana-Ulmania*, *Elamunia*, *Alamun*, *Parḡaya-Parḡa*) автор полагает, что повторение названий могло быть результатом передвижения населения из Хайасы на юг и восток до озера Урмия, см. например: Г.Б. Джаукян. Урартский и армянский, с. 159-161. Критика этой идеи: I.M. Diakonoff. The Pre-History..., p. 191, p. 50.

а) Один из городов Хайасы был расположен на берегу моря, которое иногда отождествляют с озером Ван¹⁰⁷. Однако отметим, что никаких достоверных данных по этому вопросу нет, и любая локализация этого города сугубо предположительна.

б) Хайасский топоним Архита может соответствовать урартскому Архи, неподалеку от Муша¹⁰⁸. Г.Х. Саркисян отождествляет последний с арм. *Hark'*, доменом Гайка.

Одна из существенно слабых сторон этой гипотезы, подобно предыдущей, в отсутствии названий надежно этимологизируемых из (прото)армянского на предполагаемых первичных территориях протоармян. Количество известных хайасских названий невелико. В связи с ономастикой Хайасы заметим, что если названия, восходящие к какому-либо языку, показательны для присутствия этого языка на изучаемой территории, то отсутствие таких названий не может считаться доказательством отсутствия данного языка. Например, в позднехеттской ономастике хеттский элемент незначителен¹⁰⁹. Г.Б. Джаукян в своих поздних работах стремился восполнить этот пробел, однако его армянские этимологии имен Хайасы (особенно личных имен) спорны¹¹⁰, особенно если учесть, что среди них есть названия с очевидными анатолийскими и балканскими параллелями¹¹¹. Армянские этимологии других авторов еще более сомнительны.

Необходимо специально обратиться к теории ранней арменизации территорий к западу от Верхнего Евфрата. Идея, что прародина армян находится где-то в Южной Каппадокии, к западу от Малатии (например у горы Аргей), долгое время была отправным пунктом ученых. Она господствовала не только среди последователей Маркварта и Дьяконова, но и среди сторонников хайасской

¹⁰⁷ E. Forrer. *Hajasa-Azzi* // *Caucasica*. 1931, Fasc. 9, S. 17-18; Я.А. Манандян. Сообщения хеттских, ассирийских, урартских и древнеармянских источников..., с. 99 сл.; F. Haas. *Die ältesten Nachrichten zur Geschichte des armenischen Hochlands. Das Reich Urartu: Ein altorientalischer Staat im 1. Jahrtausend v.Chr.* // *Xenia*, 17, Konstanz, 1986, S. 23; А.В. Косян. Топонимы Армянского нагорья (согласно хеттским источникам) (на арм. яз.). Ереван, 2004, с. 38-39.

¹⁰⁸ Г.Б. Джаукян. Хайасский язык..., с. 19. Заметим, что это соответствие, если оно верно, может служить критерием хронологии армянского перехода *t > y (*Arhita* > *Arhiyē* / *Arhiē* > *Arhi*): оно может быть датировано временем между концом Хеттского царства и началом Урарту, т.е. между XIII и IX вв. до н.э., что очень важно для гипотезы Хатти.

¹⁰⁹ Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов. *Ук. соч.*, с. 913.

¹¹⁰ Ниже приводятся некоторые примеры этих этимологий (С.В. Djahukian. *Did Armenians Live in Asia Anterior Before the Twelfth Century BC?*, p. 26-27). Местные названия: *Ḫayaša* — арм. *hay* 'армянин' (< **poti*- 'господин'), *Azzi* — *az-* 'сухой', *Ingalawa* — *ənkal* 'получить', или *angl* 'гриф', *Arziya* — *arc-* 'белый, светлый', *Laḫirhila* — *hiwl/xuḫ* 'хижина'; личные имена: *Aišiya* — *aye-i* 'козел', *Aniya* — *hani* 'бабушка, предок', *Mariya* — *mari* 'самка птицы'; имена богов: *Terittitunni* - **erttun* 'треххвостый', *Šilili*[...] — *šilel* 'любownik'. К сожалению, подробное обсуждение этих этимологий в пределах настоящей статьи невозможно, сделаем лишь несколько замечаний. Этимологию *hay* < **poti*- можно считать доводом в поддержку также этрунсийской гипотезы; соответствия хеттских клинописных *š* (= *s*) и арм. *c*, *zz* (= *ts*) и *z*, сомнительны. *Terittitunni* напоминает балканские теонимы (ср. греч. *Τρίτων*, *Τιβρόν*, *Τιβύς*, *Τιβάρες*); *Šilili*- сугубо предположительное чтение (сохранился только фрагмент *Ši-il-*); локализация *Arziya* в Хайассе сомнительна (об исправлениях в чтении и локализации хайасских имен см. А.В. Косян. Топонимы Армянского нагорья...; он же, *Боги Хайасы* (KUB XVI 39) (на арм. яз.) // *Страны и народы Ближнего и Среднего Востока XXIV*. Ереван, 2005. Все приведенные этимологии ненадежны, поскольку нет других данных для интерпретации имен. Сказанное однако не преуменьшает значения работ Джаукяна, а только подчеркивает гадательный характер этих этимологий.

¹¹¹ Среди имен царей и вождей Хайасы *Ḫuggannaš* сопоставим с ликийским *ḫuga-* 'дед', тогда как *Midaš* (один из вождей региона в XV в. до н.э.) и *Karanniš* сравнимы с именами легендарных царей Македонии Мидас и Коранос, см. А.Е. Петросян. *Миф об Араме...*, с. 82-86; А.У. Petrosyan. *Arm. Epic*, p. 154, n. 523.

гипотезы (Капанцян, Манандян, Еремян, Г. Саркисян), которые также передвигают протоармян из Хайасы в Каппадокию, в область города Малатья, и только потом — в Великую Армению¹¹². Однако, как мы видели, в Малатии и в соседних западных областях никаких следов протоармян не обнаруживается, к тому же в легендах о первых Гайкидах эти территории не упоминаются до мифической победы седьмого патриарха Арама у горы Аргей.

“Первая Армения” была римской провинцией в Каппадокии (Малой Армении), образованной в IV в. до н.э. и нет никакого реального основания считать это позднее название воспоминанием о доисторических временах. Как свидетельство каппадокийского происхождения армян приводится патроним Гайка *T'orgom*. Это эпоним библейского “дома Фогармы” (древнеевр. *Twgrmh*, *Tgrmh*, *Trgmh*; греч. *Θοργαμά*, *Θωργαμά*, *Θεργαμά*), который соответствует ассир. *Tegarama*, хетт. *Te/akarama*, лув. *Lakarama*, на западе Малатии. *T'orgom* — потомок Гомера/Гамера, эпонима Каппадокии (Быт. 10.2-3 сл; Хоренаци 1.5; 1.9; 1.12; ср. армянское название Каппадокии — *Gamirk'*). Однако, торговское происхождение армян — поздний вымысел. Иосиф Флавий считает этого героя прародителем фригийцев, а армяне, как уже было сказано, предстают у него потомками сына Арама Ула. Впервые Фогарма связывается с армянами в трудах раннехристианских авторов Ипполита и Евсевия, в III и IV вв. н.э.¹¹³ Оттуда эта генеалогия переходит к армянским авторам — Агафангелу, Фавстосу, Хоренаци, Анониму и др. Статус предка армян у Фогармы, таким образом, вторичен. Эта генеалогия могла быть построена на основе традиционного фригийского происхождения армян, а также того обстоятельства, что Армения граничит с Каппадокией. Следующим шагом было наделение и брата Фогармы Аскеназа статусом предка армян (впервые у Корюна, V в. н.э.).

Итак, несмотря на значительную литературу о торговско-каппадокийском происхождении армян, эта идея основана всего лишь на позднем истолковании библейских генеалогий и их сопоставлении с легендой о сражении Арама в Каппадокии. Все эти построения не более чем результат стремлений доказать версию западного происхождения армян. Кстати, торговская генеалогия Гайка может иметь и мифическое основание, если *T'orgom* / *Tegarama* было поздним переосмыслением имени анатолийского бога грозы *Tarhu-* / *Tarku*¹¹⁴. Нужно еще отметить, что ранняя Малая Армения находилась к северо-западу от Великой Армении, на севере Каппадокии и не включала область Малатии и горы Аргей.

Что касается сравнения древних месопотамских названий *ḪA.A* и *Ḫa.a* с Хайасой, то даже при недостаточной разработанности этой идеи, она представляется интересной. Представляет интерес, какими путями могло идти историческое развитие *ḪA.A* (Шубур) — *Ḫayaša* — *Hayk'* (Армения).

Таким образом, хайасская гипотеза несмотря на широкое распространение среди специалистов также имеет слабые стороны. С одной стороны, кажется,

¹¹² См. например И.М. Дьяконов. Малая Азия и Армения...; Г.Х. Саркисян. “История Армении” Хоренаци и клинописные источники; А.В. Косян. Дом Торгома (на арм. яз.). Ереван, 1998.

¹¹³ N. Adontz. Tarkou chez les anciens arméniens // Revue des études arméniennes 1, 1927, p. 190-191; idem. Histoire d'Arménie, p. 319 seq.

¹¹⁴ N. Adontz. Tarkou chez les anciens arméniens, p. 191; A.Y. Petrosyan. Arm. Epic, p. 57.

трудно отрицать, что два таких сходных названия *Հայաճա* и *hay-k'* связаны между собой (другие доводы в пользу гипотезы — локализация последователей первопрародка Армена, а также армянских языческих храмов и кладбища древнеармянских царей на территории бывшей Ацци-Хайасы). Впрочем имеются трудности, препятствующие однозначному принятию последовательности Хайаса — Армения.

Гипотеза Этиуни

Этноним *hay* связан с этнотопонимом *Etiu-* урартских источников IX-VII вв. до н.э. (сохранился в производных формах: ^{KUR}*Etiuni* / *Etiuhi* “Этиуйская страна”). Территория этой страны в основном совпадает с провинцией Айрарат Великой Армении¹¹⁵. Одной из возможных проформ этнонима *hay*, мы видели, могло быть **hat'yo-*, восходящее, например к индоевр. **poti-yo-* или, если это лингвистически и исторически допустимо, к *Ḫatti*. В клинописи нет знаков для звука /ol/, он передавался как *u*. Урартский клинописный *u* почти всегда передает /ol/, и Дьяконов, в английском переводе своей книги, передает клинописное *Etiu* как *Etio*¹¹⁶. В клинописи нет также знаков для /hl/, этот звук мог опускаться в клинописной передаче¹¹⁷. Урарт. *e* вероятно звучал подобно широкому /ɛ/ или даже как /æ/. Возможно, это и есть причина того, что в армяно-урартских совпадениях урарт. *e* в начале слова обычно соответствует арм. *a*¹¹⁸. Можно полагать, что в древнейшем армянском или по крайней мере в одном из его диалектов, звук /a/ имел закрытое произношение, так что был воспринят и транскрибирован через *e* в урартском. Таким образом, протоарм. **hat'i(y)o-* могло быть транскрибировано как *etiu* (заметим, что колебание *e/a* часто встречается в передаче иноязычных названий, например ассир. *Enzite* = арм. *Anjit*, арм. *Ekeleac'* = греч. Ἀκίλοσηνή).

Для этой гипотезы нет необходимости датировать армянский переход индоевропейского интервокального **t > (t') > u* временем после IX в. до н.э. Как название племени, господствовавшего на значительной части нагорья, *Etio* (< **hat'yo-*) могло перейти в урартский язык давно, раньше образования Урарту. Оно могло сохраниться в урартском в этой архаичной форме и после того, как ее источник **hat'yo-* принял вид *hayo* в этиунийском-армянском. Итак, согласно этой гипотезе, выдвинутой нами в 1983¹¹⁹, Армения урартского периода выступает в урартских источниках как *Etiu-ni/hi*.

¹¹⁵ Н.В. Арутюнян. Топонимика Урарту, с. 262 сл.

¹¹⁶ I.M. Diakonoff. The Pre-History..., p. 133-134, p. 21.

¹¹⁷ Для урартской клинописи передача /h/ как ḫ вообще сомнительна, см. И.М. Дьяконов. Материалы к фонетике урартского языка..., с. 42, 52; М.Л. Хачикян. Хурритский и урартский языки. Ереван, 1985, с. 41. К выпадению /h/ в урартских названиях ср., например, соответствие урарт. топонима Abuni арм. Haw(n)uni-, см. Н.В. Арутюнян. Топонимика Урарту, с. 9-10.

¹¹⁸ И.М. Дьяконов. Материалы к фонетике урартского языка..., 48-49 сл; Г.Б. Джаукян. История армянского языка..., с. 428, 431, 441 (ср. например, урарт. euri ‘владыка’ и арм. awtiorid ‘барышня’, т.е. ‘дочь владыки’).

¹¹⁹ А.Е. Петросян. К вопросу о локализации носителей протоармянского языка (на арм. яз.) // IV Конференция молодых лингвистов. Ереван, 1984; он же, Этноним hay как термин социальной структуры общества; он же, Самоназвание армян и вопрос локализации протоармянских племен // Вестник общественных наук, 1991, 5, с. библиографией.

В начале I тыс. до н.э. страна Этиуни была мощной конфедерацией племен, включавшей центральные и северные области Армянского нагорья. История Этиуни, как и других племенных групп и формирований нагорья, малоизученна и еще ждет своего исследователя.

Судя по надписям урартских царей, в результате их вторжений “царства”, составляющие Этиуни не раз были захвачены и разрушены, а население угонялось в плен. В конце IX в. до н.э. урартские цари Ишуини и Менуа упоминают царей Этиухи, которые боролись с Урарту. Надписи более поздних царей сообщают о новых вторжениях и победах над Этиуни. Эти известия пристрастны: сообщается только о победах и завоеваниях царей Урарту. Лишь в некоторых случаях констатируется противоположное. Согласно одной интерпретации фрагмента летописи Аргишти I, при этом могущественном царе этиунийцы вторглись в Урарту и пройдя через все царство, похитили *aštiuzi* города Ардини (к юго-востоку от озера Урмия); это слово толкуется как ‘идол, бог’ и сравнивается с арм. *astuac* ‘бог’¹²⁰. Согласно ассирийскому разведывательному сообщению времен Русы I (около 730-710 до н.э.)

Дважды этинцы восстали против него (т.е. Русы – А.П.). Они приносят ему военные потери. Они разграбили его. В третий раз они объединяются против него. Урса (т.е. Руса – А.П.) прибыл прямо из Турушты (ассирийское название столицы Урарту Тушина – А.П.), (и) идет все же снова против этинцев.

По аналогичному ассирийскому тексту страна “Урарту разрушена”, здесь упоминаются “люди Этуна”, которые, очевидно, и разрушили ее¹²¹. Нет сомнения что этинцы и этунцы, ассир. *e-ti-ni-a-a*, *e?-tu?-na-a-a* (второй текст поврежден) это этиунцы, чье название заимствовано ассирийцами из урартского¹²². В те времена не было никакой другой страны или народа с подобным названием, способного вторгаться в такое мощное царство как Урарту и разрушать его. Вариация *Etina / Etuna* также допускает исходную форму *Etii-*.

Как неоднократно указывал Дьяконов и другие специалисты, в арменизации Армянского нагорья существенную роль сыграла политика урартских царей выселять пленных из захваченных районов. Многие и многие пленные были выселены из Этиуни, их число даже по частично сохранившимся источникам значительно превосходило число пленных, угнанных из западных районов нагорья (немногочисленных по урартским меркам “6600 поселенцев Эребуни”). Согласно одной надписи, царь Менуа (810-786 до н.э.) взял из Этиуни в плен 50 *atibi* т.е. полмиллиона человек¹²³. Трудно поверить в достоверность этого числа, но оно, если даже сильно преувеличено, указывает на масштаб противостояния между Этиуни и Урарту (такого количества пленных было бы достаточно, чтобы сделать

¹²⁰ Г.А. Меликишвили. К чтению одного места в летописи урартского царя Аргишти I // Переднеазиатский сборник. М., 1979; ср. Н.В. Арутюнян. Корпус урартских клинообразных надписей, с. 178, 180, прим. 44.

¹²¹ H. Saggs. The Nimrud Letters. Cuneiform Texts from Nimrud, V. London, 2001, p. 117, 147.

¹²² Е. Грекан. Биайнили-Урарту (на арм. яз., в печати).

¹²³ A.M. Dinçol. Die neuen urartäischen Inschriften aus Körzüt // Istanbul Mitteilungen. Bd. 26, 1976, S. 25-26 (в тексте перевода опечатка: пятьдесят тысяч); M. Salvini. Un testo celebrativo di Menua // Studi Micenei ed Egeo-Anatolici XXII, 1980, p. 167.

язык Этиуни господствующим по всему Армянскому нагорью). Более поздние цари тоже брали огромные массы военнопленных из Этиуни. Перед падением Урарту Руса II (ок. 685-645 до н.э.) говорит об Этиуни как об одной из вражеских стран (среди них упоминаются также Ассирия, Хате, Мушкини и др.), из которой он переселил пленных в Ванскую область¹²⁴. Итак, Этиуни, часто разрушавшаяся урартскими царями и несшая тяжелые потери, была в состоянии сопротивляться и сохранила свою *неурартскую* идентичность вплоть до падения Ванского царства.

Айрарат был центральной провинцией Великой Армении, ее оплотом, доменом царей и политическим, религиозным, культурным центром страны. В этногоническом мифе прародитель Гайк оседает к северу от Ванского озера, но его старший сын Араманеак переходит в Айрарат, Араратскую долину, где и *образуется*, уже после Гайка, Армения (“Армянский мир”). Горы вокруг Араратской долины (Арагац, Масис, Геламские горы) названы по именам преемников Араманеака. Вся провинция и ее центральная равнина названа “полем Ара” по имени последнего этногонического патриарха Ара Прекрасного, погибшего там. Таким образом, от мифического Араманеака до наших дней Айрарат является центром Армении. Почти все армянские столицы находятся здесь (Армавир, Ервандашат, Арташат, Двин, Ани, Ереван и др.)¹²⁵.

В этногоническом мифе отец Ара Прекрасного Арам выступает как завоеватель южных и западных областей Армянского нагорья, его доменом была Араратская долина на севере (т.е. в Этиуни). Мифический Арам неизбежно должен был вобрать в себя воспоминание об Араму, первом известном историческом царе Урарту. После Араму династия и столица Урарту сменились¹²⁶. Следующий известный царь Урарту — Сардури I, сын Лутипри, чьей столицей стала Тушпа (Ван) к востоку от озера Ван.

Шамирам-Семирамиду знают мифы многих народов. В армянской традиции она хоть и выступает царицей Ассирии, но становится эпонимом Урарту. Это она основывает город Ван (т.е. урарт. Тушпу), который у армян назывался также *Šamiramakert* ‘построенный [царицей] Шамирам’ и *k'alak' Šamiramay* ‘город (царицы) Шамирам’. Тушпа была культовым центром богини Тушпуеа, жены бога солнца Шивини, так что Шамирам, эпоним Вана, может считаться поздней версией этой богини, эпонима Тушпы. Тушпу перестроил и сделал столицей Урарту Сардури I (начало последней трети IX в. до н.э.). У Хоренаци и в поздних народных преданиях урартские клинописные надписи и известный оросительный канал Вана, построенный в действительности царем Менуа, также приписываются Шамирам. По легенде она погибает на берегу озера Ван (Хоренаци I.18)¹²⁷. Именно Шамирам побеждает Ара Прекрасного и захватывает Армению, его страну, т.е. Айрарат — ‘поле Ара’ (заметим, что мифологические

¹²⁴ M. Salvini. The Inscriptions of Ayanis..., p. 258, 261.

¹²⁵ Топоним Айрарат и его эпонимы Араманеак и Ара напоминают индоевр. *ar(y)o- и *aryomen-, встречающиеся в названиях индоевропейских племен, стран, священных центров: инд. Āryāvarta, авест. Airyaṇa vaējah, (пехл. Ērān, древнеосет. *Alani ‘аланы’ < *aryana); теонимы: хетт. Āra (< *ār-o-), инд. Aryaman, иран. Airyaman, ирланд. Eremón, герм. Irmin. Заметим, что регулярным рефлексом *aryo- ‘друг, господин’ в армянском было бы аут-, а Араманеак/Арменак могло появиться в результате контаминации *aryomen- с именем второго эпонима армян Арамом (A.Y. Petrosyan. Arm. Epic, p. 83-87).

¹²⁶ Г.А. Меликишвили. Наирн-Урарту, с. 202; M. Salvini. Geschichte und Kultur der Urartäer, S. 35.

¹²⁷ Об этих легендах см. М. Абемян. Труды (на арм. яз.). т. 1, Ереван, 1966, с. 70-71.

герои часто становятся эпонимами тех мест, где они погибают). В армянских источниках говорится о соперничестве Ассирии и Армении, однако, приняв во внимание мифологический характер рассказа, сторонами конфликта можно считать земли соперничавших эпонимов Шамирам и Ара – область города Вана и Айрарат. По-урартски эти земли называются Бианили (т.е. Урарту) и Этиуни соответственно.

Араму правил ок. 860-840 до н.э., тогда как исторический прототип Шамирам, царица Шаммурамат, правила Вавилоном в 810-806 до н.э. Таким образом, конфликт между Шамирам и Ара Прекрасным может рассматриваться как мифологическое отражение завоевания Этиуни Ванским царством в тот же самый период (конец IX в до н.э.). Притом домен Ара, т.е. Армения времени Шамирам, несомненно совпадает с Этиуни.

По легенде Ара был седьмым гайкидским, т.е. армянским правителем Айрарата. Этими семью поколениями в мифе закодирован весь предуартский период армянской истории. После Ара армяне попали под власть Ассирии и смогли освободиться только через много поколений, благодаря падению Ассирии (Хоренаци, I. 21). Согласно арабскому историку Масуди после Шамирам армяне долгое время властвовали над царями Ассирии¹²⁸. В действительности тогда в регионе господствовало Урарту. Эта страна стерлась из памяти народов и противоречие наших данных объяснимо, если принять, что Урарту было отождествлено с Ассирией в фольклоре северян – армян – и с Арменией в фольклоре южан.

Отголосок этиунийского происхождения армян, видимо, сохранился у Хоренаци (1.20; 1.32): во время троянской войны ассирийский царь Тевтамос посылает армянского родоначальника Зармайра с эфиопской армией на помощь троянцам, где он погибает от рук греческих героев (Зармайр, видимо, отождествлен с Мемноном греческой традиции). Возникает вопрос, почему армянский родоначальник стал главой эфиопской армии? Возможно, урарт. *etiū* /et^hio-/ каким-то образом дошло до поздних авторов, переосмысливших его как более понятное им название *Ethiopia*¹²⁹.

Другие гипотезы не привлекают этнических названий, сопоставимых с предпочитаемыми в них праформами армянского этнонима *hay* в огромной массе урартской ономастики, где упоминаются даже самые незначительные племена нагорья. Между тем в этиунийской гипотезе армяне и их страна отождествляются с мощной конфедерацией, второй этнополитической единицей нагорья после Ванского царства (Бианили, Урарту), расположенной точно в той области, которая фигурирует как центр Армении и в этногоническом мифе и в истории.

Гипотеза Этиуни может объяснить переход Урарту-Армения простым способом, как исход конфликта между северным и южным этнополитическими центрами нагорья. После приблизительно двух столетий господства Юга гегемония проходит к Северу. Население этих двух центров и даже правящие элиты могли, по крайней мере частично, принадлежать к одним и тем же этническим группам.

¹²⁸ А. Тер-Гевондян. Отражение мифа “Ара и Шамирам” у арабского историка Масуди (на арм. яз.) // Историко-филологический журнал, 1965, 4.

¹²⁹ А.Е. Петросян. Армянские этнонимы, древнеармянская модель мира и вопрос локализации древнейших армянских племен // Вестник Ереванского университета, 1991, 2, с. 114; он же, Миф об Араме..., с. 124.

Вековое противостояние царей Вана (Биайнили) и Этиуни несравнимо с эпизодическими конфликтами царей Вана и земли Урме-Тарон, на которых останавливался Г.Х. Саркисян (возможно, несравнимо и с войнами царей Вана и всех западных стран нагорья — Арме, Урме, Мушкини, Хате, Цупани и др.).

Эта гипотеза может объяснить и известие Ксенофонта (401 г. до н.э.), что часть Армении называлась “Западной Арменией” (Анабасис, 4.4.4). Значит, восточные территории, то есть земли Этиуни и сопредельные регионы могли пониматься как “исконная” Армения¹³⁰.

Авторы других гипотез искали колыбель армян как на юге, так и на западе Армянского нагорья. Для этого есть объективные и субъективные причины. Сведения древних источников касаются южных и западных областей нагорья; этногонические мифы локализуют первые армянские поселения к северу от озера Ван или в верховьях Евфрата; битва между Гайком и Белом происходит к юго-востоку от Ванского озера; главные культовые центры дохристианской Армении и кладбище царей также находились в верхнем течении Евфрата; наконец, согласно греческим авторам армяне пришли в свою страну с запада, из Фригии. Все серьезные исследователи последних времен — Дьяконов, Джаукян, Иванов, Г.Х. Саркисян и другие признавали наличие протоармян на западе Армянского нагорья в предурартский период. Для этиунийской гипотезы также нет причин отрицать западное происхождение протоармян (хотя это несущественное условие). Однако поиск протоармян на западе в урартский период предполагает, что они попали в центральные и северные области нагорья во времена или после существования Урартской державы. А если мы принимаем, что протоармяне уже жили на территории домена Гайка и в соседних областях до образования Урарту, тогда мы можем датировать арменизацию Айрарата, северных и восточных земель, предстающую в этногоническом мифе как переход второго эпонимического патриарха армян Араманеака в Араратскую долину, также доурартской эпохой.

Еще один аргумент. Из трех сыновей Гайка, старший, Араманеак оставляет домен отца и переселяется в Айрарат. Два других сына, Хор и Манаваз, остаются в домене Гайка и становятся эпонимами округов Хорхорун и Манавазеан. Это требует объяснения. Старший сын патриарха, второй эпоним народа, должен был бы сам остаться в домене своего отца, как это происходит с потомками Араманеака. Это несоответствие логике легенды можно объяснить историческими причинами. Сын Гайка *Хор* считается эпонимом хурритов (клинописный *hurri* = *horā* > арм. *Хор*, древнеевр. *hōrī*, греч. *χοραῖος*)¹³¹, тогда как *Manawaz*, интерпретируемое как иранизированная форма урартского царского имени *Менуа*, может считаться эпонимом урартов¹³². Этногонический миф датирует описываемые события временем на шесть поколений раньше патриарха Арама,

¹³⁰ Об этом см. Г.Х. Саркисян. Урартская держава и армяне, с. 61-64.

¹³¹ Г.А. Капанцян. История армянского языка: древний период (на арм. яз.). Ереван, 1961, с. 114-115; Г.Б. Джаукян. Языковые источники личных имен первой книги “Истории Армении” Мовсеса Хоренаци (на арм. яз.) // Историко-филологический журнал, 1981, 3, с. 55.

¹³² J. Markwart. *Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i*. Berlin, 1901, S. 162; Г.Б. Джаукян. История армянского языка..., с. 441.

который в историческом контексте должен быть отождествлен с Араму, первым царем Урарту (середина IX в. до н.э.). Таким образом, несмотря на методологическую проблематичность исторической реконструкции на основе мифа, переход Араманеака из домена отца можно толковать как миграцию протоармян в Этиуни под давлением хуррито-урартов, имевшим место до царя Араму. Но все же отметим, что эти события точно не датируются¹³³.

Суммируя, можно сказать, что по логике имеющихся данных даже если этноним *hay* не связан с Этиуни, эта страна могла быть заселена армянами еще в доурартскую эпоху. Вот доводы в пользу этой гипотезы:

а) Пространственное и временное соответствие данным этногонического мифа, где Айрарат и Араратская долина становятся центром Армении сразу после первопретка Гайка.

б) Идентификация армян как одного из главных народов нагорья в урартские времена, в противоположность другим гипотезам, по которым армяне необъяснимым образом отсутствуют в обширном списке племен урартских надписей.

д) Прозрачное историческое толкование перехода Урарту — Армения как перемещения господствующего этнополитического центра Армянского нагорья: географически — с юга на север, этнически — от правящей элиты Урарту к армянам.

е) Очевидная армянская этимология имени по крайней мере одного царя *Диуцини/Гиуцини*. Другие гипотезы, локализующие армян на юге и западе нагорья, не приводят даже одного личного имени, которое более или менее надежно этимологизируется по-армянски.

Отметим и слабые места:

а) Форма *Etii* вместо ожидаемого *Atiu*.

б) Невыясненность хронологии перехода **t > y* в армянском.

с) Наличие вероятных неармянских названий в Этиуни и др.

Субъективные факторы

Воздерживаясь от окончательных выводов, можно констатировать, что в настоящее время в научном обращении есть три гипотезы. Эти гипотезы в целом не обязательно альтернативные и по крайней мере в некоторых пунктах, могут быть согласованы друг с другом. Однако это лишь теоретическая возможность и в настоящее время они должны рассматриваться как независимые.

В распространении и оценке этих гипотез личностный фактор был существенным. Дьяконов, автор монографии о предыстории армянского народа, был всемирно известным востоковедом, он продвигал свою теорию в многочисленных работах на русском и европейских языках. Его монография была переведена на английский и стала для западных специалистов единственным руководством при изучении этногенеза и предыстории армянского народа. Так что теория Дьяконова, хотя ее так и никогда в целом не поддерживали другие ученые, широко отражена в различных научных изданиях мира.

¹³³ А.У. Petrosyan. Arm. Epic, p. 179 сл., 187.

Хайасская гипотеза критиковалась из-за неприемлемого лингвистического подхода ее защитника Капанцяна. Однако, в поздних (послекапанцяновских) версиях это фактически единственная гипотеза, широко распространенная среди компетентных ученых. Что касается этиунийской гипотезы, она широко не обсуждалась¹³⁴.

Дьяконов и сторонники хайасской гипотезы критиковали и считали невероятной эту гипотезу, ими отвергаемую¹³⁵ (заметим, что русские и западные читатели хорошо осведомлены относительно идей Дьяконова и его критики хайасской теории, тогда как идеи самого Дьяконова критиковались в менее доступных армянских и русских изданиях, выпшедших в Армении). Обычно оппонирующей стороне оставляли возможность дальнейшей полемики, но порой критика бывала категорической и грубой¹³⁶.

Настоящая работа первая в своем роде, где делается попытка представить все существующие на сегодняшний день гипотезы происхождения армян и дать их критический обзор, отметив сильные и слабые стороны каждой из них. Мы ставили своей целью познакомить читателя с тем научным полем, на котором сегодня развиваются теории армянского этногенеза.

¹³⁴ В некоторых работах О. Карагезян пытался поддержать эту гипотезу, но неприемлемыми доводами, которые подверглись критике, см. Г.Х. Саркисян. Урартская держава и армяне, с. 169; А.Е. Петросян. Самоназвание армян и вопрос локализации протоармянских племен.

¹³⁵ И.М. Дьяконов. Предыстория..., с. 209-213; он же, К пранстории армянского языка, с. 158; I.M. Diakonoff. The Pre-History..., p. 106 ff.; В. Бэнэцян. Ук. соч., с. 107-110; G.B. Djahukian. The Hayasa Language..., p. 387-388; Г.Б. Джаукян. История армянского языка..., с. 281-283; Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов. Ук. соч., с. 913.

¹³⁶ Согласно Вяч. Вс. Иванову, "новейшие открытия, в частности касающиеся топонима и этнонима Науа в его соотношении с Armi и Azi, подтверждают правильность выводов Г. А. Капанцяна и полную ошибочность всех построений И. М. Дьяконова относительно происхождения этнонима hay < *hati и других вопросов этногенеза армян" (Вяч. Вс. Иванов. Выделение разных хронологических слоев..., с. 30, прим. 31). Со своей стороны Дьяконов в английском переводе монографии называет хайасскую теорию "ошибочной" и "неприемлемой", а в другой работе, написанной в соавторстве, читаем: "бочки чернил были пролиты в попытках доказать, что хайассцы были предками Hayk' (армян) — тяжелый случай болезни, называемой 'Sirene des Gleichklangs' " (т.е. сирена созвучий; см. I.M. Diakonoff. The Pre-History..., p. 182, n. 24, 201, n. 120; I.M. Diakonoff and I.N. Medvedskaya. The Kingdom of Urartu. Review of: Das Reich Urartu: Ein altorientalischer Staat im 1. Jahrtausend v.Chr. // Xenia 17, Konstanz. Bibliotheca Orientalis. XLIV 3/4, 1987, 386).

ХЕТТО-ЦУПАНИЙСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ И ИХ БОГИ НА СЕВЕРЕ УРАРТУ

Nvard Tiratsyan
SETTLERS FROM HATTI-SUPANI AND THEIR GODS
IN THE NORTH OF URARTU

In the Urartian inscriptions of the Ararat plain two gods are mentioned, which we do not meet in the other regions of the Armenian Highland: I(u)arša and AMAR.UTU (ideographic rendering of the the supreme Babylonian god Marduk). Those gods, apparently, were brought to the Ararat plain by the Luwian inhabitants of the lands Hatti and Supani settled there by Argišti I at the foundation of the fortress of Erebuni. I(u)arša may be identified with the Luwian god I(y)ariš, while AMAR.UTU in the Luwian tradition represents the god Šantaš.

В двух, имеющих одинаковое содержание, надписях в правой и левой кладках урартского храма *susi* города Эребуни¹ упоминается имя бога Иварша (iuarša)². Аргишти I, основатель города Эребуни, посвятил храм именно этому богу. Спустя примерно сто лет после основания Эребуни, в одной надписи Русы II из Тейшебаини — Кармир Блура упоминается тот же бог, на этот раз в форме Иарша (iarša)³. В урартской клинописи š читался обычно как s, и это имя, скорее всего, произносилось как Иварса/Иарса.

При основании Эребуни Аргишти поселил там 6600 воинов, приведенных из стран Хате и Цупани⁴. Цупани это армянский Цопк, а Хате — район Малатии, унаследовавший название от Хеттской империи. Упомянутые 6600 воинов были, очевидно, из числа пленных, захваченных в походе за год до этого (в основном в Хате)⁵.

К вопросу о происхождении Иварша полвека назад обратился Г. Меликишвили. Так как население названных стран было лувийским, то Иваршу можно идентифицировать с imaršiya, одним из второстепенных лувийских богов. В первой, посвященной этому вопросу статье Меликишвили толкует значение теонима как 'земной'⁶, а во второй уточняет толкование как 'долинный', соотнося его с лувийским словом imaraša 'долина'⁷. Заметим, что в новом

¹ Автор приносит свою благодарность Араму Косяну, Армену Петросяну и Ерванду Грекяну, предоставивших литературу, ознакомившихся со статьей до ее выхода в свет и сделавших ряд ценных замечаний.

² Н.В. Арутюнян, Корпус урартских клинообразных надписей (далее КУКН), Ереван, 2001, с. 195-196.

³ КУКН, 424. В отличие от советских исследователей И. Фридрих читает i(u)arša, как i(u)urša (см. J. Friedrich. Urarätische Kleinigkeiten 1) Zu den neuen Gottesnamen // Archiv für Orientforschung, XIX, Graz, 1959-1960, S. 32. Крайне гипотетическую интерпретацию на основе этого прочтения см. А.А. Вайман, Сообщение урартских царей о потерях врага и урартский бог мертвых // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского, С.-Пб., 1994, с. 15-16. Одна и та же клинопись может читаться и ag и ub, но в урартских текстах засвидетельствовано только первое чтение (см. КУКН, с. 211-212, примеч. 1).

⁴ КУКН, 173, II; КУКН, 174, A2.

⁵ Г.А. Меликишвили, К вопросу о хетто-цупанийских переселенцах в Урарту // Вестник древней истории (далее ВДИ), 1958, N 2, с. 41-42, 47, примеч. 30; Б.Б. Пиотровский, Ванское царство, М., 1959, с. 159; И.М. Дьяконов, Предыстория армянского народа. Ереван, 1968, с. 233, примеч. III.

⁶ Г.А. Меликишвили, ук. соч. с. 45-46.

⁷ Г.А. Меликишвили, К изучению древней восточно-малоазийской этнонимии // ВДИ, 1962, N 1, с. 60-61.

капитальном труде по истории хеттской религии Ф. Хааса имя этого бога представляется как *immaṣṣi* и этимологизируется как ‘дух плодородия’⁸.

А. Петросян предлагает для имени Иварша другой прототип. Поскольку Иварша почитался в храме суси, который в других случаях был посвящен верховному богу Халди, то он тоже должен был быть великим богом. Среди великих лувийских богов *i(u)aṣša* сопоставим с *i(y)aṣṣi*-ом⁹. Были предложены и другие этимологии имени Иварша¹⁰.

И. Дьяконов и Г. Саркисян также считают Иварша богом пришедших из Хате и Цупани переселенцев. Притом, полагается, что они полностью или частично были носителями армянского языка¹¹. Однако не делается попыток этимологизировать теоним на базе армянского. А по мнению Н. Арутюняна и М. Исраэляна Иварша был богом коренных жителей Араратской долины¹².

С. Амаякян считает, что второе упоминание Иварша свидетельствует о том, что в Араратской долине, в частности, в стране Ваза (*ʾAza*) проживало население, почитающее Иваршу, и сохранившую свою самобытность в течение ста лет. В послеуруартский период этот бог, вероятно, был идентифицирован с Митрой¹³.

Когда в одной из Тейшебаинских надписей Русы II во второй раз встречается бог Иварша (уже в форме Иарша), в это же время, в том же месте, в другой надписи того же царя в первый и в последний раз упоминается имя другого чуждого урартскому пантеону бога — *AMAR.UTU*¹⁴. Эта идеограмма главного вавилонского бога — Мардука, который упомянут здесь в формуле проклятия, после верховной триады урартских богов.

Первые письменные сведения о Мардуке известны со второго тысячелетия до н. э. Упоминаются, в частности, мудрость Мардука, его умение лечить болезни. Основная легенда о Мардуке известна из космогонической поэмы “Энума элиш”. Где говорится, что он убивает Тиамат, поразив ее стрелой и положив тем самым начало упорядоченной вселенной, а затем становится верховным богом. В другой легенде говорится, как бог войны и чумы Эрра обманом забирает власть у Мардука и творит ужасные злодеяния. С XIV века до н. э. культ Мардука распространяется также в Ассирии, где ему, однако, противостоит местный бог Ашшур. Позже Мардук и Ашшур часто отождествляются и замещают друг друга¹⁵.

Упоминание бога Мардука в Урарту Н. Арутюнян объясняет присутствием в стране Ваза “вавилонского” населения. Этих людей могли увести в плен и переселить в Араратскую долину во время походов в страну Вавилу Аргишти I в 781 или Сардура II в 751/750 до н.э.¹⁶ Еще есть гипотетическое мнение, что

⁸ V. Haas. *Geschichte der hettitischen Religion*, New York, Köln, 1994, S. 582, Anm. 278.

⁹ Ա.Պետրոսյան. Հայոց ազգամազման հարցեր. Երևան, 2006, էջ 42:

¹⁰ О.О.Каргезян. Локализация урартского царского города Арцашку // Вестник общественных наук, 1976, 5, с. 79; Ա.Պետրոսյան. «Շարայի ցեղամիությունը» Հայկական լեռնաշխարհի հյուսիս-արևելքում (մ.թ.ա. VI-VIII) // Լրագրեր հասարակական գիտությունների, 1979, 12, էջ 75:

¹¹ И. М. Дьяконов, Ук. соч., с. 233.; Գ. Սարգսյան, Ուրարտական պետությունը և հայերը // Ուրարտու-Հայաստան, Երևան, 1988, ր. 117-118.

¹² Н. В. Арутюнян, Новые урартские надписи Кармир-блур, Ереван, 1966, с. 94. КՄԿՆ, с. 211, 484; Ս. Բարսեղյան, Էրեբունի բերդ-քաղաքի պատմությունը, Երևան, 1971, ր. 78-79.

¹³ Ս. Հմայակյան, Վանի բազալիորտյան պետական կրոնը, Երևան, 1990, էջ 60-63.

¹⁴ КՄԿՆ, с. 427.

¹⁵ В.К. Афанасьева, Мардук // В кн. Мифы народов мира, т. II, М., 1982. с. 110.

¹⁶ В. Н. Арутюнян, Указ. соч., с. 96-97, КՄԿՆ, с. 358. примеч. II, 412.

идеограммой AMAR.UTU именовался четвертый бог урартского пантеона Хутуини¹⁷.

Ниже изложим наши соображения об обстоятельствах утверждения этих двух богов в Араратской долине. Наиболее приемлемым нам представляется толкование имени Иварша, предложенное А. Петросяном, которое мы дополняем своими доводами. Иварша, как было сказано, был почитаем в специальном типе урартских храмов, называемом суси, а эти храмы почти всегда были посвящены богу Халди¹⁸. Значит по некоторым характеристикам Иварша был соотносим с Халди¹⁹. Известно, что в Урарту культ Халди настолько превосходил поклонение другим богам, что был сопоставим с единобожием²⁰. Такую приверженность культу Г. Капанцяна охарактеризовал как “халдоманию”²¹. Особенностью политики Урартского государства было введение на захваченных территориях культа бога Халди, что отличало Урарту от всех других империй древнего Востока²². В этом случае во вновь завоеванной стране храм, типичный для Халди, был возведен в честь другого бога и, вероятно, который являлся неким аналогом Халди.

Н. Арутюнян, предполагая, что Иварша это один из богов коренных жителей Араратской долины, пишет, что сооружение для него храма есть выражение дальновидной политики и определенного уважения к местному населению. Но Аргишти, поселивший в Эребуни чужеземных воинов, имел целью покорить местное население и вряд ли бы выделил в крепости храм для местного божества. Представляется более вероятным, что он, скорее всего, выразил бы уважение и возвел храм для бога переселенных с запада и служивших ему воинов гарнизона, а не для покоренного населения.

Значит для Иварша, вероятно, следует искать не местные истоки, а западные. Как мог Аргишти, приверженец Халди, построить храм суси для какого-то чужеродного второстепенного божества, возвысив его до Халди и тем самым унизив последнего? Если принять этот довод, а затем и аргументы большей части исследователей о том, что культ Иварша принесен из лувийских стран Хате и Цупани, то для этого бога нужно искать прототип великого божества в лувийском пантеоне.

Имена великих лувийских богов известны. Известно также, что культ лувийских богов не передавался другим культурам, за исключением богов войны и чумы — Ийаррис/Иарриса, Сантаса и бога солнца Тивата, которые перешли в обшехеттский пантеон²³ (лув. iyarriš/iarriš, šantaš, tiuat; конечное š в первых двух словах — окончание именительного падежа, которое, как и урартское š, произносился s). Очевидно, что среди них Иварша (читать: И/в/арса/Иарса) из-за сходства имен

¹⁷ Н. Чардакян, Н. Слртыжян, Բիայնի-Վանի բազմոթորյան դիցարանի դասակարգման փորձ, Հայաստանի Հանրապետության 1989-90 թթ. դաշտային հնագիտական աշխատանքներին նվիրված գիտական գեկուցումների թեզիսներ, Երևան, 1991, էջ 58:

¹⁸ Известен только один случай, когда храм суси был посвящен другому богу — Ирмушину (см. КЭЖН, 247).

¹⁹ Г.А.Меликишвили, К вопросу о хетто-цупанийских переселенцах в Урарту, с. 45-46, У. Բարսեղյան, укр. соч. с. 79, У. Հմայակյան, укр. соч., с. 60.

²⁰ У. Հմայակյան, Նշվաշխ., էջ 34:

²¹ Գ. Ղափանցյան, Ուրարտուի պատմությունը, Երևան, 1940, էջ 114:

²² И. М. Дьяконов, Жертвоприношения в Тейшебани // Кавказско-ближневосточный сборник, Тбилиси, 1988, с. 58; он же, К вопросу о символе Халди // Древний Восток, IV Ереван, 1983, с. 190.

²³ O. R. Gurney. Some Aspects of Hittite Religion. Oxford, 1977, p. 16.

может быть соотнесен с Иаррисом (возможно, с прибавлением суффикса *-а*, типичного для урартских теонимов, ср. *Тейшеба*, *Айа*, *Куера* и др.)²⁴.

Соотношение Халди и Иарриса убедительно также и по функциональным характеристикам — и Халди, и Иаррис — боги войны. Отличительным оружием Иарриса был лук, он и именовался *bel qušti* — “владыкой лука”²⁵. Иаррис соответствует или даже идентичен Эрре/Ирре — месопотамскому богу войны и чумы²⁶, который был также богом огня²⁷. Кажется, что Эрра, который спускается в подземное царство и возвращается оттуда, неотделим от воина Эра из легенды Платона, который, погибнув, воскресает затем на погребальном костре²⁸. Эр в свою очередь, издавна отождествлялся с армянским героем Ара Прекрасным. Примечательно то, что и Халди в послеурартский период вероятно отождествлялся с Ара Прекрасным²⁹. На одном щите IX века до н. э. Халди изображен в момент битвы, охваченный пламенем. В одной руке у него копье, в другой — лук³⁰. Таким образом образ и функции Иарри и Халди, как воинов-лучников, связанных с огнем, сопоставимы. В этом, кажется, также проявляется некая общность образов Халди и божеств имеющих сходные имена — Иаррис, Эрра, Эр, Ара, что может быть интересно с точки зрения выявления происхождения культа Халди.

Лувийские истоки можно найти и для другого бога араратской долины AMAR.UTU. Эта идеограмма известна по десяткам хетских текстов³¹. В хетто-лувийском мире этой идеограммой обозначался лувийский бог *šantaš*³² (это имя обычно читают как Сантас, Сандас). Впервые этот бог под идеограммой AMAR.UTU является в тексте мирного договора между царем нового хеттского царства Мурсилисом II и хайасским царем Анниа (XIV век до н.э.). Сантас AMAR.UTU известен из описания лувийского обряда *зарния*. Во время обряда ему и “бешеным” богам приносили в жертву козлов, для того, чтобы уберечься от чумы — эпидемии, возникшей по поверьям от Сантаса и окружающих его кровожадных богов — Иннаравантов³³. Сантас, как бог войны и чумы, определенно равноценен богу Иаррису. Он тоже вооружен луком, что еще более сближает двух этих богов³⁴.

Имя Сантас не имеет однозначной этимологии³⁵. Этот культ перешел и в последующие века. Так, для семитского населения Сантас был тем же, что бог Ваал города Тарсус/Тарсона (в Киликии), а для греков — главным богом того же

²⁴ Об этом суффиксе в урартских именах богов см. М. Хачикян. Хурритский и урартский языки. Ереван, 1985, с. 58.

²⁵ O. R. Gurney, укр. соч. с. 16; V. Haas, укр. соч. с. 370-371.

²⁶ В.К. Афанасьева, Эрра // В кн. Мифы народов мира, т. II, с.669; V. Haas, укр. соч. с. 370.

²⁷ J.J. Roberts, Erra — Scorched Earth // Journal of Cuneiform Studies 24, 1971.

²⁸ Է. Ե. Պետրոսյան, Արա Գեղեցիկ և սուրբ Սարգիս // Հայոց սրբերը և սրբավայրերը. Երևան, 2001, էջ 168:

²⁹ Է. Ե. Պետրոսյան, Հայոց ազգաձագնան հարցեր, էջ 18-23:

³⁰ O. Belli. The Anzaf Fortresses and the gods of Urartu. Istanbul, 1999, p. 37-41, fig 17.

³¹ B. Van Gessel. Onomasticon the Hittite Pantheon. Leiden, New-York, Köln, 1998, p. 607-608.

³² E. Laroche. Recherches sur les noms des dieux Hittites. Paris, 1947, p. 88; O.R. Gurney, укр. соч., с. 16, 29-30; V. Haas, укр. соч. с. 371.

³³ O.R. Gurney, укр. соч., с. 16, 29-30.

³⁴ O.R. Gurney, укр. соч., с.16; V. Haas, укр. соч. с. 370-371. В Урарту козлят приносили в жертву только богу Халди, что интересно в контексте приведенных урарто-лувийских связей.

³⁵ P. Houwink ten Cate. The Luwian Population Groups of Lucía and Cilicia Aspera During the Hellenistic Period. Leiden, 1961, p. 136, n. 3 (предполагается, что это бог “асианского” происхождения, хотя предложена индоевропейская этимология).

города, отождествленный с Гераклом³⁶. Из малоазийских греческих надписей известен ряд собственных имен, начинающихся с составляющей sand-, происходящих от этого теонима³⁷. С Сантасом идентифицируется и предполагаемый эпитет Зевса *zant*³⁸.

В одной лувийской иероглифической надписи, найденной в районе Кесарии, Мардук упоминается под своим именем (*marutikas*), которому его служитель или жрец поставил каменную стелу³⁹. Значит, в стране Хате в послеурартский период лувийцы почитали также и Мардука под его настоящим именем.

Можно предположить, что культ Мардука также был принесен в Араратскую долину переселенцами из стран Хате и Цупани. Допустимы два варианта. Мардук Араратской долины мог представлять именно заимствованного лувийцами Марутикас — Мардука, имя которого в соответствии с клинописным написанием представлено идеограммой AMAR.UTU. Но насколько вероятно, чтобы пленные лувийцы принесли с собой не одного из своих верховных богов, а только единожды упомянутое у них божество, то есть какой-то заимствованный культ? Более убедительным представляется, что и здесь под идеограммой AMAR.UTU имелся в виду Сантас.

От падения хеттского царства до восшествия на престол Аргишти I прошло более четырех столетий. Исчезла хеттская клинописная школа. Но традиции хеттского государства прямо продолжались в послехеттских странах к западу от Армянского нагорья (в том числе Хате-Малатии), где еще долго владычествовали различные ветви хеттской царской династии⁴⁰. Особенности урартской письменности показывают, что она продолжает традиции письменности Митании и хеттского царства⁴¹. Таким образом, то, что Сантас представлен идеограммой AMAR.UTU, можно объяснить традициями как переселенцев из страны Хате, так и урартских писцов.

В пользу нашего предположения может быть истолковано и то обстоятельство, что Мардук появляется одновременно с богом Иварша, в том же городе. Таким образом вероятно, что Иварша это Иаррис, а AMAR.UTU — Сантас, оба великие боги — войны и чумы — у лувийцев. На новом месте они сохранили свое высокое положение: первый был отождествлен с верховным урартским богом Халди, а второй шел после верховной триады богов.

³⁶ Р. Н. J. Houwink ten Cate. Ук. соч., с. 136-137. Исходя из предполагаемых грозовых функции Сантаса с этим именем соотносилось армянское слово շանք/շանկ 'молния' (см. Հ. Ածառյան, Հայերենի արմատական բառարան, հ. III, Երևան, 1977, էջ 494; Г. Б. Джаукян. О соотношении хайасского и армянского языков // Историко-филологический журнал, 1988, 2, с. 79). Однако, известные функции Сантаса связаны с войной и чумой. В лувийском пантеоне богом грозы был Тархунтас. Сантас, как великий бог, мог отождествляться с великими богами, имеющими "грозовые" функции, как Зевс и Ваал, но "грозовые" функции ему не были свойственны.

³⁷ Р. Houwink ten Cate. Ук. Соч., с. 137, 231-232.

³⁸ Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. В. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984, с. 903 (цит. по М. L. West. Hesiod. Theogony. Oxford, 1966, p. 301): Если это так, то в лувийском или хотя бы в одном из его диалектов первым согласным в имени *Šantaš* был не с и не ш, а звук, передаваемый в греческом как z. В таком случае возможно, что этимология армянского слова ծանո/ծանկ 'жестокый, безжалостный', злой', 'чума' каким-то образом соотносима с *Šantaš* (ծանո/ծանկ обычно считается иранским заимствованием, см. Հ. Ածառյան, Հայերենի արմատական բառարան, հ. II, Երևան, 1973, էջ 227). И еще есть предположение, что Сантас это бог, выступающий в грузинском языческом пантеоне как Задени, что не вызывает доверия (см. Г. А. Меликишвили, К изучению древней восточно-малоазийской этнонимии, с. 52; А. М. Апакидзе. Культура Грузии в античную эпоху // Очерки истории Грузии, т. I, Тбилиси, 1989, с. 397).

³⁹ J. D. Hawkins, Corpus of Hieroglyphic Luwian Inscriptions, Vol. I. Inscriptions of the Iron Age. Berlin, New-York, p. 494.

⁴⁰ Լ. Շուրյան. Մ. ք. ա. XII դարի մերձավորարևելյան ճգնաժամը և Հայկական լեռնաշխարհը. Երևան, 1999, էջ 140-155:

⁴¹ И. М. Дьяконов. Урартские письма и документы. М.-Л., 1963, с. 18-25.

Армине Зограбян

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТОВАРО-ДЕНЕГ НА ТЕРРИТОРИИ АРМЯНСКОГО НАГОРЬЯ В III-II ТЫС. ДО Н.Э.

Armine Zohrabyan

THE DIFFUSION OF PRIMITIVE MONEY IN ARMENIAN HIGHLAND IN III-II MILL B.C.

The origin of primitive money is one of the complicated issues of numismatics. The economic history links the origin of primitive money only with develop of trade relations. The monetary historians usually represent the cattle, grain and metallic ingots as the goods devoted to the service of trade in prehistoric period. Nevertheless, it is considered that the oldest and most widespread primitive money used by humanity are the seashells. The purpose of this study reveals the meaning of seashells as the currency basing on their semantic meaning.

The applying of was frequent shells in funeral rituals of Bronze Age in Armenian Highland.

From the ancient time, seashells relate with worship of Mother Goddess symbolizing the fertility. Goddess of fertility appeared as the patron deity of navigation and trade. Shell in Armenian has three meanings: shell, stamp and female organ. The English word coin has originated from Latin cannas which is translated female organ, bread, cone shape wedge and was used in Middle Age for the die for striking coins.

The Sumerian people were using truncated cone shape shells in form of spiral as money in the mid of III Mill B.C. The vast types of gold, silver and bronze ornaments of Early Bronze Age have the shape of spiral are made with certain and fixed weight according the Sumerian weight system. We suppose that the origin of spiral shape ornaments relates with different forms of seashells that were not used only as decorations but also appeared as the measure of payment. Thus, we can conclude that in early stages of trade exchange the humanity have used such forms of currency whish the same time would be connect with worship of Mother Goddess. As the seashell is the oldest symbol of Mother Goddess, namely the fertility it was became the oldest uncoined medium of exchange. More important to add that during many centuries goddesses of fertility were the patron deities of trade and coin mint.

История товаро-денег или так называемых примитивных денег уходит корнями в глубь веков. Несмотря на обильный археологический и этнографический материал, история возникновения денег является одной из недостаточно изученных. В какой мере тот или иной товар играл роль денег, на каком этапе истории товаро-денеги выделились среди других товаров, выступая как эквивалент цен, до сих пор остается одним из сложных вопросов в нумизматике. Главная наша цель заключается в том, чтоб выявить именно те товаро-денеги, которые были в обращении на Армянском нагорье и найти объяснение, почему именно эти виды примитивных денег выделились в качестве расчетных и обменных единиц.

Безусловно, возникновение денег в первую очередь связано с развитием товарообмена и образованием рынка, базированного на балансе спроса и предложения. В древнем мире все виды товаров, которые имели расчетное значение, одновременно являлись немонетными формами денег. В конечном

итоге деньги в первую очередь появились с целью определения цены товара для его выгодного обмена.

Из истории экономики известно, что в домонетный период человечества эквивалентом цен на товары в основном являлись поголовье скота и зерно. В эпоху энеолита и ранней бронзы процессы “узкой специализации” выявили новые виды и разнообразные формы товарообмена. Вместе с открытием металлов разнообразные предметы из бронзы, серебра и золота начинают не только служить своим функциональным назначениям, но и выступают как эквивалент цен и средства расчета других товаров. С открытием драгоценных металлов золото и серебро становятся не только символами высокого статуса элиты общества (вожди, верховные жрецы), но и приобретают функции денег, выступая как расчетное и платежное средство в товарообмене, в налоговой политике и сакральных пожертвованиях. Вместе с драгоценными металлами появились также узаконенные весовые единицы, названия которых впоследствии легли в основу денежных единиц.

Считается, что самой древней и распространенной формой товаро-денег являлись морские раковины, которые, впоследствии были дополнены другими формами примитивных денег (скот, зерно, металл). Еще в эпоху палеолита именно морские раковины вместе с кремнем и обсидианом (вулканическим стеклом) являлись важнейшим обменным товаром.

Сакральное значение морских раковин достаточно освещено в научной литературе. Но до сих пор в нумизматической литературе нет общепринятой точки зрения на вопрос, почему именно раковины, которые не имели материальной ценности или функционального значения, могли выделяться среди других товаров и, более того, сохранили свою роль примитивных денег даже после возникновения таких важнейших товаро-денег как зерно, скот, металлы. По нашему мнению, использование морских раковин в качестве обменного средства было обусловлено их ритуальным и культовым значением. Наша цель выявить ту ритуальную и товарообменную связь, которая обобщала многофункциональность морских раковин.

Моллюски, живущие в раковинах, самый ранний вид пищи древних людей, когда они еще не научились выращивать хлеб и не одомашнили скот. Поэтому не исключено, что с появлением культа Богини-матери одним из важнейших символов плодородия становится именно раковина. Древние люди, обитавшие у берегов морей и рек, верили, что звук музыкального инструмента из раковины — голос первого существа.¹ Индийские мистики связывают раковину с дыханием Вишну. В латинском языке слова *spiral*, означает и спираль, и дыхание. От этого корня происходит слово *spiritus*, означающее дух, душа. Такое мировосприятие придавало раковинам особое сакральное значение, как начало всего сущего на земле.

В последнее время в нумизматической литературе часто упоминаются так называемые шумерские деньги-раковины, представляющие собой конусообразные раковины, срезанные поперек оси в виде спирали 1.5 оборота (рис. 1).

¹ Трессидер Дж., Словарь символов, М., 1999, стр.302

Начиная с IV тыс. до н.э. орнамент спирали занимает господствующее положение среди других символов, используемых в искусстве древнейших цивилизаций. Именно разнообразные виды раковин легли в основу этого орнамента.²

Самыми распространенными формами украшений в эпоху ранней бронзы (первая половина III тыс. до н.э.) являются височные украшения из золота, серебра и бронзы, тоже в виде спирали в 1.5 оборота, очень напоминающие срез раковин-конусов, используемых в Шумере как деньги. Такие золотые спиралеобразные височные украшения найдены из раскопок Шенгавита и Мецамора³ и имеют свои аналоги в Месопотамии, Эгейском мире и Малой Азии (рис. 2). Особенно многочисленны эти украшения из раскопок Трои, названные в научной литературе раковинообразные (*shellshape*)⁴.

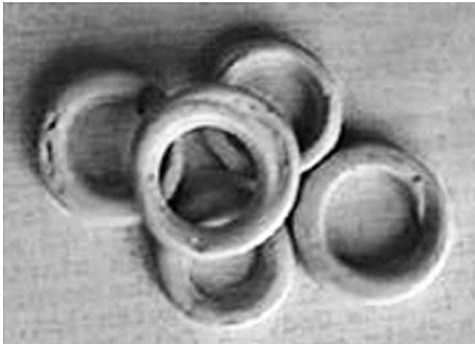

Рис. 1
Шумерские деньги-раковины
III тыс. до н.э.

Рис. 2
Золотые височные украшения
III тыс. до н.э.

Другой распространенный тип украшений ранней бронзы подвески в виде полумесяца с концами, закрученными в спирали. Такие украшения найдены из Гехарота и Беркабера⁵ (рис. 3). Этот орнамент известен как *papyrus lily* (папирусовая лилия) или скипетр богини Иннаны-Иштар⁶. На межевом камне из Суз изображены символы богов шумеро-аккадского пантеона, где Богиню-мать символизирует пуповина и нож на алтаре и где пуповина изображена с концами закрученными в спирали, как *papyrus lily*.

В древнем мире морские раковины были связаны с женским началом, символизируя плодородие. В этом отношении интересно замечание А. Пилипосьяна, который представил общность сакрального восприятия, существовавшего между раковинами, женским началом и печатью. Приведя многочисленные примеры, он подчеркивает, что большая часть печатей из

² Богаевский Б.Л. Раковины в расписной керамике Китая, Крита и Триполья. Гаимк. Ленинград 1931

³ Հին Հայաստանի ոսկին. Երևան 2007, էջ 72

⁴ Сокровища Трои из раскопок Т.Шлимана, Каталог выставки, Москва 1996, стр. 204

⁵ Հայրապետյան Ա. Վաղ բրոնզեդարյան վզնոց Գեղարուտից. Հին Հայաստանի մշակույթը – XIII, Երևան 2005, էջ 75-85; Գալստյան Ս. Բերքաբերի կուր-արարյան մշակույթի դամբարանադաշտը, ԼՀԳ թիվ 6, Երևան 1991, էջ 121

⁶ Эванс А., Критское линейное письмо, Вестник древней истории, N 3, М 1939, стр 33

могильников эпох энеолита и ранней бронзы относятся к женским погребениям.⁷ Автор справедливо замечает, что в армянском языке слова կնիք-*knik* (женщина) и *kniq* (печать)⁸ имеют единый корень. Обращаясь к значению термина փիշ-*tir* автор приводит этимологию Гр. Ачаряна. Термин имеет несколько значений:

Рис. 3. Подвеска в виде *parigus lily*, III тыс. до н.э.

1. След печати (оттиск)
2. Печать девственности и женский половой орган
3. Раковина.

Добавим, что Гр. Ачарян приводит еще одно значение - монетный штамп⁹.

В качестве аналога приведем латинское слово *sinneus*, которое означает клин и имеет общий корень с другим словом *sinnius*, имеющее несколько значений:

1. Женский половой орган
2. Блудница
3. Хлебец.

От этого корня происходит и английское слово *coin* - монета, которая в средние века означала монетный штамп¹⁰.

В древней мифологии два самых распространенных вида морских раковин - каури и конусообразные, связывались с культом плодородия, и символизировали женское начало, еще и потому что местом их распространения являлись моря и реки, т. е. вода, Всемирный океан. В космогонической мифологии именно в воде обитала Богиня-мать, из пупка которой боги создали землю, сушу. В армянских верованиях бездетные женщины посещали ритуальное место, называющееся փիշփիշփի-portakar (пуп-камень). Почти у всех народов главные реки носят эпитет *мать* (Мать Аракс, Матушка Волга т.д.). Это представление о происхождении земли нашло свое отражение в мифологическом мировосприятии древнего Ирана, где богиня плодородия Анаит в зороастрийской мифологии выступает с эпитетом Ардвисура, что означает “текущие воды, река”.

⁷ Մ. Փիլիպոսյան, Հայկական լեռնաշխարհի կնիքները հին Արևելքի կնքագործության համակարգում, Երևան 1998, էջ 92-93

⁸ Лучшим примером общности этих понятий может служить армянское слово ՅԻՃՆԵՍՈՐ — помолвка, что дословно переводится ставить знак.

⁹ Հր.Աճառյան, Հայերեն արմատական բառարան, հտ. IV, Երևան, 1979, էջ 408

¹⁰ Hill G.F. G. F. A Handbook of Greek and Roman Coins, London 1899, p. 2

Многие черты культа Богини-матери в дальнейшем перешли в символику богинь плодородия (Иннана, Иштар, Астарта, Кибела, Изида, Афродита и т. д.). Одним из важнейших атрибутов богинь плодородия и любви становятся морская раковина и жемчуг. В греческой мифологии в эпоху Золотого века человечество использовало золотые раковины, т.е. достаток и богатство воспринималось древним человеком не только в виде золота, но и раковины.

Находки раковин при раскопках погребений на территории Армянского нагорья достаточно распространены. Интересно, что они встречаются не только как украшения в виде бус, но и как отдельный элемент погребального убранства в виде единичных конусообразных или перламутровых раковин.

Многочисленные орнаменты спирали на керамике бронзового века, которые возникали по аналогии с различными видами раковин, свидетельствуют о широком распространении этого символа плодородия. В погребениях средней и поздней бронзы Армянского нагорья часто встречаются глубокие миски, получившие название “ореховидных”. (рис.4). Но по форме они больше напоминают раскрытые раковины двустворчатых моллюсков¹¹ (рис.5). Этот тип раковин из семейства *unio* самый распространенный в Армении.

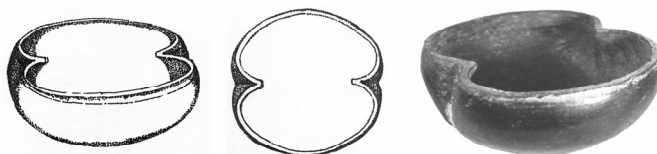

Рис. 4. Керамическая миска, Лчашен, II тыс. до н.э.

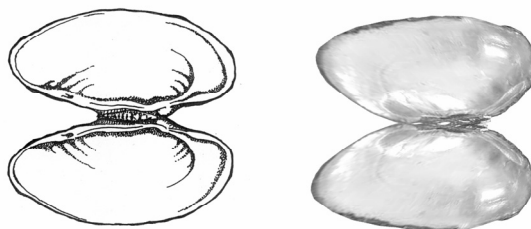

Рис. 5. Перловица обыкновенная (*Unio pictorum*).

Морские раковины воспринимались, как земное местопребывание луны, а жемчуг как ее осколок. В христианское время символы богинь плодородия, в том числе и раковина, нашли свое отражение в культе Богородицы, например, Иисус это жемчуг, а чрево Марии - раковина.

Одна из функций Богини-матери - покровительство городов. В армянском языке *իշրիշիւր* или *րիշիւրիւր* (столица) переводится как мать-город. С древнейших времен город располагался на торговых путях, а отличающим признаком древнего города было присутствие рынка. Можно предположить, что

¹¹ Благодарим скульптора А. Геворгяна за точное замечание о сходстве форм мисок и двустворчатых раковин.

заменившие Богиню-мать богини плодородия переняли у нее роль покровительницы не только городов, но и торговли. Египетская богиня Изида носила эпитеты “Морская звезда” и “Покровительница моряков”. Известно, что культ египетской Изиды в Древней Греции и Риме распространили именно морские торговцы, среди которых эта богиня почиталась больше других.¹²

В древнем Египте в качестве денег использовались золотые кольца, внешне напоминающие шумерские монеты-раковины. На одном из египетских фресок изображена сцена взвешивания золотых колец, где в качестве гири выступает голова быка. Но самое главное, что коромысло весов дано в виде женской головы.¹³

Рис. 6. Изображение весов, Египет, II тыс. до н.э.

Мы предполагаем, что на египетских весах изображена богиня Изида - покровительница торговцев. Процесс взвешивания всегда находился под покровительством бога солнца (Осирис, Митра, Михаил)¹⁴, но если коромысло весов сравнить с осью и мировым деревом, то последнее выступает как женский символ плодородия. Именно древо жизни изображалось на женских головных уборах и фартуках. В Карабахе до сих пор есть поверье, что нельзя одолжить весы соседу после заката солнца. Но если сосед не может ждать, то он, как залог, оставляет фартук хозяйки своего дома и забирает весы. В этой традиции не трудно заметить отголосок культа Богини-матери¹⁵.

Торговцы всегда преклонялись перед Богиней-матерью и в своих торговых сделках пользовались ее символами, в том числе и морскими раковинами. Не зря жрицы храмов богинь плодородия всегда занимались ритуальной проституцией, обслуживая в первую очередь именно чужеземцев. В древнем мире только люди, занимающиеся торговлей, имели право ступить на территорию других племен или

¹² Дониини А., Люди, идолы и боги, М. 1966, стр. 101

¹³ Eaglton C., Williams J. Money: A History London 2007, p. 16

¹⁴ Мифы народов мира, т. I, М. 1987, стр. 234

¹⁵ Благодарим С. Оганнесяна за любезно предоставленную нам информацию.

государств. По всей вероятности именно храмы покровительниц торговли служили местом стоянки торговцев.

Известно, что именно с этими богинями был связан культ луны. К. Мелик-Пашаян в своей книге приводит чрезвычайно интересный обычай у армян, связывая его с культом богини Анаит. По армянским верованиям, во время полнолуния, если луне протянуть монету, денег будет больше¹⁶.

Хочется добавить еще один важный ритуал, связанный с культом богини Анаит, позднее трансформировавшийся в христианский обряд. В церквях, построенных на культовых водных источниках, каждый входящий бросает монету в воду, надеясь на благополучие.

На одном из Сасанидских наскальных рельефов богиня Анаит изображена с прической или головным убором напоминающим спиралеобразные раковины (рис. 7). Известно, что в Иране храмы богини Анаит строились именно на источниках. По всей вероятности такой обычай существовал и в древней Армении. Об этом свидетельствует название одной из деревень в Лори – Ардви. Это название напоминает эпитет Анахиты в персидском пантеоне – Ардвисура. В деревне есть местность под названием *oʒh ɯnɾɪɾ* – *otsi port nɯn zmeu*, Это невысокая скала, центральная часть которой выделяется другим цветом, напоминающим змею, из под брюха которой течет вода. Рядом другая деревня – Одзун от слова *oʒ* – *ots* змея. Между двумя деревнями, над ущельем, в скале вырублен монастырь, внутри которого находится родник. Паломники, посетившие это труднодоступное святое место, бросают в родник монеты. Название и значение этих местностей дают основание предположить, что этот район был связан с культом богини Анаит.

В нумизматике самым распространенным примером связи между монетами и богинями плодородия является сам термин *moneta*, происходящий от эпитета верховной богини Рима Юноны Монеты – Юнона Предупреждающая, так как монетный двор Рима находился при храме этой богини.

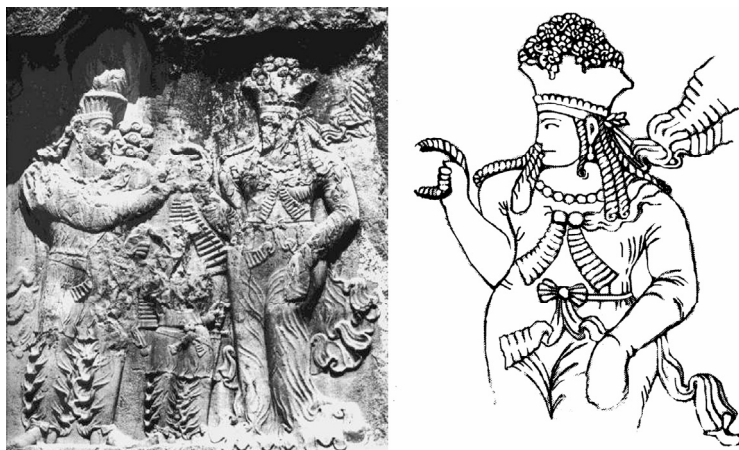

Рис. 7. Рельефное изображение из Накш-и Рустама, III в. н.э.

¹⁶ Մելիք-Փաշայան Կ.Վ. Անահիտ դիցուհու պաշտամունքը. Երևան, 1963, էջ 71

Самое раннее письменное упоминание об использовании драгоценных металлов, как средства оплаты при товарообмене, встречается в шумерской эпической поэме “Энмеркар и верховный жрец Аратты”, датированной началом III тыс. до н.э.. Царь Аратты отказывается предоставить царю Шумера Энмеркару золото и серебро для построения храма. Шумерский царь обращается к богине Иннана, которая насылает засуху на страну Аратты, которая длится семь лет. После этого царь Аратты соглашается обменять драгоценные металлы на шумерское зерно. В этом эпизоде очевиден факт товарообмена, где именно золото и серебро играют роль денег, осуществляя функцию платежа. Здесь важен тот факт, что в поэме главным действующим лицом, регулирующим товарообмен и торговую сделку, выступает богиня плодородия Иннана¹⁷.

В ассирийских торговых договорах вес серебра отмечается “головами Иштар”¹⁸, из чего можно заключить, что серебряные слитки имели либо форму головы Иштар либо на них имелись изображение богини. В этом случае мы также встречаем символ богини плодородия, которая покровительствует торговым сделкам.

В начале II тыс. до н.э. в аккадских клинописях встречается упоминание о городе торговцев Каниш. Торговая община у них называлась *карум*. Когда были найдены многочисленные клинописные таблички о торговых договорах, выяснилось, что такие *карумы* существовали практически во всех портах, расположенных не только вдоль морских берегов, но и вдоль рек Тигр и Евфрат. В термине *карум* можно проследить корень *кар*, который в древнеперсидском языке означает дело. В среднеперсидском пехлеви встречается слово *кардахик*, означающее торговец, что в дословном переводе означает *имеющий дело с золотой монетой*¹⁹. В армянском языке слово *գործ* – *gorts* дело, подразумевает также торговый процесс, торговлю.

Глава торгового дома города Каниш во время торговой сделки со свинцом опечатывает товар специальной печатью с символом города. Нетрудно заметить параллель между этим явлением и выпуском первых лидийских монет в VIII веке до н.э. с изображением символа царства - льва. В монетном праве поместить символ города на монетах стало обязательным для всех греческих полисов архаического и эллинистического периода. Эта традиция существует до сих пор, когда герб, либо другой государственный национальный символ изображается на денежных номиналах.

В эпоху бронзы основными торговыми путями являлись навигационные дороги, а класс торговцев представляли моряки. Не случайно, что на печати главы торговой общины Каниша изображено морское божество Эйя и его атрибуты²⁰. В научной литературе принято считать, что в домонетный период истории только серебро выступало в роли денег, но нельзя забывать тот факт, что лидийские цари, которые первыми стали чеканить монеты, выпускали их именно из золота. Нельзя не учесть также роль золота как в торговых сделках, так и в налоговой системе. В Хеттском

¹⁷ Энмеркар и Верховный жрец Аратты, Вестник древней истории 4, М 1964, стр. 189-227

¹⁸ Einzig P., Primitive Money, London 1949, p.215

¹⁹ Zohrabyan A. Dahekan-Denar Connection in Armenian Medieval Sources, Dal Denarius al Dinar, l'Oriente e la moneta Romana, Roma 2006 p.146-153

²⁰ История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Часть вторая. Москва 1988, стр 55

государстве стоимость скота была равна полшекелю серебром, а ежегодный налог, выплачиваемый одним из подвластных хеттам царей, был равен 300 полшекелей золотом²¹. В данном случае мы видим, что полшекеля являлся основной денежно-весовой циркулирующей единицей.

В древнееврейской среде различали шекель и полшекеля. Первый назывался общий шекель, а второй священный. Под общим подразумевался статер или финикийская тетрадрахма, равная одному шекелю, а под священным шекелем имелся ввиду полшекеля²². Именно священный шекель упоминается в Библии как денежная единица, приносимая в жертву храму.

Сопоставление археологического материала с письменными источниками, этнографическими и нумизматическими данными дает основание предположить, что самой распространенной денежно-весовой единицей являлся номинал полшекеля. Вес височных украшений из Трои колеблется между 3.80-4.37 г, соответствуя весу полшекеля²³.

Найденные на территории Армянского нагорья спиралеобразные височные украшения и подвески в виде *papyrus lyle* соответствуют весу именно полшекеля. Украшения этих двух типов встречаются из золота, серебра и бронзы.

Еще в старовавилонский период всеобщим эквивалентом цен являлись серебро, реже золото, а для мелких платежей использовали медь и олово, именно эти три металла, золото, серебро и медь, являются основными монетными металлами. Тот факт, что спиралеобразные украшения изготавливались из тех же металлов и имели фиксированные весовые стандарты, позволяет высказать предположение, что эти украшения могли быть использованы также как товар-денги, а их формы повторяют формы самых древних примитивных денег - морских раковин.

²¹ Einzig P., p.219

²² Schmitt-Korte K., Price M., Nabatean Coinage, Part III. The Nabatean Monetary Sistem, NC 154, London, 1994, p. 126

²³ Сокровища Трои из раскопок Т.Шлимана, Каталог выставки, Москва 1996, стр. 204

Арируни Саакян

ОТ МИФОЛОГИИ ЛАНДШАФТА К ИСТОРИОГРАФИИ СТРАНЫ (по тексту об обращении Грузии)

Artsruni Sahakyan

FROM LANDSCAPE MYTHOLOGY TO COUNTRY'S HISTORIOGRAPHY (according to the text on Georgia's conversion)

In the article, the pre-Christian origins of the mythological figure of St. Nune/Nino are traced back to the story on a miraculous queen-fish drifting from Lake Parvana down-stream the Kura River. The ancient fish mythology, which is reflected in Nino's name, was later awakened in Georgian Christian tradition. It is shown how the written and oral versions of Nino's hagiography have preserved an almost classical example of transformation of a landscape mythology through monastic folklore into the official Church and even academic historiography of Georgia.

Своеобразным обобщением многочисленных и разноязычных свидетельств истории обращения Грузии в христианство может служить записанное в 976 г. в монастыре Шатберд «Житие св. Нино». Для типологического исследования его вполне можно принять за «сводный текст».¹

Исходя из художественных особенностей, данный «сводный текст» можно разделить на несколько пластов со следующими условными наименованиями:

- а) предание о растительном кресте;
- б) предание о строительстве святилища;
- в) предание об исцелении, просвещении и обращении язычников;
- г) предание о приобретении хитона и других святынь (что обычно связано с пунктом «б»);
- д) неосознанные пережитки дохристианской мифологии;
- е) факты исторической действительности или же приобретшие историческую окраску элементы (сказание о св. девах и Рипсимае, родословная Нунэ и т.п.), которые так или иначе связаны с ландшафтом.

Пункты «а» – «г» должны квалифицироваться как эпические христианские мотивы: все они не только имеют значительное место в сложении «Жития», но и почти все состоят из нескольких вариантов, в остальных источниках (дошатбердского периода), как правило, один или два из этих мотивов отсутствует.

Проследим за тем, каким образом житие Нино достигло «ландшафтного» уровня «е». К счастью, сохранилась ранняя запись (конец IV, начало V вв.) жития Нунэ, запись эта отображает начальный этап формирования данной истории с характерной для нее неопределенностью, отвлеченностью и лаконичностью. В ней всего два традиционных пласта: а) предание об исцелении, просвещении и

¹ А.Хаханов. Источники по введению христианства в Грузию // Древности Восточные: труды восточной комиссии Императорского Московского Археологического Общества. Т.1, вып. III, Москва, 1893; Е.Такайшвили. Источники грузинских летописей: три хроники. Тифлис, 1900.

обращении язычников; б) предание о возведении святилища. Первое предание относится к варианту того общехристианского сюжета обращения, героями которого считаются Константин, Абгар, Трдат, Хлодвиг, Владимир и т.п. Второе же имеет свои многочисленные варианты не только в закавказских, но и северорусских и карельских христианских преданиях. Однако в передаче Бакура они настолько неопределенны, что если бы не авторское вмешательство в заглавие (Руфинос) и комментарии (Феодорит, Сократ и т.п.), то вряд ли можно было бы догадаться о конкретике повествования. Тем более, что национальная принадлежность подобных историй выражается через конкретизацию ландшафта и героев. Вот почему достаточно принять иную конкретизацию (отделить от контекста), как «история обращения» в христианство делается универсальной для любого народа и любой культурной среды.

Отсюда следует, что в IV-VI вв. «Житие св. Нино» находилось в той начальной стадии своего бытования, которая и предопределила дальнейший специфический путь ее историзации.

Первым признаком дальнейшей историзации и конкретизации этого жития нужно считать, по-видимому, то, что героиня получает имя. Кто же она в действительности? Женщина, плененная грузинами, главная функция которой – исцеление от слепоты = просвещение = рассеивание мрака. Вообще в устном эпическом предании довольно широко известна традиция называть героя согласно его функции, свойству, определенному, специфичному для него признаку. Кто же мог выступить в роли пленника-просветителя,² если не тот, кто в долгой дохристианской традиции имел ту же функцию, роль и свойство? К таким героям по праву может быть отнесено божество в образе рыбы. Подобный вывод диктуется уже самой этимологией имени Нино-Нунэ.³ В еврейском (Nun) и в вавилонском (Nuniya) оно имело форму имени собственного, в ассирийском, и арабском, и сирийском (nun) – нарицательного. В Передней Азии мифологема рыбы, которая как символ плодородия, просвещения и возрождения несомненно должна была находиться в преемственной связи с христианским мифом, по всей вероятности, вновь пробудилась, на сей раз уже в христианской редакции, в грузинском устном предании (конечно, не без участия мцхетской иудео-христианской общины).⁴

Мифологическая значимость рыбы находит свое свидетельство и подтверждение также в армянской устной традиции: это рыбообразная Астхик-Деркетто, ставшая рыбой дьячиха, рыба, излечивающая в сказках слепого царя (данная функция которой выявляется, кстати, лишь после ее пленения). Мы уже не говорим о рыбаках-апостолах или же так называемой криптограмме Христа – ИХТУС. И хотя в данном случае определяющую роль может играть даже небольшое счастливое совпадение, это не мешает нам утверждать справедливость соотнесения рыбы-Христа и рыбы-Нунэ.

² Об образе пленницы Нунэ ср. З.Кикнадзе. Мифологические варианты эпизодов «Обращения Картли» // Изв. Акад. Наук Груз. ССР, серия яз. и лит., 1982, N 1, с. 62-71.

³ Ср. Л.Меликсет-Беков. К вопросу о настоящем имени Просветительницы Грузии. Тифлис, 1914.

⁴ А.Саакян. Толкование имени героини истории обращения грузин // Армянская народная культура, XII. Ереван, 2004, с. 126-130 (на арм. яз.).

Итак, основой многослойного текста о св. Нуне/Нино можно считать дохристианский джавахский миф, согласно которому в озере Парвана рыбаками была поймана царица-рыба, которая чудодействовала вплоть до исцеления царя от слепоты.⁵ Именно под этим углом зрения нужно осмыслить тот эпизод в житии Нунэ, когда героиня, достигнув озера Парвана и следуя совету рыбаков, спускается в город Мцхети по реке Куре, как диктует ландшафт. Пока Кура текла к западу, самочувствие Нунэ постепенно ухудшалось, а когда река направлялась к востоку, она сразу становилась веселее и живее. В конце путешествия, в городе Мцхети, она обращает во христианство царскую семью, тем самым метафорически исцелив ослепшего царя.

Так или иначе имя Нунэ, которое довольно поздно появляется в историографии двух народов, в устном мцхетском предании должно было быть приписано героине повести обращения грузин лишь в VI–VII вв., с условием, однако, оставаться непризнанной официальной церковной идеологией, пока оно имело престиж «апокрифа». В VI–VII же вв., когда усиливается культ рипсимеанских дев, в той же мцхетской среде, но в более официальных кругах, Нунэ связывается со святыми девственницами Рипсима как одна из них. Это был первый серьезный, четко целенаправленный шаг на пути историзации Нунэ, и как таковой он мог быть сделан совершенно сознательно. Возможен и другой вариант. Признание и известность Нунэ со временем настолько возросла, что опасность противопоставиться официальной церковной догме заставила причислить ее к рипсимеанским девам. Этот компромисс, привнесенный в историю как один из фактов биографии св. Нунэ, был, по-видимому, совершен стихийно и неосознанно.⁶

Не менее важным шагом на пути историзации Нунэ может стать восстановление ее биографии дорипсимеанского периода. Родословную вообще удобнее создавать в письменном предании, поэтому факт этот встречается в более поздней редакции, где-то в границах IX в.

В VII–VIII вв. легендарное житие Нино вступает на свой, пожалуй, самый важный поворотный этап с точки зрения как внелитературного, так и внутреннего сюжетного развития. Упомянем, прежде всего, о внелитературной его функции.

Дело в том, что последовавший вслед за разделением армяно-грузинской церкви раскол углубился настолько, что в VIII в., когда грузинская халкедонитская церковь почувствовала необходимость в собственной догме обращения грузин и истории основания грузинской церкви (что получило в итоге соответствующую формулировку в бытность католикоса Арсена), она сразу же выдвинула на первый план национальную культурную роль Мцхети в изложении истории обращения

⁵ Кстати, о следах современного бытования культа рыбы мне рассказал этнолог проф. Вахтанг Шамиладзе: в с. Оланк района Цалка у подножья холма при маленькой церкви имелся бассейн священного родника, где искусственно разводилась священная форель, которую нельзя было есть, а погибших рыб хоронили по народно-церковному ритуалу в роще на берегу речки, вблизи церквушки (информация записана в 1974 г., р-н Цалка).

⁶ Ср. И. Джавахов. Проповедническая деятельность ап. Андрея и св. Нины в Грузии (без м. и г.), с. 77–113 (оттиск из «Журнала Министерства Народного Просвещения»).

Грузии в христианство.⁷ Еще раз хочу напомнить, что вряд ли грузинская церковь констатировала бы это мцхетское предание, если бы духовный и политический центр Грузии не находился там.

В 696 г. по заказу князя Ширика Нерсеса, Филоном Тиракаци при содействии писца Товмы переводится с греческого на армянский церковная история Сократа Схоластика, 20-я глава 1-ой книги которой посвящена обращению Грузии. Перевод, сделанный, кстати, очень своевременно, явился откровением для грузинских армян (халкедонитов) в районах Гугарка-Джаваха и стимулировал при этом общенациональное признание мцхетской легенды. Очень скоро, уже около 700 г. тем же Филоном составляется краткая редакция книги Сократа, именуемая Малым Сократом.⁸ Она множество раз переписывается и распространяется вначале в Северной Армении, а затем повсеместно. Однако на практике выясняется ее чрезмерная конспективность, а потому возникает потребность в более пространном изложении истории, но на сей раз уже не на основе Сократа, но уже с привлечением многочисленных источников, в том числе и переводных; возможно также, что редактор со своей стороны привнес факты из знакомых ему и услышанных свидетельств и преданий. Данная редакция Малого Сократа могла быть составлена не позднее конца VIII в.

Таким образом, политика церкви, равно как и перевод и распространение истории Сократа, обеспечивают широкую сферу внелитературного функционирования «Жития св. Нунэ».

Как уже отмечалось, «Житие св. Нунэ» переживает поворотный сдвиг и во внутреннем, художественном плане, причина которого также имеет глубокие общественные корни. Дело в том, что в армянской народной среде в эти века формируется своеобразный, как бы самостоятельный культ креста, который находит свое выражение почти во всех сферах культурной деятельности. Несомненно, в грузинской действительности также произошел такой сдвиг, который оставил свой след во многих сферах грузинской культуры. Культ креста несомненно был общехристианским явлением, но если в других христианских традициях крест остался, во-первых, как символ распятия и добровольного самопожертвования Христа, а, во-вторых, как знак древесного креста и как таковой почитался и восхвалялся только в этом контексте, то в армяно-грузинской народной христианской среде он постепенно приобрел независимость и стал предметом самостоятельного народного культа. А так называемую идейно-мировоззренческую основу этого культа составили те легендарные повести монастырского фольклора о чудодействиях и подвигах креста, которые в корне своем сводятся к своеобразной мифологеме креста. Данный факт, по-видимому, нужно считать одной из особенностей христианской традиции армяно-грузинского ареала. Этот культ в дальнейшем углубился, укоренился и проник даже в официальные идеологические церковные круги в Армении, и, напротив, со

⁷ Ср. И. Джавахов. История церковного разрыва между Грузией и Арменией в начале 7-го века // «Известия» Импер. Акад. Наук. СПб., 1908, с. 434-536.

⁸ Н. Акинян. Начало христианства в Армении и Грузии. «Пленница»: св. Рипсима и св. Нунэ. Вена, 1949 (на арм. яз.).

временем ослаб, приобрел свой первичный символический смысл и преследовался со стороны официальных идеологических церковных кругов в Грузии. На утверждение о том, что армяно-грузинская единая церковная традиция в VII в. уже была поколеблена, можно напомнить, что церковный раздел произошел по воле догматиков, архимандритов внутри официальной церкви, но вне народной стихии христианской веры и обычаев. Потребовалось не менее одного века, чтобы армянской и грузинской официальным церквям удалось уничтожить своеобразную ареальную общность этих двух стихий, сформировавшихся в течение трех веков. Интересно, что в Грузии ослаблению культа креста (и не только креста) способствовало также возвышение иконы, в Армении же, напротив, поднятие престижа креста вело к ослаблению значимости иконы. Судя по богатейшим сведениям письменных и материальных памятников раннего армянского средневековья хронология этих явлений берет начало с VII-VIII вв. Однако особенно ценные факты об этом предоставляет «Житие св. Нино». Оно сохранило не только примеры основания культа, легенды о Кресте, но и местную особенность проповеднической деятельности, которая прекрасно просматривается и в подвижничестве Григория Просветителя⁹: это совершение чуда с помощью креста и обращение людей в веру, низвержение идолов и возведение вместо них креста, что воспринималось верующим человеком как непосредственная замена идолов, но ни в коем случае не как знак замены Христа (как например, в 86-й главе II книги Мовсеса Хоренаци). После сказанного выше легко заметить огромную роль, которая отводится возведению креста в проповеднической деятельности св. Нино от чудотворства самодельных растительных крестов до приобретения частей Креста Господня. Это внутреннее сюжетное обогащение в дальнейших текстах выявляет определенную закономерность. Тенденция к обобщению организует сюжетосложение по двум направлениям: а) связь традиционных и христианских сказов с ландшафтными реалиями, независимо от Нунэ; б) сведение связанных с Нунэ различных преданий с этиологическими трактовками наименований ландшафта.

Причина этого процесса кроется в том, что варианты одного и того же предания могли независимо и самостоятельно бытовать одновременно в разных епархиях или же различных примонастырских районах Мцхети, противореча зачастую друг другу своей направленностью и выражением узкоместнических интересов. В VII–VIII вв., пока традиционная история св. Нунэ была ограничена рамками Мцхетской устной традиции, это обобщение в своем единственно ассоциативном выражении было возможно также и в устном бытовании. В VIII–IX вв., когда новые, связанные с именем Нунэ, предания рождаются даже в дальних епархиях и монастырских учреждениях, этот процесс вступает на путь обобщения и становится возможным лишь в традиции письменной.

Конечно, редактор рассматриваемого текста не мог принять во внимание и использовать все, обычно многочисленные, повествования этого типа. Возможно,

⁹ Ср. Н.Марр. Крещение армян, грузин, абхазов и аланов святым Георгием (араб. версия). СПб., 1905 (отдельный оттиск из Записок вост. отд. имп. русск. археол. общества, т.16, с. 64-80).

например, что в свое время существовало несколько вариантов географического распределения трех крестов, явившихся в видении Миграна или его сподвижников, но редактор был вынужден отметить и удостоверить лишь одно из них, а потому он выбрал тот вариант, который соответствовал церковно-иерархическому строю и верно отображал взаимоотношение центрального, епархиального и местного престолов.

Начиная с этого времени «Житие св. Нино» движется к общенациональному признанию, став предметом поклонения в монастырских кругах грузин и среди грузинских армян. Это дает последним возможность уточнить в свете «Жития» традиционные сюжеты и отредактировать их в соответствии с определенными сторонами деятельности Нунэ и, наконец, на их основе сложить новые предания.

Общенациональное распространение «Жития св. Нино» начинается с IX в., когда эта легендарная история вступает в новую, уже письменную стадию своего бытования и в этом новом качестве продолжает существовать параллельно с устным текстом. Таким образом, лишь в IX в. в своем письменном виде «Житие св. Нино» могло вобрать в себя другие грузинские епархиальные предания и выделить из них единую историю обращения Грузии, навсегда сбросив прежний узко региональный мцхетский характер. Обратимся, однако, к тенденции обобщения, которая, как уже отмечалось, получила определенную ценность в сюжетосложении в то время, когда в житии св. Нино важное место заняла ее функция как создательницы креста. Можно с уверенностью говорить, что в VIII в. в Мцхети уже показывали кресты, которые согласно местным преданиям были возведены Нунэ. Однако среди них продолжал притягивать к себе толпы паломников древний безымянный крест, об авторитетности которого хотя и сохранилось много письменных свидетельств уже с VI–VII вв., но, к сожалению, даже без самого незначительного намека на историю его создания и чудодействия. И если доньше первое неосознанное выражение этой тенденции к обобщению мы видели в соединении Нунэ-апостола и Нунэ-свидетельницы, то первым подлинным проявлением его нужно считать слияние истории знаменитого Мцхетского креста с легендой о Нино, окончательно завершившееся в VIII в.

Ещё в VII в. грузинский католикос Кюрион в послании к Врканскому марзпану Смбату попрекал его тем, что последний не пришёл поклониться почтенному и животворному Мцхетскому кресту, «который, вняв мольбам твоих родителей, подарил им тебя, перед которым ты рос и благодаря которому достиг благодати».¹⁰

Одновременно католикос армян Мовсес писал Кюриону о том, что армяне совершают паломничество к Мцхетскому кресту, а грузины приходят на поклонение в Вагаршапат в Св. кафедральный собор. В раздражении он добавляет, что нужно запретить этот обоюдострастный поток.

Эти две ссылки на «Книгу посланий» свидетельствуют о большой репутации Мцхетского креста. По всей вероятности, приостановить поток паломников, который в VIII в. благодаря имени и авторитету св. Нунэ достиг огромных размеров, было почти невозможно. В начале же IX в. перенесение в Армению

¹⁰ Книга посланий. Тифлис, 1901 (на древнеарм. яз.).

Святого знамения Нунэ приписывается св. Шушаник,¹¹ и Агарон Ванандеци на основе как этой, так и других историй создает собственную историю, стремясь тем самым доказать, что нет нужды доходить до Мцхети, поскольку святой крест Нунэ находится в Ванандском монастыре. «... Во время императора Зенона армяне этот крест переносят в Вананд и называют Ванандским Святым Крестом, чтоб забылось старое [название]».

Что же касается встречной, опять же запретной потребности верующих грузин совершать паломничество к Вагаршапатской св. Католике (Шогакат), можно лишь предполагать, что на удовлетворение этой потребности был призван Свети Цховели – «живой столп», который, подобно аванскому халкедонскому собору Эчкенсалуис (букв. «спустился жизненный свет», получившему свое название по аналогу Эчмиадзина «спустился Единородный»), символизирует огненный, светозарный столп жизни в том же смысле, что и Шолакат («снисходящий луч»).¹²

Таким образом, для удовлетворения нужд своих паломников Крест Нунэ «возникает» в Армении, а Св. Эчмиадзин «возникает» в Грузии.

Тенденция связывать наименования местности с легендарной историей выявляется также среди армян Джавахка. Горы в Джавахке под древним названием Кангар были переименованы в Мтин (арм. 'темные'). Очевидно, что грузинское слово *мта* ('гора') было переосмыслено по-армянски под влиянием легендарного эпизода из истории Нино о том, как во время охоты царя в горах внезапно все покрылось мраком, и только с помощью того бога, которому поклонялась Нино, мрак был рассеян, а царь был спасен от неминуемой гибели.

Соединение известной Мцхетской святыни и жития Нино в VIII в. значило, что местная традиционная легенда о Нино уже с конца VII в. взяла на себя роль объединителя грузин вокруг общенациональной версии христианизации. Важно отметить, что после того как Нино обращает в христианство царя, его семью и всех грузин, как бы приходит в действие обратная связь и весь пройденный ею путь в течение веков задним числом сакрализуется. Разные поселения и местности связываются со следами деятельности св. Нино (Урбниси, Уджарма и др.) – то через ее проповеднические миссии, то через ее видение, в котором три частицы креста распределяются по горам в виде мерцающих звездочек. И этот процесс, охватывая почти всю страну, длится до наших дней – свидетельством этому является переименование Богдановского района – части Джавахка в Ниноцминду.

Таким образом, письменные и устные варианты жития св. Нино, к счастью, сохранили почти классический пример превращения мифологии ландшафта через монастырский фольклор в официальную церковную, да и академическую историографию Грузии. И если в мифе о рыбе-Нино ландшафт служит для правдивости и придания историчности тексту «Жития», то в историографии о Нино-апостоле историзируется сам ландшафт, и разные его локусы получают историческое содержание.

¹¹ А.Саакян. Жизнь, культ, святилище св. Шушаник // Армянские святые и святилища. Ереван, 2001, с. 89-94 (на арм. яз.).

¹² А.Саакян. Этапы формирования истории обращения грузин по армянским данным // Археология, этнология и фольклористика Кавказа. Эчмиадзин, 2003, с. 348-350.

Ваге Бояджян

ОБ ОДНОМ УПОМИНАНИИ О БЕЛУДЖАХ У АРМЯНСКОГО ХРОНИКА 18 ВЕКА

Vahe Boyadjyan

AN ATTESTATION OF THE BALUCHES
BY AN 18TH CENTURY ARMENIAN CHRONICLER

In this article a passage from a Chronicle by an 18th century Armenian traveler Martiros di Arakel is discussed. For the first time in the Armenian historical sources the name of the Baluch people is attested in the Chronicle. Once again it becomes apparent that the Baluch warlike tribes under the command of Mir-Samandar - the ruler of the Khanate of Kalat, played a considerable role in the military history of Iran and Afghanistan during the late Safavid era. As the Armenian author tells, they acted as allied forces to the Afghan Gilzai tribal confederation in the campaigns against the Persian dominations in the provinces of Kerman and Kashan.

Общеизвестно, что армянские рукописи и источники содержат в себе полезные материалы не только для изучения истории и культуры Армении и ее народа, но и являются бесценными и уникальными сокровищницами, хранящими крайне важные сведения о странах и народах соседних регионов. Очень часто армянские хроники и путешественники в своих трудах и воспоминаниях не только поверхностно, но и в виде подробных глав касались историко-географических явлений, культуры, общественно-политических, религиозных и бытовых проблем как соседних, так и отдаленных областей.

В данной статье мы представим одно упоминание о белуджах у армянского хроника XVIII века Мартироса Ди Аракела.

Иранский мир, в своих многогранных проявлениях, занимает существенное место в армянских источниках. В мозаике многоязычных иранских народов и племен немало тех этнических единиц, поток достоверных сведений об историческом пути которых неоднократно прерывался. В итоге исследователям “перепали” десятилетние, а в лучшем случае столетние периоды, полные молчания, при отсутствии всяческих письменных доказательств. Задача особенно усложнялась в случае народов, не имеющих письменных традиций. К этим народам относятся и белуджи. Историю этого народа по праву можно назвать историей миграций и передвижений. О прародине и путях миграций белуджей, еще до окончательного их поселения на нынешних территориях проживания, достоверных исторических сведений нет. Разве только отрывочные упоминания о белуджах или вернее белуджеязычных этнических элементах можно встретить, начиная с X века нашей эры у арабоязычных авторов. Благо, для обозначения вышеупомянутых процессов – то есть путей миграции и передвижений, на помощь приходит белуджский язык, принадлежащий к северо-западной подгруппе

иранских языков: как парфянский из среднеиранской, а большинство курдских говоров, талышский и др. – из новоиранской языковых эпох.¹

До правления Каджарской династии в Иране (конец XVIII века) основной костяк белуджской этнической единицы постоянно находился в процессе передвижений. И как раз в этот период белуджи выходят на историческую арену, как частично оседлый и более или менее единый народ, стоящий на пути консолидации и формирования национального самосознания.² Однако, как показывает история, идея национального единения у полукучевых белуджских племен имела разные проявления. В основном племенной строй белуджского общества часто вынуждал их следовать узколичностным, внутривосемьным интересам, которые, конечно же, иногда шли вразрез с общей идеей. По этой самой причине средневековый, особенно поздний средневековый, период истории белуджей полон множества фактов и свидетельств, которые говорят о них, как о наемниках у тех или иных (не белуджских) правящих сил в регионе.³ Белуджи, своими разбойничьими набегами державшие в страхе и ужасе соседние народы, периодически вели также кровопролитные междоусобные войны. О подобном свидетельствует и вышеупомянутый автор. Интересующий нас отрывок хранится в Матенадаране – оригинал рукописи N 1786, страницы с 44р-49р:⁴

«Շահ սուլթան Հուսէյն, որդի շահ Սուլէյմանին, նրստաւ թախտ թվին ՌՃԽԳ (1694) յուլիս ԻԷ (27), յաւուր ուրբաթի և Ազարիայի թվին ՀԹ (79) դամար Թ (9) ի Յասպահան: Ի սորա աւուրս բազում պատերազմունք ի Խորասան. Մինչ զի ազգքն, որ կոչին Բլուջ և Աղվան եկեալք աւերէին ի քաղաքն Քրման և Քաշան և այլ բազում տեղիս, որ աւար առնելով մինչ ի Բսպահան ևս գային: Մինչ ի օր անճար մնացեալ կոչէն թագաւորն Վրաց, որոյ անունն էր Գորգին խան, որ սայ գնաց Քրման ի թվին ՌՃԽԵ (1696) և պատերազմեցաւ ընդ Բլոջին: Եւ կոտորեաց ի սուր սուրսերի զամենեսեան և զմնացեալսն փախստականս արար և նստաւ անդ մինչ ցԸ (8) ամ: Եւ յետ այնորիկ առաքեցին զնայ ի Ղանդահար և բազում արիւորիւն և քաջորիւն արարեալ անխնահ կոտորէր զամենայն Բլոջս և զԱղվանս: Եւ կեցեալ անդ ամս Դ (4): Եւ յետոյ զոմն Միր-Վէլիզ անուամբ, ազգաւ Աղվան, որ էր յիզբաշի յառէջ և յետոյ սուլթան եղն ի կողմանէ Պարսից, սայ յարուցեալ ի միում զիշերի գաղտ իւրով մարտկականօք արամբբ, որ մերձ

¹ О языковых доказательствах миграций белуджей с Севера на Юг см. R.Frye, “Remarks on Baluch History”, in: Islamic Iran and Central Asia (7th-12th centuries), Variorum Reprints, London, 1979: VII, pp. 48-50.

² См. B. Spooner, “Who are the Baluch? A preliminary investigation into the dynamics of an ethnic identity from Qajar Iran”, in: Qajar Iran: Political, social and cultural change, 1800-1925. Ed. Edmond Bosworth and Carole Hillenbrand, Costa Mesa, 1992.

³ Подробно см. E. Orywal, Die Balūč in Afghanisch-Sistān: Wirtschaft und Sozio-Politische Organisation in Nīmrūz, SW-Afghanistan, Berlin, 1982: 57-65.

⁴ Оригинал рукописи впервые издал А. Абрамян в 1941-м году в первом томе “Сборника научных материалов” Матенадарана. Рукопись была издана во втором томе “Մանր ժամանակագրություններ”, включающем 13-18 вв. Хронология представляет период между основанием Сефевидской династии в Иране и до завоевания нескольких городов будущим Надир-шахом в 1729 году. Примечательные сведения содержатся и о внутривосемьных войнах за власть в Афганистане в тот же период. См. Մանր ժամանակագրություններ, հւ. 2, կազմ. Վ. Հակոբյան, Երևան, 1956, էջ 425-439.

Գորգին խանին բնակեալ էր չորս հազար արամբք, իբր բարեակմ և ցաւակից, ցուցանէր զինքն: Թվին Հայոց Ռ[Ճ]ԿԸ (1719) ապրիլ ամսոյ ի մէջ զհշերի, գաղտ էսպան զԳորգին խանն և բերդն Ղանդահարայ էառ զինքն և գրաւեաց, քանզի զօրքն Գորգին խանին ելեալք էին և պատերազմէին ընդ Բլօջին և ոչ էին անդ Ղանդահար...»⁵

(Шах султан Гусейн, сын шаха Сулеймана, взошел на престол 27 июля 1694 года в пятницу в год Азари (79) в 9-ый день луны в Исфахане. В дни его шли бесчисленные войны в Хорасане. Народ, называемый белуджами и афганцами, разорял города Крман и Кашан и многие другие места, где взяв трофеи, направлялся в Исфахан. Грузинский царь, имя которому Горгин Хан, до этого названный неумелым, направился в Крман в 1696 году и вступил в схватку с белуджами. И предал мечу все и вся, и остальных превратив в беженцев, правил там около 8-и лет. И с того дня послали его в Кандагар, и проявив непомерную смелость и мужество беспощадно истреблял всех белуджей и афганцев. И остался там 4 месяца. Некто по имени Мир-Вейс, афганец по-национальности, который сначала был сотником, а затем стал султаном, назначенным персами, с 4000 воинами жил при Горгин Хане, притворяясь другом и сторонником. Однажды среди ночи в апреле 1719 года по армянскому календарю он со своими воинами тайно убил Горгин Хана и захватил Кандагарскую крепость, поскольку войско Горгин Хана отправилось на войну с белуджами, и его [войска] не было в Кандагаре.)

Вышеупомянутые события развивались параллельно с тем отрезком истории белуджей, когда к югу от Афганистана, на землях между областью Кветта-Пишин и Оманским заливом, Келлатское ханство, созданное совместными усилиями белуджей и брагуйев, вело непрерывную борьбу с соседями: с одной стороны – с сефевидским Ираном в лице правителей Кермана, с другой – афганскими и Калхорскими династиями Кандагара и Синдха соответственно. Многочисленные белуджские племенные объединения, как это видно из сведений армянского хроника, наряду с не менее воинственными афганскими племенами совершали разбойничьи набеги на области Керман и Кашан, граничащие с Западным Мекраном, и доходили даже до Исфахана. Хотя у хроника ничего не сказано о создании афгано-белуджского альянса, тем не менее этот период четко свидетельствует об известных событиях, когда шах Ирана султан Хуссейн один за другим назначил на пост правителя Кандагара двух грузин: Абдулла Хана и вассального царя Грузии Георгия XI-ого – это, несомненно, и есть встречающийся в хронологии Горгин Хан. Первый же правитель Абдулла Хан, фактически предав Сефевидов, вошел в сепаратные переговоры с моголами Индии, что беспокоило как Сефевидов, так и гильзаев Афганистана. Последние – то есть гильзаи – в противостоянии Ирана и моголов в большей степени склонялись к сефевидам, что было результатом взвешенной политики отца султана Хуссейна шаха Аббаса II. Но пока гильзаи пытались

⁵ Орывок приведен в соответствии с изданным в Մանր ժամանակագրություններ оригиналом.

сориентироваться, белуджи во главе с правителем Калата Мир-Самандаром напали на персидский гарнизон Кандагара, разгромили его и убили сына Абдуллы Хана.⁶ Возможно, что это событие могло бы укрепить афганско-белуджский союз, тем более что гильзаи к тому времени уже не скрывали своего намерения избавиться от персидского господства.

Царь Грузии Георгий XI (Горгин Хан)

В хронологии имеется еще одна интересная деталь. Походы белуджей и афганцев на Керман и Кашан представлены в оригинале в логической связке с военными действиями в Хорасане. Это важное сведение позволяет предположить, что в конце XVII и в начале XVIII веков Хорасан и близлежащий к нему афганский Систан, возможно, являлись одними из областей поселения по крайней мере некоторых белуджских племен: иными словами, передвижения белуджских племен к Мекрану и далее на Восток в Панджгур и Синдх к тому времени все еще не завершились.⁷

Георгий XI в 1696, прибыв в Керман, начинает ожесточенную борьбу с афганцами и белуджами. По всей вероятности, новому правителю Кандагара удалось внести раздор между афганцами и белуджами, тем самым одолев их без особых усилий. Согласно А. Бенава, правитель, разгромив белуджей во главе с

⁶ См. L. Dupree, *Afghanistan*, Oxford Pakistan Paperbacks, 1997: 322-23.

⁷ Об этой гипотезе подробно см. Orywal, ук. соч.: 62-64.

Мир-Самандаром, вскоре понимает, что воинственный клан Хоттаки гильзайского племенного союза, фактически властвующий в Кандагаре, более опасный противник, нежели белуджи. По этой причине Георгий XI без промедления отправляет в Исфахан закованного в цепи Мир-Вейса, предводителя Хоттаки.⁸

Не углубляясь в историю возвращения Мир-Вейса из Исфахана и возобновление афганской войны, тем не менее стоит отметить, что в хронологии имеет место одна очевидная неточность. В оригинале говорится, что некий афганец Мир-Вейс в одну из апрельских ночей года ԹՎ ՌՆԳ (1168) 1719 тайно убивает Горгин Хана (то есть Георгия XI) и занимает крепость Кандагара. Все это, конечно, имело место, но только упомянутая дата не соответствует действительности. Дело в том, что Мир-Вейс умер в 1715-м,¹⁰ а восстание и убийство грузинского правителя Кандагара произошло в 1709-м году, который совпадает с годом ԹՎ ՌԾ (1158) армянского календаря. Об этом свидетельствует и Л. Локхарт, указывая, что в 1709-м Мир-Вейс с легкостью занял крепость и убил правителя, ибо большая часть персидского гарнизона была в это время занята преследованием воинов паштунского племени какар.¹¹

У Мартироса Ди Аракела этот отрывок встречается почти в точности. Только вот гарнизон кандагарской крепости находился вне ее и сражался с белуджами. Здесь, видимо, излишне говорить о явной ошибке, поскольку не только не исключается, но и по всей вероятности так оно и было: белуджи и какары-афганцы выступали единым фронтом против Георгия XI.

Из сведений армянского хроника можно сделать вывод, что по крайней мере во времена правления Мир-Вейса военный альянс белуджей и афганцев носил длительный характер. А уже в начале 1720-х факт участия белуджей в победоносных войнах гильзаев-афганцев против Сефевидов подтверждается и другими источниками.¹²

⁸ См. А. Benawa, *The Hotakis (in Persian)*, Kabul, 1956.

⁹ В. Акопян в предисловии “Մանր ժամանակագրություններ” указывает, что в квадратных скобках восстановлены поврежденные или вовсе отсутствующие числа.

¹⁰ См. Dupree, ук. соч.: 323; также W. Vogelsang, *The Afghans*, Blackwell Publishers, Oxford, 2002: 222.

¹¹ См. L. Lockhart, *The Fall of the Safavid Dynasty and the Afghan Occupation of Persia*, Cambridge, 1958: 87.

¹² См. L. Lockhart, ук. соч.: 146; H.G. Raverty, *Notes on Afghanistan and Part of Baluchistan*, London, 1888.

Предводитель гильзаев Хоттаки Мир-Вейс

Белуджские воины (середина XIX в.)

Заруи Акопян

АРМЯНО-ВИЗАНТИЙСКИЕ СВЯЗИ В ОБЛАСТИ ИСКУССТВА С РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ДО КОНЦА XI ВЕКА

Zaruhi Hakobyan

ARMENIAN-BYZANTINE RELATION IN ART FROM THE EARLY MIDDLE AGES
TO THE END OF 11TH CENTURY

Armenian-Byzantine cultural relation formed since the establishment of Byzantine Empire and continued during the whole Middle ages. Armenian-Byzantine connections in art and architecture were very close and fruitful especially during the early Christian era. The periods of cultural upswings in Armenia always conformed to the activity of political and cultural contacts with Byzantium. Such monuments as Zvartnots, Aruch, Mren (7th century) which are famous for their architecture as well as for sculpture and fresco decoration, prove the existence of powerful contacts between Armenia and Byzantium. The iconography types of the reliefs of Armenian steles (6-7th century) went back to the Byzantine origins. Such illustrated manuscripts as the Gospel of Mk (862), the codices of "the school of Ani" (middle of 11th century), the group of "Byzantine Armenian manuscripts" (11th century) show, that there was Byzantine artistic current in the Armenian miniature painting. The very important period of Armenian-Byzantine cultural relation was violated in the end of 11th century by Seljuk invasion.

Армяно-византийские отношения сложились со времени образования Византийской империи, в состав которой вошли владения бывшей Римской империи, в том числе и некоторые области Армении, и продолжались в течение всего средневековья. Отношения Армении и Византии были обусловлены всей политической, экономической и культурной ситуацией, сложившейся в регионе. Они были значимы как для Армении, так и для Византии¹.

Связи с византийским миром, будь то восточные его окраины или столичные круги, сыграли решающую роль в развитии культуры и искусства средневековой Армении. Определяющим моментом стал политический союз с Римом во второй половине II в., с которым был связан процесс «романизации»², а также проникновение на территорию Армении первых христианских проповедников³.

¹ Армянский фактор оставил заметный след в истории Византийской империи. Армянский этнос на территории Византии был самым многочисленным после греческого. Проживающие на территории империи армяне составляли большую часть военного контингента, они занимали высокие посты при дворе и стояли на защите интересов империи. См: Charanis P. The Armenians in the Byzantine Empire. Variorum Reprints, London, 1972; Каджан А. П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI-XII вв. Ереван, 1975; Новосельцев А. Политические и культурные связи между Византией и странами Закавказья // XVIII международный конгресс византистов. М., 1991.

² Это храм и мозаика в Гарни, монеты с изображением армянских царей. См: Аракелян Б. Очерки по истории искусства древней Армении (IV в. до н.э. - III н.э.). Ереван, 1976; Тер-Мартirosов Ф. И. Храм в крепости Гарни-героон, мартирий. Ереван, 1995. С. 30-31.

³ Судя по археологическим данным, новое религиозное учение начало проникать в Армению уже с конца II в. См: Тер-Мартirosов Ф. И. Преддверие христианства в Армении // Армения и христианский Восток. Ереван, 2000. С. 65.

Исходя из конкретной политической и культурной ситуации армяно-византийские отношения складывались в разные исторические периоды по-разному. Они были чрезвычайно тесными и плодотворными, особенно в раннюю эпоху, но и в дальнейшем не прерывались, менялся лишь характер этих отношений (существенные изменения произошли уже после XI века).

В арменоведении традиционно сложилось мнение о том, что в армяно-византийских отношениях решающую роль сыграла церковная ориентация страны – монофиситство, – и, соответственно, все положения рассматривались сквозь призму разногласий двух Церквей. Безусловно, ориентация Армянской Церкви сыграла определенную роль в дальнейшей судьбе политических и культурных отношений Армении с Византией, но, тем не менее, она не стала тем водоразделом, каким часто стараются это представить. В последнее время данная точка зрения справедливо пересматривается⁴.

В Армении достаточно рано (IV-V вв.) появились христианские памятники и почти сразу выявились своеобразные черты национального искусства. Однако процесс становления христианского искусства в Армении происходил на общем фоне развития восточнохристианского искусства, из арсенала которого оно переняло очень многое. Тот факт, что Армения была вовлечена в активные культурные и художественные процессы эпохи, свидетельствует о достаточно высоком уровне культурного развития страны, для которой были уже понятны и доступны новые художественные принципы.

Известно, что на Халкидонском Вселенском соборе 451г.⁵, а потом и на втором Двинском соборе 554-555г. Армянская Церковь не приняла формулу о двух природах Христа, что, естественно, воспринималось (многими исследователями воспринимается и по сей день) как разрыв между Армянской и Греческой Церквями. Однако, весь ход исторического и культурного развития страны, особенно до второй половины XI века, указывает на то, что имеющийся церковный разрыв носил несколько формальный характер, так как в основе его лежали не догматические споры, а лишь желание Армянской Церкви выйти из-под контроля константинопольского патриархата⁶.

⁴ Об этом: Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана. Ереван, 1971; Мурадян П. М. Культурная деятельность армян-халкедонитов в XI-XIII веках // II международный симпозиум по армянскому искусству. Ереван, 1978. С. 325; Арутюнова-Фиданян В. А. Армяне-халкидониты на восточных границах Византийской империи (XI в.). Ереван, 1980. С. 46, Она же: Армяне-халкидониты. Культура и самосознание // ПЭ. М. 2001. Т. 3. С.326-327; Казарян А. Ю. Собор в Аруче и купольные залы Армении VII в. К вопросу о византийском влиянии // Древнерусское искусство. Византия, Русь, Западная Европа: искусство и культура. СПб., 2002; Он же: Триконховые крестово-купольные церкви в зодчестве Закавказья и Византии // Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. К 2000-летию христианства. М., 2005.

⁵ Армянских церковных иерархов не оказалось на Халкидонском Соборе случайно, что означает также не менее случайное отделение от Вселенской Церкви. См: Арутюнова-Фиданян В. А. Армяне-халкидониты. ПЭ... С.326.

⁶ Изначально Армянская Церковь была в подчинении Кесарийской патриархии. Следует отметить, что, несмотря на упорное нежелание подчиниться в дальнейшем Константинопольской патриархии, в VII веке Армянская Церковь была в церковном единении с Константинополем. В Армении стали распространяться греческие обряды, например, причащение квасным хлебом и вином, смешанным с водой. См: Адонц Н. Армения в эпоху ... С. 358-359. Арутюнова-Фиданян В. А. Повествование о делах армянских. VII в. Источник и время. М., 2004. С. 48.

Несмотря на существующую политическую и конфессиональную ситуацию, политические отношения Армении с Византией продолжались, шел процесс активных контактов в области культуры и искусства, что в свою очередь явилось сильным импульсом для расцвета архитектуры и изобразительного искусства с конца VI по конец VII веков. Не удивительно и вполне закономерно, что периоды культурного подъема в Армении почти всегда соответствовали активизации отношений с Византией⁷.

Понятие «византийский» может быть трактовано двояко. В узком смысле это культура столичная, константинопольская, а в более широком – восточнохристианская, то есть восточный регион империи – Сирия, Малая Азия, Северная Месопотамия, – с которым Армения имела традиционные отношения. Не только Александрия, Антиохия и Эдесса, но и Константинополь являлись теми центрами средневековой учености, куда приезжали армянские книжники и мыслители для приобщения к духовным ценностям христианского Востока⁸. Известно, что в Константинополе в V-X веках была большая армянская община, в рамках деятельности которой возник ряд оригинальных и переводных литературных памятников⁹. По сообщению Корюна («Житие Маштоца»), Месроп Маштоц и его ученики после Эдессы прибыли в Константинополь, где совершенствовались в переводе с греческого¹⁰ и где Маштоц был принят императором Феодосием (408-450 гг.)¹¹.

Важным периодом армяно-византийских отношений в области культуры и искусства был период до арабских завоеваний. Во второй половине V века начинается деятельность эллинофильской школы армянской философии¹², благодаря которой памятники древнегреческой философии стали доступны для армянской культуры. Кроме того, деятели эллинофильской школы создавали и свои оригинальные произведения. Вершиной развития философской мысли в Армении стало творчество Давида Анахта (Непобедимого), воспитанника александрийской школы и приверженца неоплатонизма¹³.

⁷ Таких этапов было несколько, особенно в ранний период – начало IV в., рубеж IV-V вв., конец V в., конец VI в. и весь VII в. См: Казарян А. Ю. Собор в Аруче... С. 55. Периодом активных контактов были и X-XI столетия.

⁸ Деятельность армянских книжников в столице и в других крупных центрах – в Александрии, Антиохии, Эдессе – сыграла большую роль в становлении церковной литературы не только в Армении, но и соседних с ней странах (Грузия, Кавказская Албания)⁸. Как известно, Армения в ранний период являлась проводником общехристианских культурных ценностей на территории Закавказья, значительная часть ранних грузинских переводов была сделана именно с армянских редакций. См: Мурадян П. М. Кавказский культурный мир и Армения // ИФЖ. 1996. №1-2. С. 127-132.

⁹ Мурадян П. М. Армянская книжность в Константинополе (V-X вв.) // ИФЖ. 1998. №1-2. С. 148 (на арм. яз.).

¹⁰ Там же.

¹¹ Новосельцев А. Политические и культурные связи между Византией и странами Закавказья // XVIII международный конгресс византистов. М., 1991. С. 200.

¹² Аревшатян С. С. Некоторые вопросы датировки армянских грекофильских переводов VI в. К истории армяно-византийских литературных связей // ВОН. 1971. №3.

¹³ Аревшатян С. С. Формирование философской науки в древней Армении (V-VI вв.). Ереван, 1973. С. 34-40. 52-54.

Примечательно, что литургия Армянской Церкви была ближе к византийской, так как основывалась на литургии Василия Великого и Иоанна Златоуста¹⁴. Однако вопросы литургического устройства и связанная с ним организация внутреннего пространства армянской церкви мало исследованы и практически не освещены в научной литературе.

Армяно-византийские связи в области искусства наглядно демонстрируют многочисленные памятники архитектуры и изобразительного искусства Армении. Культовые памятники раннего периода в первую очередь указывают на тесные связи с восточными регионами – с Каппадокией и Сирией¹⁵. Однако отдельные памятники и конкретные периоды развития армянского искусства говорят о том, что достижения ранневизантийской архитектуры не остались в стороне от художественных интересов армянских мастеров. Самым значительным периодом в этом отношении был VII век, который по праву можно назвать «византийским столетием» в Армении¹⁶. Это было время, когда армяно-византийские отношения в области искусства достигли своего апогея (золотой век армянской архитектуры). Однако не все исследователи разделяют эту точку зрения. Остановимся на некоторых памятниках VII столетия, наиболее значимых в контексте армяно-византийских культурных связей.

Одним из главных памятников является храм Звартноц – храм Бдящих сил, – построенный католикосом Нерсесом Тайкским (Строителем) между 642 и 662гг.¹⁷. Храм был задуман как церковь при патриаршем дворце, где принцип объединения дворца и церкви был перенят из традиций византийской столичной архитектуры¹⁸. Он являлся храмом-мартирием Григория Просветителя, где хранились мощи святого; такое предназначение и характер памятника восходили к традициям ранневизантийских мемориальных построек, в частности, к храму Св.Гроба. Особенность Звартноца состояла в том, что в нем воплотился символический образ Небесной Церкви, а также иконографический образ Ротонды Воскресения¹⁹. В архитектуре Звартноца, выдержанного в своих общих чертах в традициях армянского зодчества VII столетия, творчески воплотились архитектурные идеи и отдельные конструктивные элементы, перенятые из арсенала ранневизантийской архитектуры; композиция ротонды и тетраконха гармонично и по-новому

¹⁴ Догматическое богословие Армянской Апостольской Церкви основывается на учениях великих отцов Церкви IV-VI вв. (святителей Афанасия, Василия Великого, Григория Богослова и т.д.) и на догматах, принятых на первых трех Вселенских Соборах. В V в. литургия св. Василия Великого была переведена на армянский язык. См: Бозоян А. Догматическое богословие армянской национальной Церкви // ПЭ. Т. 3, М., 2001. С.342-343, 357.

¹⁵ Якобсон А. Л. Армения и Сирия: Архитектурные сопоставления // ВВ. 1976. Т.37; Казарян А. Ю. Архитектура Армении V-VI веков и раннехристианское зодчество Каппадокии, Киликии и Исаурии // Армения и Христианский Восток. Материалы международной научной конференции. Ереван, 2000.

¹⁶ Арутюнова-Фиданян В. А. Повествование ...С.72.

¹⁷ Католикос Нерсес был известен своей провизантийской ориентацией, был халкидонитом по своим убеждениям.

¹⁸ Принцип совмещения храма и дворца был применен и в других памятниках Армении – Аручский комплекс, построенный Григором Мамиконяном, Ахтамарский комплекс, построенный Гагиком Арцруни.

¹⁹ Казарян А. Ю. Ротонда Воскресения и иконография раннесредневековых храмов Армении // Восточнохристианский храм. Литургия и искусство. СПб., 1994. С. 111.

сочетались в этом памятнике. Звартноц по достоинству был оценен уже современниками и был неоднократно повторен в пределах архитектуры Закавказья: Банак, Лякит (оба VII в.), Гагкашен (XI в.).

Не только сам Звартноц, но и его интерьер, существенно отличались от других армянских церквей. Стены храма были украшены фресковой живописью, а конха – мозаикой²⁰. Помимо грунта с мозаикой был найден живописный фрагмент, имитирующий фактуру мрамора²¹. По всей вероятности, в Звартноце была сделана попытка имитации облицовки стен каменными плитами, как это было принято в Византии. В Звартноце имелась также алтарная преграда (темплон), являющаяся пока единственным известным примером на территории Армении²².

Можно представить, какое сильное эмоциональное воздействие имел интерьер на входящих в храм верующих, учитывая богатое внутреннее убранство и обильное освещение из многочисленных окон. Именно под воздействием традиций ранневизантийской архитектуры в некоторых армянских храмах VII века внутреннему освещению – символическому божественному свету – начинают придавать особое значение. Обильный свет, поступающий из широких окон барабана, переносит основной композиционный акцент вверх и дает ощущение парящего купола²³. В этом аспекте, кроме Звартноца, интересны такие храмы как Рипсима (618г) и Мастара (640г).

Согласно последним исследованиям, строительная программа Нерсеса Тайкского не ограничивалась Звартноцем. С именем католикоса также связана перестройка Двинского кафедрала в 40-х годах VII века²⁴, который был перестроен из трехнефной базилики в храм-тетраконх по образцу базилики Рождества в Вифлееме. Очевидно, что католикос Нерсес копировал известные палестинские святыни с целью переноса топографии Святой Земли на территорию Армении²⁵. Более того, Нерсес повторил свой замысел еще раз, но уже в родном Тайке, куда он удалился после «церковных гонений», построив храм в Банаке (Бана) по типу Звартноца и собор в Ишхане по типу Двинского кафедрала²⁶. Из этих построек именно собор в Ишхане послужил образцом для многих храмов Тайка, впоследствии и Грузии. На рубеже X–XI веков к типу храма-триконха обращаются в архитектуре Византии.

Другой, не менее важный памятник армянской архитектуры доарабского периода, – это храм в Аруче. Храм является купольной залой и, судя по всему,

²⁰ Дурново Л. А. Краткая история древнеармянской живописи. Ереван, 1957. С. 14.

²¹ Дурново Л. А. Древние фрески Армении // Очерки по истории искусства Армении. М.-Л, 1939. С. 28-29.

²² Казарян А. Ю. Алтарная преграда и литургическое пространство храма Звартноц // Иконостас. М., 2000. С.95-96.

²³ Казарян А. Ю. Храм VII века в Мастаре и его место в зодчестве Закавказья и Византии // Древнерусское искусство. Византия и Древняя Русь. СПб., 1999. С. 123.

²⁴ Собор св. Григория в Двине традиционно датируется между 608-628гг. (К. Кафадарян, В. Арутюнян), но в свете новых исследований его датировка переносится на 40-е годы VII века (А. Казарян), - то есть он современен Звартноцу.

²⁵ Казарян А. Ю. Триконховые крестово-купольные.... С. 18-19.

²⁶ Традиционно считается, что первоначальный храм в Ишхане был воздвигнут по типу Звартноца. Но не все исследователи разделяют это мнение (Марутян, Казарян). См: Казарян А. Ю. Триконховые....С. 26.

явился первым образцом этого типа в Армении²⁷, ставшим впоследствии популярным (Птгни, Ддмашен VII в, церкви князей Багратуни X в. и т.д.). Несмотря на свои многочисленные параллели, храм в Аруче существенно отличается от остальных своим неповторимым обликом. В архитектурном образе храма нет характерных для большинства армянских церквей аскетизма и суровости, ему свойственен своеобразный «аристократизм». Все это было обусловлено вкусами и личностью заказчика – князя Григора Мамиконяна, известного своими передовыми взглядами и византийской ориентацией²⁸. В общих чертах храм в Аруче выдержан в рамках национальной архитектурной школы, однако в нем много новых черт – каркасная система с применением сферических парусов и тонких стен, – впервые использованных в армянской архитектуре. Важное значение приобретают и отдельные приемы: метки мастеров византийского образца, что, возможно, указывает на армянских мастеров, прошедших выучку в столице и применивших свои навыки в Аруче²⁹. О византийской ориентации заказчика храма говорит такая деталь, как строительная надпись на восточной стене, где упоминается император Константин, в правление которого был воздвигнут храм.

О византийском влиянии свидетельствует фресковая живопись Аруча. Живописью было покрыто все пространство храма, что очевидно по остаткам штукатурки в интерьере. Однако до нас дошла лишь небольшая часть центральной композиции конхи, где изображен стоящий во весь рост Христос с раскрытым свитком – «Христос, дающий закон». Уже сама иконография указывает на столичный круг памятников и в отличие от иконографической программы других армянских церквей, где изображены «Вознесение» с пророческими видениями (Лмбат) и «Этимасия» (Талин). В росписи Аруча, как ни в одном другом живописном памятнике, отразились эллинистические традиции, выразившиеся в объемно-пространственном характере построения фигуры и в классических его пропорциях, в структуре цвета и тональной моделировке³⁰. В то же время Аручская живопись имеет черты местной художественной традиции, тем самым не вызывая сомнения в работе армянских мастеров, хорошо знакомых с византийской живописной традицией. Выделяется орнаментальный пояс, отделяющий конху от основной части апсиды, состоящий из гирлянды листьев аканфа, в композицию которого вписаны корзины с фруктами, гранаты, потиры³¹; близкие параллели этим

²⁷ На основании анализа храмов типа купольной залы VII века А. Казаряном было установлено, что именно Аруч является хронологически и типологически первым памятником и именно с ним связано привнесение некоторых черт ранневизантийской архитектуры. См: Казарян А. Ю. Собор в Аруче....С.65.

²⁸ С именем Мамиконянов в VII веке связано строительство ряда замечательных памятников, например, храм Зорава в Егварте, первый октагональный храм в Армении и в целом в Закавказье, который композиционно был связан с церквями св. Сергия и Вакха, Сан-Витале в Равенне и т.д. См: Халпахчян О. Х. Восьмиапсидные центральнокупольные сооружения средневековой Армении // АН. Т. 30. 1982. С. 60-76.

²⁹ Казарян А. Собор в Аруче....С. 67-70.

³⁰ Котанджян Н. Художественный язык Аручской росписи и раннесредневековые фрески Армении // II Международный симпозиум по армянскому искусству. Сб. док. Ереван, 1978.

³¹ Известен близкий аналог этому орнаментальному поясу на примере известково-стукowego карниза южного вестибюля св. Софии Константинопольской, что само по себе интересный факт. См: Казарян А. Ю. Собор в Аруче....С.76, примечание 67.

мотивам можно найти в композициях раннехристианских мозаик, особенно напольных.

Архитектурные памятники Армении, особенно VII века, отличаются богатством скульптурного убранства, что отличает их от византийских построек, однако сама иконографическая программа армянских рельефов восходит к ранневизантийской традиции. Памятники более раннего периода – храмы V века, – имеют декорацию в виде символических, растительно-геометрических мотивов: крест в медальоне, пальмовые ветки, птицы или другие животные, выражающие основные христианские догматы в символической, иносказательной форме. Но уже на памятниках VII века появляются композиции совершенно другого характера: это евангельские сюжеты и отдельные персонажи, в том числе изображения донаторов. Следует отметить оконную бровку южного фасада храма в Птгни, где в композиции «Вознесения» представлены полуфигуры Христа и апостолов в медальонах, а также рельефы храма в Одзуне³², на трех фасадах которого, над оконными бровками, представлены Христос, летящие ангелы, Богородица и т. д. Подобные скульптурные изображения являются моленными образами, воплощающими те же главные христианские догматы, выраженные уже в новой, по сравнению с V веком, иконографической программе. Говоря об Одзуне, нельзя не упомянуть найденную в интерьере храма (в нише северной стены) скульптуру Богородицы с младенцем. Это единственная известная и дошедшая до нашего времени объемная скульптура, которая, по всей вероятности, являлась моленным образом, своего рода каменной иконой.

По сообщению Вртанеса Кертюла (конец VI - начало VII в.), «в стране армянской не знали святых образов до тех пор, пока не привезли (их) из страны ромейской (византийской)»³³. Из средневековых источников мы также узнаем (Левонд, Степанос Таронаци и т.д.), что из Византии действительно привозили святые образы, как например образ Христа, привезенный Ашотом Патриком (685-689) для построенной им церкви, в честь которого даже был сочинен специальный шаракан (гимн)³⁴. Степанос Орбелян сообщает, что по распоряжению католикоса Вагана (969г.) из Грузии привозились св. Образы, которые помещались в алтаре и использовались во время литургии, как было принято у греков³⁵. О том, что в армянских церквях были святые образы, предполагает и С.Тер-Нерсисян³⁶. Появление святых, моленных образов было обусловлено в первую очередь тесными контактами с византийским миром, а в дальнейшем эти образы, думается, были запрещены и уничтожены как несоответствующие национальной церковной традиции, как, например, уничтожались рукописи и сочинения армян-

³² В научной литературе Одзунский храм датируется серединой VI века, однако есть мнение, что он воздвигнут в первой половине VII века, что объясняет появление вышеуказанных изображений, соответствующих по стилю и по содержанию памятникам именно VII столетия. См: Казарян А. Ю. Храм VII века ...С. 123.

³³ Der-Nersessian S. Image worship in Armenia and its opponents // Etudes Byzantines et Arméniennes. Vol. 1. Louvain 1973. P. 406-415; Тер- Нерсисян С. Сочинение VII в. в защиту иконопочитателей // Армянское искусство в средние века. Ереван, 1975. С. 18-20. (на арм. яз.)

³⁴ Седракан А. О почитании образов в армянских церквях (обзор источников). С.-ПБ., 1904. С. 56-61 (на арм. яз.).

³⁵ Степанос Орбелян История Сюника. Тифлис, 1910. С. 254, 256-257.

³⁶ Der-Nersessian S. Image worship in ArmeniaP. 411.

халкидонитов. Что касается самих моленных образов, то очевидно, что икона в классическом ее понимании – живописи на доске, – в Армении не имела распространения, но концепция иконы была знакома и понятна армянским мастерам. Во-первых, сам факт существования скульптуры Богоматери с младенцем в Одзунском храме говорит о традиции моленных образов, кроме того, многочисленные фрагменты фресковой живописи в церквях говорят в пользу почитания, а не отрицания святых образов.

О традиции почитания святых образов свидетельствуют и многочисленные каменные стелы Армении, покрытые декоративными и сюжетными изображениями. Хотя в стилистическом отношении рельефные изображения выявляют больше восточные и отчасти местные принципы художественной трактовки, но иконографически они восходят к византийским прототипам. Здесь можно встретить изображения Христа, Богоматери с младенцем, архангелов, святых и мучеников, отдельные библейские и евангельские сюжеты, а также донаторские изображения. Принято считать, что армянские стелы возводились в V-VII веках, и даже есть тенденция отнести их происхождение к более раннему времени – к периоду IV-V веков³⁷. Однако, сопоставляя рельефные изображения этих памятников с фасадной скульптурой VII века, можно заметить определенную общность в композиционной и стилистической интерпретации: моделировка ликов и одеяний, принцип плоскостной обработки рельефов с укрупнением отдельных частей лика и т.д. Такие образы, как восседающий на троне Христос, Богоматерь с младенцем и ангелами, святые воины и христианские святые, как например св. Христофор, без сомнения восходят к византийской иконографии. Не вызывает сомнения и то, что изображения на каменных стелах Армении являются святыми моленными образами. Вопреки устоявшемуся мнению о том, что каменные стелы Армении датируются V-VII веками, мы склонны конкретизировать датировку до периода одного столетия – VII века, периода активных культурных связей с Византией³⁸.

В армянской пластике VII века особое место занимает скульптурная композиция Мренского храма (641г), выявляющая наибольшую близость к византийским памятникам. Западный вход в Мренский храм украшает большая донаторская композиция, где представлены фигуры Христа, архангелов, апостолов и светских лиц. Донаторская композиция необычно монументальна и не имеет прецедента в армянском искусстве, являясь самым ранним примером подобной иконографической композиции (им современны, а также стилистически и иконографически близки рельефы храма св. Креста в Джвари). Иконографическая композиция Мрена в основе своей византийская. На византийскую же иконографию ориентированы и некоторые другие памятники: Пемзашен VII в. (Богоматерь с младенцем, ангелами и донатором), храм св. Креста на острове Ахтамар X в. (Гагик Арцруни вручает модель храма Христу), а также миниатюра

³⁷ Дурново Л. А. Очерки изобразительного искусства средневековой Армении. М., 1979. С.37; Асратян М. Армянская архитектура раннего христианства. М., 2000. С. 40.

³⁸ Акопян З. К вопросу о датировке каменных стел Армении // Первая научная сессия молодых искусствоведов. Сб. док. Ереван, 2005 (на арм. яз.).

Адрианопольского Евангелия 1007г. (донатор вручает кодекс Богоматери с младенцем).

Однако не только в иконографическом, но и в стилистическом плане скульптурная композиция Мренского храма выявляет близость к византийским памятникам. Н.Тьерри нашла очень точную параллель с фигурой Христа Мренского храма: Христос из мозаичного ансамбля церкви свв. Космы и Демияна в Риме (VI в.). Автор обращает внимание на постановку фигуры, на манеру трактовки волос, а особенно, на характер моделировки одеяний. Несмотря на некоторое огрубление и пропорциональное изменение фигуры Христа в Мренском рельефе, близость фигур по принципу их художественной интерпретации очевидна³⁹. Не вызывает сомнения, что армянские мастера ориентировались на памятники предшествующего VI столетия. Очевидно, что византийское искусство VI столетия было культурным ориентиром для искусства Армении VII века, будь то архитектура, монументальная живопись или изделия декоративно-прикладного искусства (знаменитый переплет из слоновой кости Эчмиадзинского Евангелия).

Другая композиция, расположенная над северным входом в Мренский храм, представляет сцену поклонения св. Кресту, как ее справедливо трактует Н.Тьерри⁴⁰. Армянские исследователи в данной сцене видят траурное шествие (Б.Аракелян), или сцену закладки храма (М.Саргсян, Л.Азарян). Нам кажется более верной интерпретация Н.Тьерри, согласно которой над северным входом изображена сцена «Приобретение Животворящего Креста»⁴¹, так как только событие общехристианской значимости могло послужить сюжетной основой для декорации средневекового храма.

Мренский храм был украшен также фресками, покрывающими все внутреннее пространство, включая купол. Но, к сожалению, их сохранилось очень мало. Мренские фрески, как и все главные памятники монументальной живописи VII века, по определению Н.Тьерри, несут в себе отголосок постюстиниановского искусства⁴².

В конце VII – в начале VIII века политическая и культурная ситуация резко меняется. Арменией управляют арабские наместники, которые хоть и не запрещают, но всячески препятствуют культурному и духовному развитию страны.

³⁹ Thierry N. La Cathedrale de Mren et sa Decoration // CA. Vol. 21. PP. 44-77; Казарян А. Ю. Храм VII века ...С.127-128.

⁴⁰ Thierry N. La Cathedrale ...P.69-76.

⁴¹ События византийской истории во времена правления императора Ираклия (610-641) оставили ощутимый след в истории и искусстве Армении. В византийско-персидской войне, военные действия которой происходили на территории Армении, была отвоевана и возвращена в Иерусалимский храм главная христианская реликвия – св. Дерево. Неудивительно поэтому, что многие храмы VII века на территории Армении, а также соседней Грузии, были посвящены св. Кресту. Более того, появились праздники, посвященные св. Кресту. Показательно, что император Ираклий упомянут в Мренской надписи 639-640гг., а также в надписях церквей Алама 637г. и Багавана 639г. См: Орбели И. Багаваская надпись 639г и другие армянские ктиторские надписи VII века // Орбели И. Избранные труды. Ереван, 1963. С. 386, 395, 401; Арутюнова-Фиданян В. А. Образ Византии в армянской историографии X века. // ИФЖ. 1992. №1.; Казарян А. Ротонда Воскресения....С.11.

⁴² Thierry N. La CathedraleP.76-77.

В течение полутора столетий не строились церкви, не развивались никакие виды искусства. В этот период сама Византия оказалась в тяжелом положении, потеряв территории на Востоке. Создававшаяся политическая и экономическая ситуация привела к частичному разрыву связей Армении с империей и вынудила многих представителей знатных княжеских родов и их подданных переселиться в Византию. Вследствие этого, начинает заметно возрастать армянское население Византии, особенно в некоторых областях Малой Азии⁴³. Среди многонационального состава Византийской империи армяне, число которых к XI веку заметно возросло, проявили себя в разных областях жизнедеятельности империи. Из их среды вышло много военачальников и лиц, достигших высоких должностей при дворе⁴⁴, а также представителей духовенства. Образование крупных колоний и большая концентрация представителей одной этнической группы в восточном регионе со своими уже сложившимися культурными традициями не могли не оставить след в византийской культуре⁴⁵.

Во второй половине IX века, когда начинается закат могущества арабской державы, в Армении создаются благоприятные условия для объединения страны. Начинается новая эпоха. Снова усиливается взаимный интерес Византии и Армении. IX-XI вв. были важным периодом истории двух стран, это был период наибольшего политического и культурного сближения Византии и Армении. В 80-ые годы IX века имела место активная переписка патриарха Фотия с католикосом Закарией Дзагеци⁴⁶ по некоторым конфессиональным вопросам, а также с царствующим Ашотом Багратуни⁴⁷. В период установления Македонской династии и царствования Василия I рождается легенда о принадлежности императора к роду царей Аршакуни⁴⁸. Кроме того, именно в это время в Византии находит широкое распространение культ Григория Просветителя, его житие переводится на греческий язык, включается в византийский Менологий и вносится в греческий

⁴³ Арутюнова-Фиданян В. А. Армяно-византийская ...С.41.

⁴⁴ Каждан А. П. Армяне в составеС.150, 161, 162.

⁴⁵ Эпос о Дигенисе Акрите сложился в IX-X веках в среде армян-павликиан (Н. Адонц, А. Грегуар, Р. Бартикян). Территория, где сложился эпос, включает Малую Армению, армянскую часть Месопотамии и Каппадокию. В основе эпоса лежат песни, восхвалявшие подвиги павликианских вождей, некоторые действующие лица имеют армянское происхождение, в эпосе сохранились армянские топонимы. См: Бартикян Р. Эпос о Дигенисе и завоевание Византией Южной Армении // Вестник ЕГУ. 1969. №2. (на арм. яз.). Там же библиография по этому вопросу.

⁴⁶ Согласно последним исследованиям знаменитое «Послание Фотия» было подготовлено армяно-халкидонитской общиной в Армении. Однако появление данного послания и упоминание имени патриарха Фотия связано с интенсификацией армяно-византийских государственных и конфессиональных связей. Как известно, с именем Фотия связана активизация почитания Григория Просветителя в Византии, который стремился к консолидации сил восточнохристианской Церкви. Св. Григорий – примас Армянской Церкви, популярный среди армян, сирийцев и коптов, идеально подходил на роль связующего звена. Фотий открывает в церкви св. Троицы реликвии Григория и святых дев Рипсима и Гаяне, при нем появляется греческая версия Агафангела, житие Григория Просветителя включается в менологий Симеона Метопфраста. См: Арутюнова-Фиданян В. А. Православные армяне в контексте борьбы за унию церквей на Христианском Востоке // Традиция и наследие христианского Востока, Матер. конф., М.,1996.

⁴⁷ Юзбашян К. Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX - XI века. М.,1988. С. 39, 59.

⁴⁸ Там же. С. 100-102.

церковный календарь⁴⁹, и, как результат такого интереса, образ Григория появляется в византийских памятниках⁵⁰: несохранившаяся мозаика в св. Софии Константинопольской⁵¹, фрески Панагии тон Халкеон⁵² и Осиос Лукас⁵³, миниатюра Минология Василия II⁵⁴ и др.

После периода временного затишья, армяно-византийские культурные связи наглядно проявились в таком важном памятнике, как миниатюры Евангелия царицы Млке 862 года. Здесь, в люнетах таблиц канонов, оформленных роскошными, имитирующими мрамор колоннами, представлены так называемые «нильские пейзажи» – сцены рыбной ловли, изображения крокодилов и другой морской живности. Эти хорошо известные по раннехристианским памятникам сюжеты восходят к традициям александрийского эллинизма⁵⁵. В рукописи сохранились также портреты евангелистов и одна сюжетная композиция – «Вознесение». Можно отметить много черт, характерных для памятников Македонского Ренессанса. Портреты евангелистов обрамлены широкой рамой, декорированной вьющимися лентами, ветками, что придает им особую торжественность. В портретах евангелистов интересны пространственные построения: сидящие и стоящие евангелисты представлены развернутыми в пространстве, подставка под их ногами дана в резком перспективном сокращении, а сами фигуры представлены на фоне декоративных занавесок, за которыми виднеются стилизованные архитектурные фрагменты. Перед сидящими евангелистами находятся подставки для книг в виде символов – льва и орла, – что также характерно для рукописей Македонского периода. По некоторым композиционным чертам портреты евангелистов армянской рукописи близки к миниатюрам известного греческого Евангелия из монастыря Ставреникиты №43, однако армянским миниатюрам присущ «восточный» характер образов.

В период второго расцвета армянского искусства – в начале X века – Армения Багратидов в политическом и культурном отношении, как и в период их

⁴⁹Юзбашян К. Н. Армянские государства...С.103; Арутюнова-Фиданян В. А. Православные армяне...С.59.

⁵⁰Муцопулос Н., Димитрокаллис Г. Культ святого Григория Просветителя в Греции // IV Международный симпозиум по армянскому искусству. Тез. док. Ереван, 1985.

⁵¹Мозаичное изображение Григория Просветителя, вместе с фигурами других отцов церкви, появилось в св. Софии (северные и южные ниши над галереей) в послеиконоборческий период, во времена Фотия. В 1931 г американским институтом византистики из этого мозаичного ряда было открыто и отреставрировано только три изображения. Остальные же фигуры осыпались в результате восстановительных работ, но сохранились воспроизведения, в частности есть изображение Григория Армянского с соответствующей греческой надписью его имени. См: Перперян Г. Мозаика св. Григория Просветителя в св. Софии // «Андастан». №89. Париж, 1958. С. 114. Ил. 1 (на арм.яз.); Mango C. Materials for the Study of the Mosaics of St. Sophia at Istanbul. Washington, 1962. P. 50; Der-Nersessian S. Les portraits de Gregore l'Illumineur dans l'art byzantin // Etudes Byzantines et Arméniennes. Louvain, 1973. Vol., 1. P. 31.

⁵²В церкви Панагии тон Халкеон Григорий Просветитель представлен в апсиде См: Papadopoulos K. Die Wandmalereien des XI. Jahrhunderts in der Kirche Tonhalkeon in Thessaloniki, dans Byzantina. Graz- Köln, 1966. P. 28. Fig. 7, 23.

⁵³В Осиос Лукас Григорий Просветитель представлен (поясное изображение) на одном из северных сводов. См: Demus O., Diez E. Byzantine Mosaics in Greece. Daphni and Hosios Lucas. Cambridge, 1931. Fig. 256, 258.

⁵⁴Ibid: P.33.

⁵⁵Дурново Л. А. ОчеркиС.172.

предшественников – Мамиконянов, ориентировалась на Византию. В архитектуре времени Багратидов основной акцент делается на классические армянские памятники VII века. К этому периоду относится деятельность архитектора Трдата, которому принадлежат основные культовые постройки Ани и других центров Ани-Ширакского царства. Работая в Шираке, Трдат построил церковь в Аргине – тип купольной залы, восходящий к Аручу, в Ани он возвел кафедральный собор и церковь св. Григория – Гагикашен (копия Звартноца). После смерти Смбата II Багратуни (977-989) ведущий архитектор Багратидского княжества направляется в Константинополь, где вовлекается в работы по восстановлению разрушенного во время землетрясения купола главного храма империи – св. Софии (989г.)⁵⁶. Чтобы быть допущенным к работе над памятником такого масштаба, Трдат, разумеется, должен был быть известен в столице и пользоваться популярностью при дворе, чему способствовали прямые связи царства Багратидов с византийским двором. Деятельность армянского зодчего в столице, где он проявил себя как опытный архитектор и строитель, стала еще одной гранью армяно-византийских культурных отношений этого времени.

Анийское царство хорошо известно не только своими храмовыми постройками. Правда, памятники монументальной живописи этого периода до нас, практически, не дошли, но известно несколько иллюстрированных кодексов, представляющих так называемую «анийскую» школу миниатюры⁵⁷. Как показывают сами памятники, анийская школа, с присущим ей восточным характером живописи, многое берет из византийской художественной традиции. Конечно, в стилистическом плане византийская струя подверглась сильной трансформации, но в отношении иконографии и композиционного построения сцен, в использовании отдельных орнаментальных мотивов византийское влияние стало решающим. Анийские рукописи выявляют ряд черт, свойственных новому этапу оформления греческих манускриптов: евангельским текстам предшествуют прямоугольные заставки, такие же заставки венчают таблицы канонов, а в орнаментальное убранство заставок, пока еще сдержанно, вводится византийский цветочно-лиственный орнамент.

Портреты евангелистов в Евангелиях 1053г. и Бегюнц даны на фоне богато оформленных архитектурных кулис, представленных в перспективном сокращении. Примечательно декоративное оформление этих фрагментов: стены украшены характерной для византийского зодчества кирпичной орнаментикой, указывающей на византийский прототип. Среди миниатюр особенно интересен портрет Иоанна, где он представлен диктующим евангельский текст своему ученику Прохору. Характерно, что во всех анийских рукописях евангелист Иоанн дан именно в этой иконографической трактовке, восходящей к византийской традиции. Однако, в отличие от общепринятой схемы, Иоанн и его ученик изображены не на острове Патмос, а на фоне всех тех же архитектурных кулис. В портретах Евангелия 1053г. Т. Измайловой совершенно справедливо были выделены две группы; Матфей и

⁵⁶ Халпахчян О. Х. Архитектура Армении // ВИА. Т.3. Л.-М., 1966. С. 234.

⁵⁷ Измайлова Т. А. Армянская миниатюра XI века. М., 1979. Гл. 4.

Иоанн стилистически и иконографически теснее связаны с византийской традицией, а два других портрета выполнены в русле местной, восточной школы⁵⁸. Также следует отметить, что портреты евангелистов (не все) имеют греческие надписи их имен (Евангелия 1053г и Бегюнц). Нет сомнения в том, что армянские мастера были хорошо знакомы с византийской традицией и пользовались греческими прототипами, но при этом всегда проявляли творческий подход, приспосабливая «все новое» к местным художественным вкусам.

О тесных контактах Армении и Византии свидетельствует и другая группа иллюстрированных кодексов, известных в научной литературе как «византинизирующие армянские рукописи»⁵⁹. В этот круг входят: Адрианопольское и Трапезундское Евангелия, Евангелие Гагика Карсского, рукописи № 275 и № 10434, а также несколько уцелевших фрагментов. Византинизирующие рукописи теснее, чем анийские связаны с традицией греческих иллюстрированных кодексов. В то же время имея очень много общего с византийскими иллюстрированными манускриптами, они не находят точных аналогий в памятниках византийской миниатюры.

Адрианопольское и Трапезундское Евангелия⁶⁰ возникли за пределами Армении, в армянских колониях Византии; одна рукопись переписана в Македонии, о чем известно совершенно точно, а другая – происходит из малоазийских территорий империи⁶¹. Адрианопольское Евангелие, как сообщается в колофоне, было создано в 1007г. в городе Адрианополе и было заказано представителем одного из высших чинов византийской армии.

И Адрианопольское, и Трапезундское Евангелия написаны на родном – армянском – языке, но вместе с тем украшающие их миниатюры снабжены греческими надписями. Кроме того, некоторые миниатюры своей иконографией напрямую связаны с византийской традицией и не имеют параллелей в армянском искусстве. В Адрианопольском Евангелии это донаторская композиция, где заказчик Иоанн (использована грецизированная форма имени заказчика) вручает кодекс Богородице с младенцем, а в Трапезундском – композиции «Христос-Пантократор» и «Деисус». Учитывая византинизирующий характер Трапезундского Евангелия, можно предположить, что появление двух вышеуказанных композиций в армянском манускрипте указывает на возможное использование греческого прототипа. Однако данного обстоятельства недостаточно, чтобы объяснить это результатом лишь простого заимствования, так как композиции «Пантократор» и «Деисус», отражающие идейные и иконографические перемены в византийском искусстве, указывают на вполне

⁵⁸Измайлова Т. А. Художественное убранство армянской рукописи 1053г. // Вестник Матенадарана. 1960. №5.

⁵⁹ Впервые данное определение было сформулировано В.Н.Лазаревым. См: Лазарев В.Н. История византийской живописи. М., 1986. Т.1.С.84.

⁶⁰ Адрианопольское и Трапезундское Евангелия хранятся в библиотеке монастыря св.Лазаря. См: Саркисян В. Главный каталог армянских рукописей мхитарийского собрания Венеции. Т.1. Венеция, 1914 (на арм.яз.).

⁶¹ Акопян З.А. Вопросы датировки и локализации Трапезундского Евангелия // ВОН. 2007. № 1(618).

конкретную и устоявшуюся традицию – на православную ориентацию⁶². Важным аргументом в художественном отношении является стиль миниатюр Адрианопольского и Трапезундского Евангелий, где наиболее ярко воплотились принципы византийской живописной традиции. Более того, согласно химическим исследованиям⁶³, в красочном слое миниатюр Адрианопольского и Трапезундского Евангелий использованы пигменты органического происхождения, характерные для греческих рукописей, в то время как в армянской миниатюре традиционно применялись природные краски. Все это указывает на то, что мастера, украшавшие рукописи, сложились как художники в Византии.

Евангелия №10434 и №275⁶⁴ не имеют лицевых миниатюр. Эти рукописи отличает изысканность стиля, использование византийского цветочного орнамента, деликатное введение золота. Украшающие манускрипты каноны имеют прямоугольные заставки, а заглавные листы – П-образные. С одной стороны в оформлении заставок Евангелий присутствует стандартный набор декоративных элементов, характерных для многих греческих рукописей, есть сходство в стиле и в общей колористической гамме. Но вместе с тем здесь есть элементы, указывающие на иную художественную традицию. В первую очередь это касается больших инициалов, проходящих через всю страницу, не известных в греческих кодексах, но характерных для армянских рукописных памятников.

Колофон Евангелия №10434 сообщает, что рукопись происходит из монастыря Нарек (южнее Ванского озера) и по тексту соответствует каноническому образцу, написанному самим «Месровбием». Обращает на себя внимание использование грецизированной формы имени Месропа Маштоца, что определенно указывает на грекоязычную среду. Это тем более очевидно, что согласно источникам, монастырь Нарек был основан в середине X в. армянскими священнослужителями, прибывшими из Византии⁶⁵.

Евангелие Гагика Карсского⁶⁶ относится к богато иллюстрированным армянским рукописям. Здесь представлен обширный евангельский цикл (180 миниатюр), примеры которого редки в армянской рукописной традиции⁶⁷. Стиль миниатюр Карсского Евангелия в основе своей близок к классической традиции, но все же далек от рафинированности столичного византийского искусства. Однако бесспорным остается то, что мастер Карсского Евангелия ориентировался на

⁶² Акопян З.А. О некоторых миниатюрах Трапезундского Евангелия // Вестник Ереванского Университета. 2005. №1 (на арм.яз.)

⁶³ Mathews Th., Orna M. Four manuscripts at San Lazzaro, Venice // REA. 1992. Т. 23.

⁶⁴ Рукописи находятся в собрании Матенадарана и датируются второй половиной XI века. См: Еганян О., Зейтунян А., Антабян П., Каталог рукописей Матенадарана. Ереван, Т. 1. 1965. (на арм. яз.).

⁶⁵ Степанос Таронаци Вселенская история. С-Пб, 1885. С.171 (на арм. яз.); Арутюнова-Фиданян В. Армяне-халкидонитыС.94, 105.

⁶⁶ Карсское Евангелие (№ 2556) хранится в библиотеке армянского католикосата в Иерусалиме. См: Narkiss B. Armenian Art Treasures of Jerusalem. Jerusalem, 1979. P. 34. Fig. 44-46; Der-Nersessian S. L'Evangile du Roi Gagik de Kars: Jérusalem, N 2556 // REA. Т.18. Paris, 1984. PP. 85-99.

⁶⁷ Евангелие Гагика Карсского с его многочисленными миниатюрами С. Тер-Нерсисян сравнивает с греческим Лекционарием из монастыря Дионисиос cod. 587. См: Der-Nersessian S. L'art Arménien. (reprint) Paris. 1989. P. 108.

известные ему классические образцы, давая их в несколько иной художественной интерпретации.

Временем создания Карсского Евангелия принято считать период до 1064 года, когда Гагик в условиях сельджукских завоеваний, уступив свое царство Византии, переселился туда же⁶⁸. Пока остается спорным вопрос о том, где именно было создано Евангелие Гагика Карсского – на территории Армении или в восточных землях Византии. Мы считаем непринципиальным, где именно было создано Евангелие Гагика Карсского – на территории Армении или в восточных землях империи, так как в период с X по XI вв. Армения, в особенности некоторые ее территории, находились под сильным политическим и культурным влиянием Византии. Следовательно памятники, возникшие на территории Армении, в среде с византийской культурной ориентацией, и памятники, созданные в среде армян, проживавших в Византии, в целом ориентировались на близкий художественный круг.

Рукописи, описанные выше, убедительно показали, что в армянской миниатюрной живописи имела место византийская художественная струя. И хотя таких памятников немного, художественное качество рукописей, а также географически обширный ареал их происхождения говорят о существовании целого направления, а не о локальном явлении. Хотя, по определению В.Н. Лазарева, «византийское влияние не имело решающего значения для основной линии художественного развития армянской живописи», однако группа византизизирующих рукописей XI века указывает на византийскую культурную ориентацию ведущих центров страны (Анийское княжество, княжество Гагика Карсского и др.).

Появление византизизирующего направления в армянской миниатюре именно в XI веке носит закономерный характер. В первую очередь это было обусловлено ведущей ролью византийской традиции книжной иллюстрации, окончательно сложившийся к XI веку⁶⁹. Кроме того, период X-XI вв. был временем политического и культурного подъема в Армении, это был расцвет эпохи Багратидов, время тесных политических и культурных отношений с Византией, прервавшихся с нашествием сельджуков.

Несмотря на то, что византизизирующие армянские рукописи рассматриваются несколько обособленно и, как считается, они не оказывали определяющего влияния на развитие армянской живописи, однако византийская струя в армянской миниатюре имела крепкие основы. Иначе нельзя объяснить византийский характер убранства некоторых рукописей уже следующего XII столетия (Евангелие №2600, Харбертское Евангелие 1160г №10360 – оба из Матенадарана, кодекс 1200г. из частного собрания в Нью-Йорке) периода, когда изменилась и политическая, и культурная ситуация в регионе, когда отношения с Византией, особенно отношение к ее образу в армянской историографии⁷⁰, претерпели сильные изменения.

Византийская художественная струя в армянской миниатюре на территории коренной Армении, к XIII века сходит на нет, однако она находит продолжение в

⁶⁸ Юзбашян К. Н. Армянские государства.....С. 172.

⁶⁹ Лихачева В. Д. Искусство Византии IV – XV веков. М., 1981. С. 183.

⁷⁰ Об эволюции образа Византии см: Арутюнова-Фиданян В. А. Армяно-византийскаяС. 93-140.

среде малоазийских, киликийских армян. Некоторые исследователи совершенно справедливо рассматривают византизирующие армянские рукописи в качестве предшествующего этапа для киликийских иллюстрированных кодексов⁷¹.

Таким образом очевидно, что в формировании и развитии искусства средневековой Армении большую роль сыграли культура и искусство Византии, явившиеся источником вдохновения и мерилom определенных норм в искусстве. Постоянные политические и культурные связи, наличие больших армянских колоний и большого числа армянского населения на территории Византии, активная деятельность армяно-халкидонитской общины как в Армении, так и в Византии, способствовали тому, что армяно-византийские контакты, особенно в области архитектуры, не носили односторонний характер⁷². После XI века армяно-византийские культурные контакты осуществлялись в основном через армяно-халкидонитские культурные центры, особенно ярко заявившие о себе в XIII веке.

⁷¹ Азарян Л. Р. Истоки киликийской миниатюры // ИФЖ. 1960. № 3. С. 44-46 (на арм.яз.).

⁷² Влиянием восточной, вернее Закавказской архитектуры, отмечена церковь Апостолов в Афинах (1020г.), этим же объясняется появление в византийской архитектуре так называемых храмов на тропках: Неа Мони на Хиосе (1040-е годы), Осиос Лукас в Фокиде и т.д. См: Брунов Н.И. Архитектура Византии // ВИА. Т. 3. М., 1966. С. 137; Mango K. Byzantine Architecture. New York, 1976. P. 224-227; Idem: A note on Panagia Kamariotissa and some imperial foundations of the 10th and 11th centuries at Constantinople // DOP. 1973. №27; Казарян А.Ю. Триконховые крестово-купольные С. 24-26. (с указанием соответствующей библиографии).

Сейрануш Манукян

РУБРИКАЦИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЛИТУРГИИ В ДЕКОРАТИВНОЙ СИСТЕМЕ АРМЯНСКИХ РУКОПИСНЫХ ЕВАНГЕЛИЙ

Seyranush Manukyan

RUBRICATION AS A REFLECTION OF THE LITURGY IN THE DECORATIVE SYSTEM OF ARMENIAN MANUSCRIPT GOSPELS

The system of artistic appearance of Armenian Manuscript Gospels is identified by marginal decors and pictures on text pages, which mention the beginning of certain extracts from Gospel text – rubrics with distinguished initials. Those extracts are readings from Gospel during the liturgy and are called «սիւնարաւիք գլխաւորը» (“Main Gospels”). Similar Rubrication allows to use Four Gospels (Tetraevangelia), which were Armenian Gospels in the Middle Ages, also as a Book of Pericopes. That peculiarity of Armenian Manuscript Gospels artistic appearance is examined in detail in the article: the formation and development of rubrics and marginals are reviewed from IX-XIV centuries. The rubric with the marginal are valued as an artistic unit of Armenian Gospel Artistic System.

Основой процесса превращения текста в рукописную книгу являлась рубрикация – подразделение текста по определенному плану на отрывки, завершённые по смыслу, и зрительное выделение их начала и конца. Декоративная система кодексов развивалась именно для оформления разделов текста. Элементы декора рождались для удобного, доступного и «приятного» использования текстовых частей книги, для быстрого нахождения нужного отрывка. По мере необходимости возникли заставки, отмечающие большие разделы книги. Со временем сформировались титульные листы, подчеркивающие значение начала книг и их крупных рубрик. Так появились и декоративные инициалы, фиксирующие внимание на первых строках абзацев. С той же целью применялись и другие декоративные элементы.

Рубрикация обусловила и особенности декоративной системы армянских рукописных Евангелий¹. Их декор бросается в глаза многочисленными орнаментальными маргиналиями, отмечающими начало живописно

¹ Исследованием рубрикации армянских рукописных Евангелий автор настоящей статьи занимается с 1992 г., см.: Манукян С. Формирование титульного листа в армянской рукописной книге//Вестник общественных наук АН Армении. Ереван, 1992, №4. С. 99-107 (далее – Манукян, 1992); Манукян С. Рубрикация в художественной системе армянских рукописных Евангелий//VII Республиканская научная конференция по армянскому искусству. Тезисы докладов. Ереван, 1995. С. 80-81; Манукян С. Принципы художественного оформления армянских рукописных Евангелий//Тезисы докладов научной конференции памяти Рубена Драмбяна. Ереван, 1996. С. 17-18; Մանուկյան Ս. Չարդանախը ձեռագիր Ավետարանների ուղղորդված մեջ// ԵՊՀ. Միջազգային գիտաժողով «Քրիստոնեական Հայաստանը քաղաքակրթությունների խաչմերուկ». Չեկոցունների դրոյթներ. Երևան, 2001. էջ 75; Манукян С. Рубрикация в киликийских Евангелиях//ՀՀ ԳԱԱ Արվեստի ինստիտուտ. Միջազգային գիտաժողով «Քրիստոնեական Հայաստանի արվեստը». Երևան, 2001. էջ 39; Манукян С.С. Армения. Искусство рукописной книги//Православная энциклопедия. Том III. Москва, 2001. С. 301-306; Մանուկյան Ս. Չեռագիր մատյան/Քրիստոնեա Հայաստան. Հանրագիտարան. Երևան, 2002. էջ 648-651 и другие .

акцентированных рубрик. Эти, присущие, только армянским рукописям элементы во многом определяют их художественный строй. Наша цель – охарактеризовать их, объяснить, как и почему они появились, какие функции исполняли, и какое значение имели для системы декорации.

Среди сохранившихся иллюминированных армянских рукописей Евангелия составляют абсолютное большинство. Они были первыми целостными кодексами, в которых разрабатывались принципы и системы художественного оформления и других книг (Библий, Чашоцов, Маштоцев, Шаракноцев, Гомилиариев, Сборников²). Декоративная система основана на композиции листа с текстом, образованной рубриками. Благодаря этому, рукописный текст приобретал художественность, независимо от наличия лицевых миниатюр. Сложившаяся композиция листа с текстом, впоследствии неизменная, известна с IX в. (сравни *Гогаранское Евангелие IX в., Матенадаран, № 10110* с *Евангелием Матери Католикоса VII в., Матенадаран, № 10680*).

Среди богослужебных книг Армянской Церкви нет Книги евангельских чтений. Текст Евангелия в армянской рукописной традиции – это всегда Четвероевангелия. Они содержали в себе полный текст четырех канонических евангелий от Матфея, Марка, Луки и Иоанна; перед ними находятся хораны – Послание Евсевия Кесарийского Карпиану и каноны согласия, оформленные арками. В начале, а чаще в конце каждого евангелия писались Предисловия или Послесловия – **ипотезисы** – со сведениями о евангелистах, написанных ими евангелиях и оглавлениями³. Текст их встречается в нескольких версиях. В рукописях зрелого и позднего средневековья они могли отсутствовать. Данная структура армянского Четвероевангелия полностью соответствовала греческим Евангелиям-тетр⁴. Однако их декоративные системы отличались.

Для системы декорации византийских Четвероевангелий характерны не всегда украшенные Послание Евсевия и каноны согласия, заглавные листы с заставками и орнаментированными или фигурными инициалами, листы с текстом не имели декора⁵. Армянские Четвероевангелия, напротив, содержат всегда богато

² О видах книг см. Казарян В.О., Манукян С.С. Матенадаран. Том 1. Армянская рукописная книга VI-XIV вв. Москва, 1991. С. 15 (далее – Казарян, Манукян, 1991). Матенадаран – Институт древних рукописей им. Месропа Маштоца в Ереване.

³ О структуре армянского Четвероевангелия см. Тер-Мовсесян М. История перевода Библии на армянский язык. СПб., 1902. С. 243, 255, 267-281 (далее – Тер-Мовсесян, 1902); некоторые сведения можно почерпнуть в кн.: Անիայի Հ.Ս. Աստվածայրուի մատենի. Հայկական բնագիր/Անիայի Հ.Ս. Հայկական մատենագիտություն. հատ.Բ. Երևան, 1976. էջ 309-352:

⁴ Тер-Мовсесян, 1902. С. 279-281; об этом же свидетельствуют полные описания византийских рукописей в следующих изданиях: Marava-Chatzinicolaou A. - Toufexi-Paschou Ch. Catalogue of the Illuminated Byzantine Manuscripts of the National Library of Greece. V. I. Athens, 1978. Cod. 56, 123, 204, 74, 113, 2507, 121, 117, 2364, 76, 57, 93. V. II. Athens, 1985. Cod. 77, 153, 152, 118, 127, 80, 81, 154, 158, 2982, 2508, 108, 2739, 2499, 2814 (далее – Marava-Chatzinicolaou - Toufexi-Paschou, 1978, 1985); Spatarakis. I. Corpus of dated illuminated Greek Manuscripts to the Year 1453. V.one, Text. Cat. №№ 9, 10, 17, 28, 33, 39, 46, 50, 51, 57, 74, 81-82, 112, 113, 123, 125, 134, 135, 136, 139, 141, 142, 149, 150, 152, 153, 154, 158, 164, 168, 169, 170, 176, 182, 183, 185, 188, 190, 191, 194, 195, 196, 202, 203, 206, 207, 210, 211, 215, 216, 217, 218, 222, 230, 231, 233, 234, 238, 239, 243, 245, 250, 254, 256, 259, 263, 265, 266, 272, 275, 281, 289, 291, 298, 304, 309, 310, 315, 320. V.two. Illustrations. Leiden, 1981 (далее – Spatarakis, 1981).

⁵ Там же. Речь не идет об иллюстрированных сюжетными миниатюрами рукописях.

украшенные хораны, титульные листы четырех евангелий с заставками, различными декоративными инициалами, декорированным текстом и справа маргиналией, увенчанной крестом, а также орнаментальные маргиналии почти на каждом развороте⁶. Эти различия, как нам удалось выяснить, объясняются бифункциональностью армянского Четвероевангелия. С помощью особой рубрикации оно исполняет и функции Лекционария, отражая литургию Армянской Церкви. Какова же была рубрикация?

Четвероевангелие имело несколько систем или видов подразделения, формирующих композицию листа с текстом. Первым из них являлась стихометрия. Подобно другим книгам Священного Писания, евангельский текст делился на стихи. В армянских Четвероевангелиях, согласно архимандриту М.Тер-Мовсисяну, было 8800 стихов⁷. В памятных записях писцов отмечено и другое количество стихов⁸. Каждый стих выражал отдельную мысль и зрительно выделялся. Он являлся самой маленькой рубрикой и первичной композиционной ячейкой листа. Стихи выделялись заглавной буквой, равной нескольким строчным буквам в ширину и межстрочному пробелу в высоту, с незаметным выходом за кромку столбца, и особой концовкой. Первоначально заглавные буквы отличались от строчных только размером, это были те же литеры округлого (месроповского) «еркатагира» – маюскула⁹. С IX в. они писались отличными от цвета текста красными или лиловыми чернилами, а с X в. – и золотом (*Эчмиадзинское Евангелие 989 г., Матенадаран, № 2374*), что становится общепринятым в киликийских рукописях. С развитием в XII в. минускульного письма «болоргир», которым и стали в основном создавать книги, заглавные буквы продолжали писать округлым или прямолинейным «еркатагиром». Это отличало их от основного текста и начертанием. Постепенно шрифт «еркатагир» становится письмом для инициалов. Заглавные буквы стихов, выстроившиеся в один вертикальный ряд, вносили в композицию листа ритм и определенную конструктивность. Концовка стиха представляла собой слово или его часть, чаще всего написанные в центре столбца, что зрительно отделяло один стих от другого и давало возможность читателям «взддохнуть», как говорят музыканты, вносило в текст «люфт» – воздух, паузу.

Более крупными разделами евангельского текста были так называемые секции Аммония – в действительности Евсевиевы главы, которых в армянских Четвероевангелиях насчитывалось 1165 или 1163¹⁰. Они писались с новой строки, совпадая с началами определенных стихов. Зрительно их выделяла, кроме инициалов, сквозная буквенная нумерация на полях, исполненная отличными от текста чернилами или шрифтом, обычно мелким «болоргиром» или «шхагиром».

⁶ См. прим. 1, а также Մարկոսյան Ա. Գրիչ Հովհաննես Սանդղղվանցի// ԲՄ, 10. Երևան, 1971. էջ 379-400; Казарян, Манукян, 1991. Илл.2, 3, 7-9, 43-46, 49, 50, 78, 85, 142, 143, 145, 146, 149, 171, 179, 200, 203, 204, 214, 217, 218, 220, 309, 325, 332, 350; Manoukian S., Ghazarian V. The Artistic System of the Armenian Manuscript Gospels//International Conference “Armenian Art and Architecture”, dedicated to S. Der-Nersessian’s 100th birth anniversary. Theses of Reports. Yerevan, 1996. P. 9-10.

⁷ Тер-Мовсисян, 1902. С. 279.

⁸ См. следующие рукописи Матенадарана: №10780, № 4804, № 3793 XI в., № 7664 1332 г.

⁹ О шрифтах см. Казарян, Манукян, 1991. С. 10–15, там же указана библиография.

¹⁰ Тер-Мовсисян, 1902. Там же.

Еще один вид рубрикации представляли ветхозаветные свидетельства¹¹. Они отмечались на полях, непосредственно рядом с текстом, графическими знаками и значками, означающими цитату, прямую речь, параллельное место, часто имели буквенные обозначения, цвет чернил которых также отличался от текста.

Указанные 3 подразделения текста армянского Четвероевангелия на стихи, Евсевиевы главы и свидетельства полностью совпадают с греческими Четвероевангелиями¹². Использованные для их рубрикации разноцветные чернила, золото, шрифтовое разнообразие с X в. играют все большую роль в сформировавшейся композиции листов текста. Золотом или цветом, часто красным, пишут Предисловие и Послесловие – **ипотезисы** –, колофоны и *Nomina Sacra* – священные слова. Наряду с каллиграфией, они придают рукописям высокую художественность без использования орнаментов и иллюстраций (*Гогаранское Евангелие IX в., Матенадаран, № 10110; Красное Евангелие 909 г., Матенадаран, № 6202; Эчмиадзинское Евангелие 989 г., Матенадаран, № 2374; Евангелие 1053 г., Матенадаран, № 3793; Евангелие Могни XI в., Матенадаран, № 7736 и др.*).

С конца IX в. описанная композиция листа, основанная на шрифтовом и цветовом различии и контрасте рубрик, дополняется декоративным убранством. Появляются живописные маргиналии – растительные, геометрические, крестообразные, вносящие в листы с текстом яркие цветовые акценты, нарядность. Их облик формируется в течение длительного времени и окончательно складывается в XII в., одновременно с правыми маргиналиями титульных листов, увенчанными крестом¹³. Маргиналии отмечали наиболее важные для декоративной системы армянского Четвероевангелия подразделения текста – так называемые «**главные евангелия**», которых нет ни в византийских, ни в западных Четвероевангелиях. (В конце каждого евангелия наряду со стихами, Евсевиевыми главами и свидетельствами переписчики указывают и количество «главных евангелий», что означает их равноценность. Среди основных подразделений армянского Четвероевангелия их приводит и архимандрит Тер-Мовсесян¹⁴.)

«Главные евангелия» являются евангельскими чтениями в течение всего церковного года на богослужении. Евангельский текст разделен на 252 отрывка (с некоторыми отклонениями в разных рукописях) для чтения по дням недель. Маргиналии отмечали начало каждого чтения. М. Тер-Мовсесян сообщает количество «главных евангелий» для каждого из четырех евангелий: от Матфея – 69, от Марка – 55, от Луки – 71, от Иоанна – 57¹⁵. Для краткости писцы часто называли «главные евангелия» просто «евангелиями» (Евангелие 1018 г.,

¹¹ Там же. Подразделение на стихи текста свидетельств, а также Деяний и Посланий апостолов проведено Евфалием Александрийским в V в.

¹² Там же; см. также описания греческих Четвероевангелий: Marava-Chatzinicolaou - Toufexi-Paschou, 1978. Cod. cit.; Marava-Chatzinicolaou - Toufexi-Paschou, 1985. Cod. cit.; Spatarakis, 1981. Cat. №№ cit.

¹³ Манукян, 1992. С. 106-107.

¹⁴ Прим. 8; см. также Тер-Мовсесян, 1902. С. 279-280.

¹⁵ Тер-Мовсесян, 1902, там же. Приведенное М. Тер-Мовсесяном количество «главных евангелий» мы встречаем в Евангелии 1171 г., Матенадаран, № 313. Но писцы в конце Предисловий и Послесловий сообщают и другое количество «главных евангелий» в каждом из четырех евангелий, в сумме составляющих 252 отрывка или близкое этой цифре число, см. Евангелия Матенадарана: № 10780 X в., № 3793 XI в., № 7664 XIV в. и др.

Матенадаран, № 4804, л.121; Евангелие XI-XII вв., Матенадаран, № 7737, л.182). Иногда же рядом с началом «главных евангелий» писались литургические пояснения с указанием праздника, дня и времени данного чтения (Евангелие XI в., Матенадаран, № 4804; Евангелие XI в., Матенадаран, №974; Евангелие XI-XII вв., Матенадаран, № 7737 и др.).

«Главные евангелия» (или главные чтения) выявлялись посредством двухчастной системы рубрикации: 1) оформлением начала чтения, собственно рубрики и 2) маргинальным изображением. Именно эта рубрикация позволяла использовать Четвероевангелие как Книгу евангельских чтений, как Лекционарий, зрительно выделяя те отрывки-чтения – **перикопы** – которые в православной традиции составляли Евангелия-апракос, а в западной – Евангелистарию¹⁶. Подобная рубрикация Четвероевангелия отсутствует в других рукописных традициях и придает армянским Евангелиям-тетр художественное своеобразие.

Рубрикация «главных евангелий» складывалась следующим образом, воплотившись в наиболее совершенные формы в киликийских книгах XII-XIV вв. Вначале размером, формой и скромными орнаментальными отрезками и включениями выделялись первая буква или первые буквы чтений, или вся первая строка (*Евангелие Матери Католикоса VII в., Матенадаран, № 10680; Гогаранское Евангелие IX в., Матенадаран, № 10110; Эчмиадзинское Евангелие 989 г., Матенадаран, №2374*). С X в. первая строка или несколько строк главных чтений писались отличными от основного текста чернилами – красными, вишневыми, лиловыми. Встречаются и другого цвета чернила. С XI в. (*Евангелие 1053 г., Матенадаран, №3793*) их начинают писать золотом, позже цветными декорированными буквами. С XI в. инициалы «главных евангелий» пишутся крупно, на несколько строк, «еркатагиром», орнаментализованно, часто с выходом на поле (*Евангелие 1053 г., Матенадаран, № 3793; Евангелие Могни XI в., Матенадаран, № 7736; Евангелие 1069 г., Матенадаран, № 10434 и др.*). С XII в. они приобретают форму растений, животных, птиц, человеческих фигур в сочетании с орнаментом или в орнаментальном обрамлении (*Евангелие XI-XII вв., Матенадаран, №7737; Евангелие XII в., Матенадаран, №10360; Евангелие XII в., Матенадаран, №7635; Евангелие XII в., Матенадаран, №2952*). Эти элементы рубрикации сопоставимы с инициалами византийских Евангелий-апракос¹⁷. В художественной композиции начал чтений развиваются характерные для армянских рукописей декоративные шрифты, используемые и для текстов титульных листов: «мозаичные», зооморфные, орнитоморфные, в виде рыб, растительные, чисто орнаментальные, антропоморфные, а в киликийских кодексах

¹⁶ Weitzmann K. Narrative and Liturgical Gospel Illustrations//Weitzmann K. Studies in Classical and Byzantine Manuscript Illustration, ed. by H.L. Kessler. University of Chicago Press. Chicago and London, 1971. P. 247-270; Idem. Byzantine Liturgical Psalters and Gospels. London, 1980; Beckwith J. Early Medieval Art. London, 1977. P. 97-124; Новая история искусств. Нессельштраус. Ц. Искусство раннего средневековья. СПб., 2000. С. 259-289, 332-360, 371. Евангелистарию по-английски называются "Book of Pericopes", в немецкой традиции - "Evangelistar" или "Perikopenbuch".

¹⁷ Marava-Chatzinicolaou-Toufexi-Paschou, 1978, Fig. 15-20, 31-42, 459-460; Spatarakis, 1981. Fig. 47, 53-54, 60, 76, 92, 100 и др. Указанные иллюстрации ср. Казарян, Манукян, 1991. Илл.85,142,143,145,147-149,171.

и историзованные инициалы (киликские *Евангелия XIII в.: Зейтунское, Матенадаран, № 10450 л. 211 об.; Матенадаран, № 197 л. 57 об.; Матенадаран, № 7648 л. 210; Матенадаран, № 5736 л. 251 об. и др.*), чаще встречающиеся на титульных листах¹⁸. Буквы этих декоративных шрифтов составлены из крохотных цветных пятен и штрихов, которые образуют птиц, зверей, рыб, людей, не теряя четкость формы и читаемость литеры. Великолепные примеры рубрик чтений создали киликийские художники в XIII в.

Однако этого было недостаточно для использования Евангелия-тетр в качестве Лекционария. По такой рубрике было трудно быстро найти необходимый отрывок. Нужна была большая наглядность и нумерация отрывков-чтений. С этой целью в систему рубрикации и включаются декоративные маргиналии, которые четко и броско отмечают на полях начала главных чтений. До X в. подразделение на «главные евангелия» было недостаточно разработано и функцию маргиналий исполняли чернильные значки и черточки, которые располагались в конце или начале строки, лишь частично заходя на поле (*Гогаранское Евангелие IX в., Матенадаран, № 10110 л. 5 и л. 142; Евангелие X в., Матенадаран, № 6202 л. 145; Евангелие 1033 г., Матенадаран, № 283 л. 76 и др.*). Их еще можно спутать со знаками, выполняющими другие функции. В X-XI вв. среди них появляются такие элементы, как косички, листочки, плетенки, орнаментализованные руки, деревья, грибовидные изображения, «педалирующие» начала чтений (*Эчмиадзинское Евангелие 989 г., Матенадаран, № 2374 л. 196; Евангелие 1018 г., Матенадаран, № 4804 на разных листах; Евангелие 1033 г., Матенадаран, № 283 л. 211 и др.*). И все чаще – это уже цветные живописные формы, обычно декорированные круги, крестики, со временем обогащенные орнаментальными мотивами, своеобразными “усиками”, точками, растительными, “игольчатыми”, зооморфными элементами, написанными красками и золотом (*Эчмиадзинское Евангелие 989 г., Матенадаран, № 2374; Евангелие XI в., Матенадаран, № 3793; Евангелие 1057 г., Матенадаран, № 3784; Евангелие XII в., Матенадаран, № 3756 л. 177 и др.*). Установившаяся схема маргиналий, которая лишь в деталях орнамента отличалась в разных рукописных школах, – образующие сердцевину в виде круга, овала, “червы”, лепестковой или другой геометрической формы и отходящие от нее вверх и вниз разнообразнейшие растительные и чисто орнаментальные завитки, отростки и ответвления. Она перекликается с маргиналиями на титульных листах. В композицию маргиналий включаются также кресты, цветочные, предметные, вазообразные мотивы, также храмики, животные, сирины, канделябры, пальмы (*Эчмиадзинское Евангелие 989 г., Матенадаран, № 2374, л. 96; Евангелие XI-XII вв., Матенадаран, № 7737 л. 70; Евангелие XII в., Матенадаран, № 6249 л. 143; Евангелие XII в., Матенадаран, № 2952 л. 201*). С конца XII в. – антропоморфные и сюжетные детали, расположенные в верхней части маргиналий (*Евангелие XII в., Матенадаран, № 4753 л. 185; Евангелие восьми художников XIII в., Матенадаран, № 7651 л. 15 об. – 16; Евангелие 1290 г., Матенадаран, № 5736 л. 67 об.*). Многие из

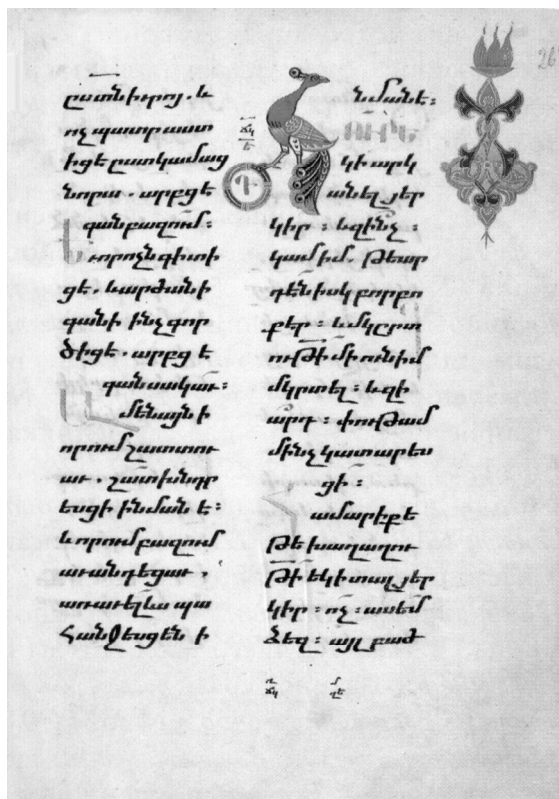
¹⁸ Казарян, Манукян, 1991. Текст и илл. на С. 11, 13, 14, 67, 81, 104-109, 113, 143, 159, 173-176, 187, 203; Manoukian S.S. L'art du livre en Cilicie et les traditions Byzantines/L'Arménie et Byzance. Histoire et Culture. Ouvrage. Paris, 1996. P. 127-134.

этих изображений были символичны и повторялись в разных рукописях для обозначения одних и тех же чтений, перекликаясь с ними по содержанию. Так, изображения небольших храмов символизировали Иерусалимский храм (*Евангелие 1057 г., Матенадаран, № 3784 л. 73; Евангелие XIII в., Матенадаран, № 4823 л. 77; Евангелие XIII в., Матенадаран, № 10450 л. 66 об., 95 об.; Евангелие XIII в., Матенадаран, № 8321 л. 89*), упоминаемый в данном чтении, петушки – Отречения Петра (*Евангелие XIII в., Матенадаран, № 7690 л. 99 об.; Евангелие XIII в., Матенадаран, № 5458 л. 299 об.*), пламя сопровождало тексты с упоминанием огня (*Евангелие XIII в., Матенадаран, № 3033 л. 262; Евангелие XIII в., Матенадаран, № 7690 л. 238 об.*), многочисленные кресты – чтениям, прославляющим животворящий Крест или иначе связанным с его упоминанием (начиная с *Эчмиадзинского Евангелия*, практически во всех рукописях, как *Евангелие 1290 г., Матенадаран, № 5736 л. 251 об.*). У Тороса Рослина фигурные маргиналии вместе с фигурными инициалами рубрик преобразованы в сюжетную сцену с краткой иконографической схемой (в *Зейтунском Евангелии 1256 г., Матенадаран, № 10450 л. 197 об.* они образуют сцену Благовещения). В Киликии соотнесение сюжета с маргиналией рубрики «главных евангелий» получает распространение (*Евангелие XIII в., Матенадаран, № 5458 л. 299 об., Евангелие XIII в., Матенадаран, № 10450 л. 391*)¹⁹. Оно сохраняется и в творчестве Саркиса Пицака в XIV в.²⁰ Орнаментальные маргиналии особенно разнообразны: встречаются спиралевидные, плетеные построения, рокайльные завитки в киликийских рукописях, аканфовые листья и пальметты и многое другое. Маргиналии исполнены с ювелирной тщательностью, красочно, в сочетании с золотом, украшают почти каждый лист и превращают его в поразительное художественное явление. Подобные декоративные маргиналии становятся неотъемлемым компонентом не только Евангелий, но и других литургических армянских книг, где также берут на себя функцию визуального подразделения текста. Они могут служить в качестве важного аргумента при атрибуции рукописи. Практически безошибочно можно сказать, что рукопись с такими маргиналиями была создана армянским мастером или в ней был использован армянский образец. Такой случай мы находим в Псалтири Vatopedi 761, датируемой 1088 г. или XII в., часть которой находится в Walters Art Gallery Н.Ш. В ней есть армянские надписи и на начальном листе I псалма справа от заставки, а также на других листах встречаются декоративные маргиналии, добавленные рукой киликийского армянского художника²¹.

¹⁹Казарян, Манукян, 1991. С. 89-216; Манукян С. Рукописная книга Киликии как целостный художественный организм//Հայագիտության արդի վիճակը և զարգացման հեռանկարները. Ձեկնուցումների ժողովածու. Երևան, 2004թ. էջ 491-497:

²⁰Դավթարյան Վ.Հ.. Սարգիս Պիճակ. Երևան, 1980. պտկ. II, նկ. 34-43 և ուրիշներ; Казарян, Манукян, 1991.. Илл. 382, 384, 386.

²¹Weitzmann K. The Psalter Vatopedi 761. Its Place in the Aristocratic Psalter Recension//The Journal of the Walters Art Gallery X. Baltimore, 1947. P. 31.

Евангелие 3033 Матенадарана, 1251 г., лист 262. Страница с рубрикой.

Для удобства использования чтения-рубрики «главных евангелий» нумеровались. Нумерация была систематизирована к XII в., когда окончательно сложились и формы рубрикаций. Схема маргиналий с пустой сердцевинкой как нельзя лучше подходила для этого. В нее вписывался буквенный номер чтения. Для нумерации применялось последнее подразделение Евангелия – книги Нового Завета, кроме Апокалипсиса и II Послания к коринфянам, делились по определенному плану на **седмицы**, или недельки – церковные чтения по неделям на весь церковный год²². Каждая седмица делится на семь отрывков по дням недели и обозначается буквенным номером. Вначале писался порядковый номер недели, потом день недели. Первым днем недели было воскресенье²³ – «кираки» по-армянски, и первая буква названия этого дня часто включалась в номер седмицы после порядкового номера недели. Начала седмиц совпадали с началами «главных

²² Согласно Тер-Мовсисяну, в основе этого подразделения лежат два праздника – Рождество и Пасха: начало каждого евангелия обозначено для чтения на Рождество, конец – на Пасху. Тер-Мовсисян, 1902. С. 279-280.

²³ С воскресенья начиналась неделя и у иудеев. Так, например, в ев. от Мф. 38-1 говорится: «По прошествии же субботы, на рассвете первого дня недели ...» - Бикерман Э. Хронология древнего мира. Москва, «Наука», 1975 (334 стр.), с. 55.

евангелий», и фактически нумерация седмиц стала и нумерацией «главных евангелий». В ранних рукописях номера седмиц указывались на полях, рядом с маргинальными знаками «главных евангелий» (*Евангелие Матери Католикоса VII в., Матенадаран, № 10680; Гогаранское Евангелие IX в., Матенадаран, № 10110*). Но постепенно они сливаются и вписываются в пустую сердцевину маргиналий. В ранних рукописях в каждом из четырех евангелий было 7 седмиц, однако уже с XI в. в большинстве кодексов седмиц в каждом из евангелий насчитывается 6, и число дней-чтений становится равным 42. Это число характерно для киликийских Евангелий. Количество «главных евангелий» превышает число седмиц, поэтому, когда нумерация седмиц кончается, маргиналии «главных евангелий» не содержат номера. В некоторых рукописях (Евангелие 1251 г., Матенадаран, № 3033 школы Ромкла) для нумерации седмиц использован отдельный маргинальный круг, в основном же номера седмиц писались в маргиналиях «главных евангелий». Отсутствие одной из седмиц, или одного из дней-чтений седмицы было связано с отсутствием чтения из данного фрагмента Евангелия на этой неделе или в этот день недели. Особенно часто отсутствуют седмицы в начале евангелия от Луки в киликийских Четвероевангелиях, часто отсутствуют чтения на четверг в разных седмицах. Фрагментация текста на седмицы менялась и приобрела четкость в Киликии, где стройность приобрели все системы рубрикации Евангелий.

Хотя «главных евангелий» было 252 отрывка, на практике не все из них выделялись в рубрики. К примеру, в Евангелии Могни XI в. (*Матенадаран, № 7736*) переписчик рукописи для евангелия от Матфея указывает лишь 60 «главных евангелий», столько же расцвеченных инициалов рубрик насчитывается в евангелии от Матфея²⁴.

В киликийских рукописях отмечено рубриками от 200 до 214 отрывков²⁵. В каждом из четырех евангелий оформлены от 42 до 54 «главных евангелий», в то время как в докилийских памятниках выделенных отрывков было до 72. Особенно различается количество рубрик в евангелиях от Луки.

Начало каждого евангелия было первым чтением, первым «главным евангелием», первым днем-чтением первой седмицы и получало первый номер в системах рубрик. Поэтому титульные листы каждого евангелия являлись первыми главными рубриками и получали роскошный декоративный убор²⁶. Их правые маргиналии, увенчанные крестом, исполняли ту же функцию выделения «главного евангелия», что и маргиналии на других листах, содержали в себе номер первой рубрики и своей формой развивали ту же схему (*Евангелие XII в, Матенадаран, № 3756 л. 415 и 162*). Таким образом, декор титульных листов также являлся частью рубрикации «главных евангелий».

²⁴ Впервые связь декоративных инициалов с началами «главных евангелий» заметил А. Матевосян в ук. соч. прим. 6, где и упоминает данный случай с Евангелием Могни.

²⁵ Подсчет произведен нами на основании киликийских Евангелий Матенадарана и сравнен с матенадарановскими же рукописями предшествующего периода, номера рукописей см. Казарян, Манукян, 1991. С. 233-261.

²⁶ О формировании и композиции титульных листов см. Манукян, 1992. С. 99-107.

Облик маргиналий, их мотивы, орнаменты, цветовое и ритмическое решение были в гармонии с композицией рубрик, с их инициалами и формой литер. Нередко они связаны друг с другом воедино, как, например, в рукописях Гладзора и Киликии (*Евангелие 1289 г., Матенадаран, № 197 л. 57 об.; Евангелие XIII в., Матенадаран, № 7648 л. 35об.*). Эти декоративные «узлы» на листах с текстом перекликались с убранством и колоритом титульных листов четырех евангелий – с орнаментами их заставок, инициалами, правой маргиналией, декоративными шрифтами. Более того, они отражались в декоре хоранов, в обрамлениях портретов евангелистов и сюжетных миниатюр. Именно рубрики «главных евангелий» определяли единство декора всего кодекса. Имея четкое функциональное предназначение – отмечать начала чтений на богослужении, они получили значение художественной «единицы», объединяющей части художественного организма рукописных Четвероевангелий в одно целое. Рубрики с декоративными маргиналиями стали неповторимой отличительной особенностью оформления армянских рукописей.

Вардан Ферешетян

НИКОЛАЙ АДОНЦ 1871-1942

Vardan Fereshetyan
NIKOLAY ADONTS

Nikolay Adonts is not only a historian but as well a “chronicler” in the exact classical meaning of the word. He knew the simple truth that without the harmonious combination of the higher cognition and the deepest sensuality one cannot write the history, which has been the peculiar distinction of our medieval chroniclers and which is seemingly being neglected by many of our contemporary historians. In his work “The Ancient Armenian World Outlook” Adonts for the first time tries to reveal the bases, the parallels and interpenetrations of our mythical Weltanschauung.

In the treatise “The Art Grammar of Dionysius and His Armenian Interpretations” through textographical philological comparison of the manuscript variants Adonts recreated the interpretations of David Philosopher, the Anonymous Interpreter, Movses Kertogh, Stepanos Syunikian, Gregory Magistros, Amam of the East. Systemizing by chapters and fragments the grammatical contemplations of David Philosopher and Greek grammaticists he has studied a number of significant questions of the Greek school.

Constantly highlighting the role of reasoning, reflecting and the task of forming a holistic and dynamic Weltanschauung, while understanding at the same time that the history is not only a mere sequence of actions but as well and in the first place the reflection of perception and comprehension, Nikolay Adonts has written: “The individual either alone or in community acts in as much as his comprehension goes. One can state with confidence that the level of maturity of a nation, the horizons of its vision, are very often determining as well the path of its history...”

Говоря об объективности и субъективности в истории, Поль Рикер в своей книге “История и истина” в главе “Перспективы критики” дает несколько глубоких формулировок, которые могут стать лучшими характеристиками Николая Адонца.

Говоря о том, что “мы ждем от истории соответствующей ей объективности”, и что “именно из этого мы должны исходить и ни из чего другого”, и отмечая, что “объективно то, что разработано, приведено в порядок и методически осмыслено мышлением, то, что в конечном счете делает его понятным”, Рикер отмечает также, что “это истинно для физических и для биологических наук. Однако, это не означает, что объективность истории “та же, что у физики и биологии. Существует столько уровней объективности, сколько существует методических подходов. Стало быть, мы ожидаем, что история прибавит новую область к меняющейся своим границы империи объективности.

Это ожидание включает в себя и другое ожидание: мы ждем от историка определенной субъективности, не субъективности вообще, а такой субъективности, которая могла бы в точности соответствовать объективности, в свою очередь

соответствующей истории. Таким образом, речь идет о вовлеченной субъективности, вовлеченной благодаря ожидаемой объективности”.

Говоря о субъективности, Рикер делает следующее достойное внимания замечание: “под словом субъективность мы понимаем нечто более важное, чем просто хорошая субъективность историка; мы ждем, что история будет историей людей, и что эта история людей поможет читателю, воспитанному на истории историков, построить субъективность более высокого уровня, не только субъективность “я”, но и субъективность человека вообще.”

Это гармоничное и чудесное сплетение объективности и субъективности налицо в Николае Адонце, а кроме того, тот живой трепет души, о котором Рикер ничего не говорит.

Адонц изначально применяет такие подходы и соображения, которые чаял видеть Акоп Ошакан, который не отрицая вовсе огромный вклад и усилия мхитаристов Вены и Венеции, все же как основную и плачевную истину отмечал нехватку трепета живой души. Касаясь исторических исследований, посвященных древним временам, Акоп Ошакан в книге “Под сенью кедров” пишет: “Я желал вновь обрести ту жизнь во всей ее полноте, со всеми оттенками ее проявления, и воспроизвести наш народ не только одной стороной как бездушный музей гравюр, а как некое движущееся и поступательное целое.” И далее продолжает: “Только художник может проникнуть по ту сторону слов и камней и направить свой свет в сердца мертвых. Знаете ли вы, какой трогательный образ встанет перед вами, когда сделанная таким образом работа осветит какой-либо период истории? Безусловно попытки Адонца, хоть и частично, можно принять как пример такого подхода, которые достойны внимания как первые попытки”.

Не отрицая тяжесть, а порой и невозможность такого труда, Ошакан требовал, чтобы был изменен метод для основного усилия оживления прошлого.

Опубликованные недавно три тома пятитомника Николая Адонца, к сожалению, удостоились того же равнодушия, что и первые два тома пятитомника Ерванда Лалаяна /остальные так и не вышли в свет/, а также удивительный двухтомник Гарегина Срандзтянца.

Все книги, а также многочисленные исследования Адонца на иностранных языках могли бы стать темой объемного труда, что выше моих сил, поэтому я хотел бы обратиться к труду “Древнеармянское мировоззрение”, опубликованному в первом томе, а также рассмотреть единственную в своем роде и вероятно одну из наиболее примечательных книг автора – “Дионисий Фракийский и армянские толкователи”.

Если труды по мифологии Генрикуса Гельцера, Овсепя Эмина и Гевонда Алишана примечательны как научно-исторический фактический материал, то работа Адонца “Древнеармянское мировоззрение” – один из первых трудов в нашей историографии, в котором предпринята попытка выявить основы, параллели и взаимопроникновения нашего мифического мировоззрения, о чем говорит и сам автор в начале книги.

“Сколь бы важными ни считались внешние, так называемые материальные факторы истории, невозможно недооценить значимость внутренних или духовных

импульсов. Если первые дают необходимый для истории стройматериал, то вторые – истинные архитекторы, которые создают из неодушевленных материалов чудесное вечногласное здание истории. Мысль является наибольшей из действующих сил истории. Единое целое из усвоенных мыслей и понятий, то, что называется мировоззрением, это то, что формирует и очеловечивает бессмысленный материал”.

В работе «Древнеармянское мировоззрение» Н. Адонц реализовал то требование и мечту Ошакана, что больше касалось литературы, иногда осуществляющей это чудо. Ошакан требовал, чтобы был изменен метод одушевления прошлого, что и великолепно осуществил Н. Адонц в маленькой книжке «Древнеармянское мировоззрение”.

Если Гевонду Алишану, подчиненному старым способам мышления глубокому знатоку и исследователю армянского прошлого, тем не менее, практически не удалось преподнести нам никакой значимой действительности, кроме описанной в книгах, то есть того трепета, того движения живой души, который и одушевляет ту капелюшку крови, что таится в ладонке Мгера маленького, то Николай Адонц, этот по словам Ошакана “простой филолог”, но творческий мыслитель, сумел донести до нас в своих нескольких монографиях догадки, достигающие до животрепещущего панорамного обзора.

Николай Адонц не только историк, но и ”летописец” в классическом смысле этого слова (как и Манандян и Капанцян в некоторых своих работах), и он знал ту простую истину, (которая отличала наших средневековых летописцев), что без гармоничного соединения высшего познания и глубочайшей чувственности история не пишется, о чем, кажется, забыли многие из наших современных историков.

В работе “Древнеармянское мировоззрение” Н. Адонцу удалось разъяснить не только спорные вопросы, доступные историографии и филологии, но оттенки психологии, атмосферу и уровень познания древнего племени. И все это сделано с удивительным умением и искусством, которые редко встречаются в историографии.

Чтобы читатель получил хоть какое-то представление о рассматриваемой работе, приведем несколько цитат:

“Божество и диктуемое им – небесные идеологические пары для земли, которые добрыми дождями оплодотворяют историческую землю...”

К сожалению, огонь и меч, которые постоянно превращали в руины нашу страну, не пощадили также наш внутренний мир. А разрушения такого рода не менее бедственны, чем материальные разрушения. Следовать нашему мировоззренческому пути, выяснить его родные и чуждые сферы или восстановить его столько раз прерванную нить – невозможно. Те ужасы, которые постигли нашу страну, страшны тем, что погубили целые мировоззрения, уничтожили драгоценное и нематериальное богатство опыта прожитого прошлого.

... Изучать погребенных богов в то время, когда ни во что не ставятся даже живые боги, возможно, тщетный труд. Однако богоотречение не только знак морального падения, но и худший способ самобичевания.

Воистину, что есть божество, если не явление возвышенных грез человечества, и что есть история, если не поиск новых божеств, не стремление к новым высотам.

В этом причина того, что человечество с трудом покидает своих идолов, нелегко расстается со своими святынями. Боги умирают, однако обломки их культа остаются в качестве священного вклада, который передается от поколения к поколению, от храма к храму, сохраняя свое древнее таинство. И удивительно то, что чаще всего долго живут именно внешние проявления религии, которые более доступны обществу: обряды и ритуалы. Вина меняются, остаются бурдюки как священные сосуды, готовые принять новое содержание.

Даже устремленное ввысь учение Евангелия не пренебрегло опустошенными бурдюками язычества. Когда звучал голос Христа, языческое небо было практически незаселенным, боги утратили силу и обаяние, и в храмах сохранились лишь голые скелеты прежних верований. Христианство с легкостью заняло голые скелеты и вдохнуло в них новую душу.

Ритуальное наследие старой религии было богатым именно в тех странах, которые стали первой сценой новой проповеди и местом мученичества нового учения. В их числе была также Армения”.

Пионером изучения трудов греческой грамматической школы и исследования их сборных критических оригиналов в начале 20-го века был тот же Николай Адонц со своей книгой “Искусство грамматика Дионисия и его армянские толкования”, которая по мнению одного из оппонентов Николая Мара, должна была стать настольной книгой каждого, однако стала предметом изучения малочисленных специалистов.

Путем текстогрфически-филологического сопоставления рукописных вариантов Адонц восстановил толкования Давида Философа, Безымянного Толкователя, Мовсеса Кертюга, Степаноса Сюнийского, Григора Магистроса, Амама Восточного, систематизируя по главам и отрывкам грамматические воззрения Давида Философа и греческих грамматиков, изучил ряд важнейших вопросов греческой школы.

В той же книге Н. Адонц опубликовал греческий оригинал “Грамматического искусства Дионисия Фракийского” (отметим также, что он знал в совершенстве древний и современный греческий язык, а также ряд других – латинский, санскрит, персидский, турецкий, грузинский, немецкий, французский, английский, итальянский и русский, в совершенстве владел тонкостями и секретами грабара и среднеармянского языка), и сохранившийся в рукописных памятниках сборный критический текст армянского перевода, к которому он присовокупил словарь непонятных слов и положений из текста, составленный позже – “Грамматический словарь”. Он опубликовал также толкования шести армянских толкователей, сопроводив их составленным им списком слов. Первый список содержит новые слова, использованные переводчиком, истолкованные путем сравнения со Святым Писанием или классическим армянским, а остальные – тонкости словарного запаса каждого переводчика по сравнению с его предшественником. В конце отдельным списком представлены встречающиеся в переводах и в оригинале имена собственные.

Без данной работы Н. Адонца не появились бы на свет ценная книга “Греческая школа” А. Манандяна, книга Г. Джаукяна “Труды по грамматике и правописанию в древней и средневековой Армении (V-VI вв.) – наиболее объемное и всестороннее исследование грамматических трудов грекофильской школы, а также примечательная работа “Греческая школа и ее роль в создании грамматической терминологии армянского языка” А. Мурадяна, “Эстетические воззрения средневековой Армении” А. Адамяна – спорный, местами неприемлемый труд, однако, вместе с тем, очень интересный в одном – в тенденции подчеркивания самостоятельности и инаковости средневековых толкователей, чего к удивлению не сделал Н. Адонц в своей славной книге. Однако, как говорит один китайский мудрец, “все гениальные люди имеют энергию заблуждения”, что однако не дает права, забывая про сделанное, судить о несделанном.

В главе первой “Теория рукописных памятников” своего исследования Николай Адонц замечает, что “несмотря на то, что грамматическая наука давно уже отделилась и стала самостоятельным предметом, в древности она изучалась вместе с риторикой и философией, рассматриваясь как необходимое звено системы созерцательного наблюдения вообще. Этот факт наиболее подчеркивал значение грамматических знаний, придавая им особый вес”.

Касаясь текстов армянских толкователей, включенных в книгу Н. Адонца, необходимо заметить, что они являются образцом совершенного соединения математики и музыки, важность чего всегда отмечал Николай Кузанский.

Как говорил один из древних толкователей: «Необходимо чувствовать внутри своего тела тело книги, чтобы приобщиться к смыслу книги”.

Неповторимый дар искусства толкования, который был дан средневековым армянским толкователям, сегодня очень часто недоступен грамматикам, которые большей частью уже являются потерявшими под ногами почву и не имеющими неба в глазах, грамматикам, которые превратили причастность в средство общения и уже совершенно не понимают языка жар-птицы, и видение, как птичья стая, покинуло их.

А средневековый грамматик: поэт, писец, композитор и сказитель, миниатюрист, преклоняющийся пред видением, воссоздатель, неся в небесах своей души, как птичью стаю, письма, превратил их в тело, и перед телом этим преклонялся в знак овеществления тайных сил.

Удивляешься, что можно так писать, скажем, о букве, и когда буквы собираются в стаю, небеса наполняются небом.

И когда римские солдаты вживую сжигали одного ближневосточного наставника вместе со святыней его жизни – святой рукописью, и ученики спросили его: “Что ты видишь?”, он ответил: “Рукопись горит, а буквы улетают далеко-далеко”.

Если греческий Грамматик, который в глубине души был гением устного слова и пренебрегал писарем внутри себя, однако не запрещал записывать, словно для уравнивания слова и молчания, языка и безмолвия, более всего любил “свободное тело”, взметнувшееся в небо словно клин журавлиной стаи, сплетенный из слов песенника, и не менее важным было также усвоение всего этого и индивидуализация на нашей земле и в нашем языке.

И для того, чтобы бесконечно не продолжать эти иноземные мысленные путешествия по нехоженным тропам, сквозь расселины, пропасти, скальные пещеры, вернемся в наш мир и посмотрим, о чем говорит армянский грамматик: “И поскольку не было у них письмен, принесли бестелесное Слово и одели на него тело, чтобы с легкостью постичь непостижимое”. И говорит, что запечатлели их на скрижалях, а затем на пергаменте, и бестелесное сделали телесным, то есть подарили ему тело: письмена. А затем в другом месте: “Называется письмо буквой, то есть элементом /ւնիր/, стихией, поскольку стихии являются веществом для всякого тела... И так приспособливается повествование к строению тела письма, буква к душе, письмена к телу, гласные к чувству, согласные к другим членам, густое к костям, голое к мягкому телу, мышцам и нервам, срединные к венам и сухожилиям. И вся литература ко всему человеку”.

Мы, что годы напролет несли язык вовне, как знамя, щит, или даже как королевскую мантию, внутри нашего тела зачастую не ощущаем тела языка, чтобы приобщиться к его смыслу. Если труд Дионисия Фракийского, как замечает сам Н. Адонц, являясь в классическом смысле уникальным и совершенным учебником грамматики, исключительно относится к этимологии, и не рассматривает задач синтаксиса, либо другие проблемы, то наши средневековые толкователи перед нами вычерчивают дремлющую во всем поэзию.

Возвращаясь к Н. Адонцу, перечитывая его разные и посвященные разнообразным вопросам монографии, статьи и исследования, мы сегодня подчас обретаем составляющее нашей самости, говоря его же словами, “столько раз прерванную нить”, которая в течение многих лет была погребена под покровом провинциального безразличия и велеречивого восхищения, и обретаем также погребенное в глубоком и непостижимом колодце истории, изначальную достоверность мерцающей звезды: с ее голосами, запахами и красками, что так недостает нам сегодня.

Постоянно подчеркивая роль мышления, раздумий и задачу формирования целостного и не застывающего мировоззрения, и понимая также, что история, помимо последовательности действий, является также в первую очередь воплощением восприятия и понимания, Н. Адонц писал: “Индивидуум, в одиночку или сообщая, действует в той мере, в которой постигает. Можно смело сказать, что уровень зрелости наций, горизонты их видения, зачастую определяют круг их истории...”

Каковыми бы ни были причины возникновения или развития мировоззрения, сколь бы ни были они связаны с внешними причинами, но единожды сформированное и разработанное, мировоззрение становится впредь самостоятельной и самодовлеющей силой, и действует вкупе с другими импульсами, путем независимого или взаимного воздействия”.

Только сила и направленность внутрь данного взгляда была способна обеспечить дар следования подчас по невидимым следам истории, и то самотворение объективности истории, о котором говорит автор “Апологии истории” Марк Блок, и которое доступно лишь сильным индивидуумам.

Акад. Гр. Капанцян

О ДВУХ СОЦИАЛЬНО–ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕРМИНАХ
ДРЕВНЕГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА: EWRI–„ВЛАДЫКО,
ЦАРЬ“ И RITIAṢS–(BITIAṢŠ) „ВЛАДЕТЕЛЬ
ИЛИ ПРАВИТЕЛЬ ОБЛАСТИ“¹

I. ewri-

Это слово употреблялось у древних хурритов (и в Митанни), а также уартцев и, видимо, в бассейне верхнего Евфрата, судя по одной иероглифической «хеттской» надписи у города Кархемиш.

В письме митаннийского царя Тушраты (1410-1375) к египетскому фараону Аменхотепу III читается KUR Mizirriewānieš ipriš «египетский царь»². В чтении ip-gi-iš знак ip было предложено исправить в iw (см. у Борка, Митаннийский язык, стр. 124), и таким образом все слово теперь читается iwgi- или еще лучше ewgi- (конечное š есть окончание им. пад.). Значение же этого слова «царь» ни у кого не вызывает сомнения. Чтению ewgi приходится дать предпочтение перед iwgi, ибо в надписях из Богазкоя читается, например, e-ew-re-eš (KUB, XXVII, 46i, 26) и e-ew-re-we (e) (KUB, XXXI, 3 rev., 7). Мы уже не говорим об одной древнехурритской надписи (Bo., 2359+Bo., 3054, col. IV, стр. 8-30, у Э. Форрера 2 BoTU, стр. 25*), где также встречается ip-ti-e-we(e)-ig-ne, как и отдельно e-rí-ig-ni в форме вин. пад. на -n.

В надписях из Нузи наше ewri-||iwgi- выступает в местном хурритском диалекте метатезированно. Есть ewrišše «царствование»³, как и ^dIŠTAR er-wi-in. Особенно многочисленны собственные личные имена с первым или вторым компонентом сложения на erwi, как Erwiari, Erwihuta, Erwinuhni, Erwišarri, Erwitalma, Huip-erwi, Kartip-erwi, Kelip-erwi, Nanip-erwi, Tešuperwi и пр. (см. «Nuzi personal names», Chicago, 1943, лист Пурвеса, стр. 210-211). В одном хурритском тексте из Богазкоя читается неметатезированное ^dEwri-muša [=«царь красивый» (?)], а в одном среднеассирийском тексте Ewrišuḫurni с вариантом Ewrišuḫurna (там же).

В одной иероглифической «хеттской» надписи из Кархемиша читается uṛinašī (-jūṛinas или iwṛinas) с основой iwṛina-, что И. Гельб переводит «правитель, князь»

¹ Настоящая статья была опубликована в "Вестнике древней истории" No 3 за 1949 г.

² Есть также формы: ipra (I, 74), iprennašuš (III, 48), ipripi (III, 104, 105) и др. (см. Messerschmidt, Mitanne Studien, стр. 126).

³ По суффиксу -še ср. уартские ulguše – «жизнь, здоровье», rišuše – «радость», alšuše – «величие», ušmaše – «слава», wapiše – «покой» (?), baūše – «слово, поведение» и т. п. Этот суффикс част и в хурритском.

(«ruler», «prince», см. его «Hittite hieroglyphs», I, Chicago, 1931, стр. 64 и 62). Это слово мне очень напоминает алфавитно написанное угаритское «ewṛn» или «iṛwn».

Наконец, хурритское ewṛi «царь» родственно с урартским ewṛi «господь» (NPN, там же)⁴. Последнее применяется всегда в отношении бога Халда более чем в двадцати надписях (^dHaldie ewṛie = «Халду господу» или реже ^dHaldie ewṛie-ukie = «Халду, господу моему»).

Посмотрим, отложилось ли это хурро-урартское ewṛi в армянском и грузинском языках и каково его применение здесь. Некоторые грузиноведы обратили внимание на непонятный припев в песнях грузина-пахаря — «thari Aralo, iṛti Aralo». Последнюю часть, имея в виду сходство слова iṛti с нашим хурро-урартским ewṛi, можно перевести «могучий Арало», «го'споди Арало». Слово же thari, что есть и в аналогичном выражении — tharai Nina, можно сопоставить с урартским thara — «могучий» (ср. вместо обыкновенного LUGAL DAN. NU «царь могучий», встречающееся однажды в титулатуре урартских царей фонетическое LUGAL tarae), хотя в Келишинской надписи tarāe значит «много» (ZA, V, (1929), стр. 108).

Армянский язык лучше сохранил хурро-урартское ewṛi, но с изменением начального гласного «е» в «а», т. е. в awṛi, что часто бывает в армянском (в древнем северном диалекте?), особенно перед плавными «л» и «г», как ełbajr || albajr = «брат», erag || arag = «быстрый», ełindž || alindž = «крапива», в собственных именах Eriza || Ariza, Erasx || Araks и т. п. Это армянское awṛi сохранилось только в древних письменных памятниках в следующих формах: 1) awṛear, произносимое позже ðṛear или oṛear, что Н. Марр переводил «знать, знатные» в противоположность принятому переводу мхитаристов (и Ачаряна) «люди»; 2) awṛeankh (встречается раз) с тем же значением, что и awṛear, но с тем различием, что в первой форме awṛi выступает с суф. мн. ч. — (e)ar (*awṛi-eaṛ > awṛear), а во второй форме имеется суф. мн. ч. — ankh, т. е. из *awṛi-ankh получилось awṛeankh, ибо фонетически арм. ia часто изменяется в ea (ср. patani «юноша», но с прибавлением уменьшительного суф. — ak (пишется уже pataneak и т. д.); 3) awṛiord «барышня», дословно «господское дитя» (сейчас ordi значит «сын»). Несомненно, awṛear или awṛeankh «господа» является древним термином с определенным социально-политическим применением. Особенно это выступает в сложных azatōṛear «знатные господа», т. е. «знатные правители» или «правители (господа), выпешшие на знати», при řamik oṛear «мужикоправители» («мужики господа»), что явно говорит в пользу захвата власти простым народом («черны», «мужиками»), т. е. свидетельствует о классовой борьбе.

2. pitiaḥš — | bitiaḥš — | bidiaḥš

Под этим термином понимается высшее должностное лицо у персов (magister equitum по Аммиану Марцеллину)⁵, грузин и армян.

⁴ В урартском есть и синонимные alusi и alawi, см. мою работу «История Урарту» (на арм. яз.), Ереван, 1940, стр. 87–88. С последним ср. хурр. allai «государыня» (об Иштар).

⁵ «Sunt autem in omni Perside hae regiones maximae, quas Vitaxae id est magistrī equitum curant, et reges et satrapae — Assyria, Susiana, Media, Persis, Parthia» etc. (XXIII, 6, 14).

У грузин это слово звучит *pitiaḥṣi*, т. е. *pitiaxṣi*. Думали, что институт питиахшов появился у них к концу IV или в начале V в., когда Грузия попала в зависимость от сасанидской Персии. Но этих питиахшов, как своих правителей в Грузии, назначали не только персидские, но и сами грузинские (иберийские) цари, которые имели при себе этих высших чиновников, делившихся на старших и младших, с титулом «владыко». Последние имели своих рабов, слуг и других подчиненных⁶. Интересно разное написание интересующего нас термина в среднеиранских и «армазских» (арамейских) надписях из Грузии, где читаются — *bṭḥṣy*, *pyṭḥṣ*, *bṭḥṣ*, *bity'hṣ*, что звучало *bitiaḥṣi* и *pitiaḥṣi* (там же, 55). Ср. греческие формы — *βιταξηζ* и *πιτιαξηζ*, *πητιαξηζ* как более старое написание. У сирийцев имеется *apṭaxšā* (-ῥπαρχοζ царя).

Но у армян значение термина «питиахшат» выступает в несколько ином значении, чем у персов и грузин. Армянское *bdeaṣx* обозначало правителя пограничной провинции (самый высокий ранг после царя). Отмечаются особенно четыре бдеашха в древнейшие времена (по армянским историкам Фаусту Византийскому и Агафангелу) — бдеашх Арзанены, бдеашхи Ноширакана и Махкертунa и особенно бдеашх Гогарены. Армянская форма *bḁdeaṣx* (пишется *bdeaṣx*) получилась закономерно из *bidiaṣx* с изменением неударного *i* в гласное *ə* и с переходом срединного *ia* в *ea*, как это мы видели и выше (*awṭiaḡ* или *awṭiankh* стали *awṭear* и *awṭreankh*). Метатеза же из *xṣ* в новое *ṣx* также закономерна в армянском⁷.

Что касается этимологии интересующего нас слова, то ее хотели было объяснить на иранской языковой почве. Однако сопоставить *pitiaxṣ* (или *bidiaxṣ*) с пехлевийским *pātaxšāh*, новоперсидским *pādšāh* «царь» трудно из-за гласного *i* первого слога (*pitiaxṣ*), которому в иранском слове соответствует гласный «а» (*pātaxšāh*, *pādšāh*).

Считая значение «полунезависимый правитель (властитель) пограничной области» более первичным, как это явствует в применении к армянским пограничным областям Арзанены (= районы притоков Тигра, к югу от Тавров), Ноширакана (= запад от Урмийского озера), Гогарены (в районе реки Чорох) и др., судя также по объяснению самих древнеармянских писателей, я предлагаю термина *pitiaxṣ* или *bitiaxṣ* считать местным социально-политическим термином, унаследованным из древней культуры Малой Азии и хеттского — лувийского языков. Хотя самого этого слова в хеттской официальной литературе в XIX-XII вв. до н. э. мы не встречаем, но это еще не исключает возможности его бытования, например на юге (Арзава и др.), или позднего образования.

Само слово мы рассматриваем как сложное, образованное из *piti* (или *biti*) «место», и *aḥṣ* «владеть». Имея в виду и греческое написание *πητιαξηζ*, можно

⁶ См. Г. Церетели, Эпиграфические находки в Мицхете, ВДИ, 1948, № 2, стр. 57.

⁷ Например, из древнеиранского *xšaθra* «владение, область» имеем армянское *aṣxaṭh* «мир, страна», из пехлевийского *vaḥṣ* (= авест. *vaḥša*) «приращение, прибыль, ростовщичество» имеем армянское *vaḥṣ* т. п.

будет для первого компонента предложить и форму *peti*. Этимологически ср. хеттское клинописное *peda* «место» (вин. пад. *pedan*, местн. пад. *pedi* или *peti*). Для второй части *aḫš* я указал бы на сложные личные имена коренных жителей древней Каппадокии, приводимые в ассиро-вавилонских текстах: *Arzanaḫšu*, *Bervaḫšu*, *Ḫištaḫšu*, *Kinaḫšu*, *Laḫraḫšu*, *Luarraḫšu*, *Maḫiraḫšu*, *Nimaḫšu*, *Nivaḫšu*, *Šubeaḫšu*, *Šubunaḫšu* и др. Упоминается и царь Кизватны (современная Киликия) по имени *Išputaḫšu*. С этим «лувийским» *aḫš* я бы сравнил и хеттское *ḫaššu* «царь», откуда *ḫaššueit* «он царствовал» (ср. урартское *ḫašubi* «я овладел?»), хотя есть и др.-иранское *xšā* - «владеть» (санскритское *kṣā* -). Этот компонент *aḫš* «владелец» мне напоминает аналогичное *-arx-* в греческом языке (Плутарх, Гиппарх, Аристарх и др.) или *rig* || *rik* в кельто-германских словах (Думнориг, Оргеториг, Фредерик, Теодерик и др.).

Относительно предложенной мной этимологии *pitiaxš* (или *bidiaxš*) в связи с хеттским *peda* «место» и *aḫš* (в именах хеттов и лувийцев *Arzanaḫšu*, *Bervaḫšu* и др.) можно сделать возражение, что хеттское *peda* — «место» оканчивается основой на «а», а не «i», как имеем в трактуемом нами слове *piti* (*aḫš*). Но ведь последнее слово не чисто хеттское, а скорее относится к лувийскому, родственному с ним языку. Форма же *piti* или *bidi*, вместо официального хеттского *peda*, ненамного отличается от него и также могла существовать в этом лувийском языке или диалектах Южной Малой Азии. Что же касается значения нашего слова *piti-axš* «владелец (правитель) пограничных районов» (судя по армянским данным), то хеттское *peda* «место» опять-таки не мешает новому его значению «предел, граница, пограничный район», ибо с точки зрения центральной власти административное выражение «места» могло относиться к периферийным местам, к провинциям, как вновь присоединенным местам. А за то, что в древности существовали термины для обозначения начальников или правителей «районов» или «мест» в смысле пограничных мест, говорит иранское *marzraḫ*, вполне соответствующее немецкому *Markgraf*-у, или, например, синонимные армянские *kusakal* или же *kołmnakał* из *kojs* или *kołmn* «сторона» и глагольного корня *kal* — «взять, овладеть».

У меня не вызывает сомнений древнемалоазийское происхождение слова *pitiaxš* или *bitiaxš* (*bidiaxš*) и его важное социально-политическое значение. Иранский мир мог его заимствовать, примеры чего встречаются и в других случаях. Языковой источник нашего термина — южная часть древней Каппадокии и страны Арзавы, где господствовал близко родственный хеттскому лувийский язык, давший аналогичные образования.

НАШИ АВТОРЫ

Лилия Аванесян,	Музей Истории Армении
Заруи Акопян,	Кафедра истории и теории армянского искусства, Ереванский государственный университет
Саргис Арутюнян,	Институт Археологии и Этнографии НАН РА
Гарник Асатрян,	Кафедра иранистики, Ереванский государственный университет, редактор журнала "Иран и Кавказ"
Ваге Бояджян,	Кафедра иранистики, Ереванский государственный университет
Мкртич Зардарян,	Институт Археологии и Этнографии НАН РА
Армине Зограбян,	Музей Истории Армении
Аида Маилян, Жанна Манукян, Назик Меликян, Светлана Мхитарян, Елизавета Фельдман,	Институт языка им. Р. Ачаряна НАН РА, группа структурно-сопоставительной лингвистики
Сейрануш Манукян,	Институт Искусств НАН РА, кафедра истории искусств исторического факультета, Ереванский государственный университет
Армен Петросян,	Институт Археологии и Этнографии НАН РА
Арцруни Саакян,	Институт древних рукописей им. Маштоца Матенадаран НАН РА
Нвард Тирацян,	Институт Археологии и Этнографии НАН РА
Вардан Ферешетян,	Писатель, публицист, редактор журнала «Актуальное искусство»

OUR AUTHORS

Garnik Asatrian,	Department of Iranian Studies Yerevan State University, Editor-in-chief «Iran and the Caucasus»
Lilya Avanesian,	History Museum of Armenia
Vahe Boyadjyan,	Department of Iranian Studies, Yerevan State University
Vardan Fereshetyan,	Writer, journalist, editor of the magazine «Current Art»
Zaruhi Hakobyan,	Department of History and Theory of Armenian Art, Yerevan State University
Sargis Harutyunyan,	Institute of Archaeology and Ethnography National Academy of Sciences of the Republic of Armenia
Lusya Kazarian,	Department of Iranian Studies, Yerevan State University
Aida Mailyan, Zhanna Manukyan, Nazik Melikian, Svetlana Mkhitarian, Elizabeth Feldman,	Institute of Language them. R. Acharyan, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Group of structural-comparative linguistics
Seyranush Manukyan,	Institute of the Arts, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Department of Art History, History Faculty of the Yerevan State University
Armen Petrosyan,	Institute of Archaeology and Ethnography National Academy of Sciences of the Republic of Armenia
Artsruni Sahakyan,	Institute of Ancient Manuscripts them. Mashtots Matenadaran, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia
Nvard Tiratsyan,	Institute of Archaeology and Ethnography National Academy of Sciences of the Republic of Armenia
Mkrtich Zardaryan,	Institute of Archaeology and Ethnography National Academy of Sciences of the Republic of Armenia
Armine Zohrabyan,	History Museum of Armenia

ЦЕНТР ПОДДЕРЖКИ АРМЕНИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Москва

•

Армянский гуманитарный вестник

Հայագիտական ուսումնասիրություններ պարբերագիր

Bulletin of Armenian Studies

2/3-I 2009

ISBN 978–99941–1–646–1

Печать офсетная. Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная, 80 г.
Объем 10.5 п.л. Тираж 500 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗАНГАК–97»

0051, Ереван, пр. Комитаса 49/2, тел.: (+37410) 23-25-28,
факс: (+37410) 23–25–95, эл. почта: info@zangak.am,
эл. сайт: www.zangak.am, www.book.am

Отпечатано в типографии издательства "Зангак-97"